

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2015 – 1 (271)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2015**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2015. – № 1 (271). – 172 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. Кочетков.</i> Национальное государство в условиях глобализации.....	5
<i>И. Габдрафиков, И. Кучумов.</i> О едином учебнике истории России: Взгляд из Казани и Уфы.....	19
<i>С. Абашии.</i> Движения из Центральной Азии в Россию: В модели нового мироустройства	29

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>С. Аккиева.</i> Кабардино-Балкарская Республика. (Мониторинг этнополитической ситуации)	44
<i>Д. Алиева.</i> Особенности политизации ислама в современном Дагестане	55
<i>А. Ярлыкапов.</i> Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: Итоги и перспективы	60
<i>С. Хименес Товар.</i> «Казахстанизация» Казахстана: Языковая политика, национализм и этнические меньшинства.....	69
<i>Л. Додхудоева.</i> Таджикистан: Социокультурный код эпохи и публичный ислам	78
<i>Е. ИONOва.</i> Внутривнутриполитическая обстановка в Узбекистане.....	86
<i>Б. Волхонский.</i> Гидроресурсы как фактор геополитики в Южной и Центральной Азии	95

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>М. Конаровский.</i> Афганистан на грани. Чего ждать России после ухода войск НАТО	111
<i>С. Демиденко.</i> Ирак: Смена декораций	120
<i>Н. Кисовская.</i> Мусульмане на Апеннингах: Трудный путь к интеграции	128
<i>С. Ланцов.</i> Революционные процессы на Ближнем Востоке: Социально-политические механизмы и геополитические последствия	139

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Д. Брилёв.</i> Ислам в мультикультурном мире. Модернистские группы Украины в международном контексте	157
<i>Т. Каландаров.</i> Рецензия на книгу «Новейшая история исмаилитов. Преемственность и перемены в мусульманской общине»	166

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

А. Кочетков,

доктор философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова)

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В процессе формирования глобально-информационного общества и трансформации существующей системы международных отношений важной и актуальной задачей становится определение в этих условиях роли и исторических перспектив национального государства. В западной политической науке можно выделить два направления, укрупненно отражающих основные подходы к изучению данной проблемы. Представители политического реализма Х. Булл, Р. Гилпин, Г. Моргентау, К. Уолц и др. [Булл, 2002; Gilpin, 2002; Morgenthau, 1955; Waltz, 1959] считают государство главным актором на мировой политической арене, хотя при этом признают важность и других «игроков», таких как Всемирный банк и МВФ. Сторонники либерального интернационализма – Р. Кохэн, Дж. Най, Дж. Розенау, В. Хантли [Най, Кохэн, 2002; Rosenau, 2005; Huntley, 1996] – высказываются за создание некоего органа международного управления, наделенного соответствующими властными полномочиями и организованного по типу либо мировой федерации или конфедерации, которая предполагает наличие некоего мирового правительства с наднациональной властью. Вариантом этой модели выступает децентрализованная и плюралистическая система международного управления в традициях функционализма (подробнее см. [McGrew, 2002; Барабанов, 2009]).

В российских гуманитарных науках, в том числе и в политологии, анализируются лишь отдельные аспекты рассматриваемой проблемы (см. [Лукашук, 2000; 2002; Дробижева, 2000; Салмин, 2001; Блинов, 2003; Беспалов, 2006; Ильин, 2000; Ильин, Иноземцев, 2001; Кортунов, 2009; Баграмов, 2010]). Однако они не дают окончательного ответа на вопрос о значении национального госу-

дарства в период формирования глобально-информационного общества и перспективах его дальнейшего развития. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех аспектов указанной темы, определенный вклад в ее разработку призвана внести данная статья.

Анализ развития глобализации мирового сообщества показывает возрастание роли транснациональных корпораций (ТНК). В начале XXI в. в мире действовало 64 тыс. ТНК, контролирующих 830 тыс. иностранных филиалов. Материнские компании расположены главным образом в развитых странах (50,2 тыс.), а большее число филиалов приходится на развивающиеся страны (495 тыс.). На предприятиях ТНК работает 73 млн человек (10% всех занятых в несельскохозяйственном производстве), которые ежегодно производят продукции более чем на 1 трлн долл. С учетом различной инфраструктуры и смежных отраслей ТНК обеспечили работой 150 млн человек. Иначе говоря, на долю ТНК приходится около 50% мирового промышленного производства и свыше двух третей внешней торговли. Они контролируют примерно 80% патентов и лицензий на изобретения, новые технологии и ноу-хау. До 50% экспортных операций США осуществляются американскими и зарубежными ТНК; в Великобритании аналогичный показатель составляет 80%, в Сингапуре – до 90% [Кочетков, 2012, с. 53, 54].

Всё это позволяет утверждать, что движущей силой глобализации выступают транснациональные корпорации и банки. Под мощным воздействием глобальной экономики и глобальной политики начинает размываться автономность национального государства, его самодостаточность и способность выполнять ряд важных функций. Так, по мнению Д. Фридмана, «по мере того как экономика становится все более взаимозависимой на глобальном уровне, все меньше местные и региональные власти могут с помощью существующих механизмов решать проблемы повседневной жизни своих граждан. Традиционные структуры социального и политического контроля, используемые властями для решения проблем развития, создания рабочих мест и распределения создаваемого богатства, разрушаются под влиянием интернационализации экономики и потоков обмена информацией между мощными акторами, чья деятельность находится вне сферы регулирования государства» [Friedmann, 1995, p. 95]. Сторонники гиперглобализма полагают, что в условиях формирования единого мирового экономического пространства государства-нации вообще будут не нужны: они

«становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики» [Хелд, 2004, с. 3].

Действительно, глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать свои экономики, а также отчасти сферы политики и культуры. Постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на принятие решений общегосударственного масштаба как рядовых граждан, так и сформировавшихся групп давления (интересов). Иначе говоря, в условиях глобализации субъекты принятия решений становятся менее доступными, а их решения – менее понятными для общества. Необходимость предварительной тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными элитами. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных ассоциаций и конференций негосударственных объединений стимулирует формирование взаимозависимых элит. Образуется отчетливо осознающая свою автономию транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а это значит, что процессы глобализации усиливают политическую власть элит.

В то же время их способность контролировать национальные электораты снижается. Принимаемые на наднациональном уровне решения нередко стимулируют проведение политики, входящей в противоречие с интересами национальных электоратов. Отсюда – недоверие и подозрительность последних по отношению к своим элитам, которые становятся объектом критики со стороны национальных движений. Опосредованным эффектом процессов глобализации выступает возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшееся нормой в историческом прошлом.

Принятие решений на мировой арене всё больше зависит от весьма жестких рамок, которые устанавливают различные наднациональные структуры (например, МВФ, Всемирный банк). Многочисленные международные организации, а также транснациональные промышленные и финансовые корпорации постепенно формируют весьма влиятельную систему наднационального правления, с которой национальным государствам приходится считаться. Происходит своего рода «передислокация» власти, усиление так называемой субполитики, которая действует «вне парламентской системы, не в оппозиции к ней, а просто ее игнорируя» [Beck, 1992, p. 223; Beck, 1996]). Роль национальных правительств

в ряде важных вопросов становится все более ограниченной и формальной, а традиционные механизмы регулирования общественной жизни оказываются неэффективными.

В то же время во многих странах мирового сообщества (например, в Ирландии, Ираке, Афганистане, Индии, Испании, Италии, Бельгии, Великобритании, Канаде, США и у нас в России) значительно усилились этнические конфликты, которые приобретают глобальный резонанс. Для многих людей в наши дни общенациональная и цивилизационная идентичности утрачивают свое значение, на первый план выходит этническая общность. Это приводит, как справедливо отмечает В. Дресслер-Холохан, к отторжению от «общей» культуры и ее ценностей, а в конечном счете, к сегментации общества [Дресслер-Холохан, 1995, с. 26]. Так, уже к середине 1990-х годов около 90% европейцев идентифицировали себя прежде всего со своей национально-этнической общностью или и вовсе со своим регионом [Костина, 2005, с. 125].

Впрочем, этнический «раскол» угрожает Европе и по другой причине: наряду с сокращением коренного населения европейских стран количество иммигрантов из «третьего мира» в них превысило все допустимые нормы. Иммигранты продолжают исповедовать свои религии и соблюдать свои обычаи, часто игнорируя законы и традиции страны проживания. Это усиливает социальную напряженность в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Нидерландах и других западных обществах, порождает межнациональные и межконфессиональные конфликты. Аналогичным образом, по мнению С. Хантингтона, постоянный приток иммигрантов из Латинской Америки грозит разделением США на два народа, две культуры и два языка [Huntington, 2004].

На мой взгляд, возрастание этнической сегментации общества свидетельствует не только о подрыве основ национального государства, но и о возможности перехода его в другое качество. Приобретая ярко выраженный этнический характер, национальное государство будет стремиться сплотить государствообразующую нацию и таким образом противодействовать негативным для себя последствиям глобализации.

Несмотря на распространение в последние десятилетия демократических режимов в разных регионах мира и формальное признание демократических ценностей на всех континентах, усиливается недовольство граждан многих государств тем, как функционирует демократическая система, растет недоверие к механизмам и институтам демократии. Скепсис и разочарование по их

поводу приобретают глобальный характер. Об этом свидетельствуют данные крупнейшего социологического исследования, проведенного в 2006 г. в странах Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы [Voice... 2006]. Отчасти это вызвано проблемами, которые встают перед «новыми демократиями» в развивающихся странах, где сложный период их становления часто сопровождается откатами к авторитаризму.

Кризис демократии имеет место и в странах Запада, где у нее давние и прочные традиции. В 2000-х годах только 43% граждан США и Канады считали, что правление в их стране действительно демократическое, т.е. соответствует воле народа (против утверждения – 52%). В странах Евросоюза данные показатели составили, соответственно, 33 и 61%. Жители этих стран критикуют «закрытость» власти, отсутствие эффективных каналов «обратной связи» между государством и обществом [Voice... 2002; Voice... 2006; Dulto, 2004].

Все это заставляет граждан искать новые формы общественного управления, позволяющие реально учитывать их мнение в решении важнейших общественных проблем. Вот почему возрастает интерес социально активных граждан к институтам и структурам гражданского общества, которые помогают в практической реализации их гражданских прав и защищают от негативных действий правящей бюрократии.

Становится все более ограниченным контроль современного государства и над собственной территорией за счет экономического, военного, политического и информационного проникновения других государств (прежде всего, мировых и региональных сверхдержав), развития интеграционных процессов и образования различного рода межгосударственных объединений и блоков. Усиливается, как уже было отмечено, подчинение государств интересам ТНК и других транснациональных организаций, также располагающих средствами контроля над территорией (например, правом на использование недр, ресурсов морского шельфа и пр.). Это очень важный момент, связанный как с глобализацией, так и со снижением способности государства конкурировать, выполнять свои функции на надлежащем уровне [Блинов, 2003, с. 84].

По мере нарастания глобализации все большая часть государственного суверенитета перераспределяется между локальными, региональными и всемирными регулирующими институтами по принципу субсидиарности, согласно которому властные полномочия национальных государств делегируются на тот институцио-

нальный уровень – надгосударственный либо субгосударственный (региональный, муниципальный), на котором данная конкретная общественная потребность удовлетворяется наилучшим образом [Шишков, 2001].

На современном этапе общественного развития в национальных государствах наблюдается раскол политического истеблишмента и деловых кругов на космополитизированные и национально-ориентированные группировки, которые совершенно по-разному понимают общенациональные интересы и оценивают их значимость. Причем этот раскол происходит и на Западе, и на Востоке. «Космополиты» полагают, что политика, определяемая императивами глобализации, – единственно верный способ достижения прогресса, а не просто неизбежное и не всегда приятное условие существования национальных государств в современном мире. Недовольство такой политикой расценивается исключительно как проявление узости и косности сознания рядового человека. Новый космополитичный правящий слой, который Хантингтон называл «мертвыми душами» [Huntington, 2004, p. 9], всё больше утрачивает национальную идентичность и связь со своей национальной почвой.

В то же время во многом справедливо суждение о том, что передачу государством части своих функций на субнациональный уровень можно расценивать не как его слабость, а наоборот, как проявление силы, точного расчета. По линии «национальное государство – суверенитет – глобализация» образовалось фундаментальное противоречие ввиду того, что эти явления находятся в определенном антагонизме из-за разнонаправленности определяющих их суть процессов, векторов развития – центробежных и центростремительных начал. Нивелирование указанного противоречия, с одной стороны, возможно через появление новых форм публично-властной организации современного общества, а с другой – через выстраивание глобальной иерархии государств (в последнем случае может произойти своеобразное «перетекание» суверенитета от одних субъектов к другим) [Блинов, 2003, с. 84–85].

По моему мнению, сегодня потенциал национальных государств далеко не исчерпан. Такие государства активизировали свою деятельность на мировом рынке. Усилилась роль их правительств в выработке совместной стратегии регулирования мирового рынка, особенно отдельных его сфер. Это связано с тем, что даже самые могущественные ТНК не в состоянии регулировать

стихийные процессы мирового рынка и вынуждены прибегать к помощи государств. А благодаря научно-техническому прогрессу появились новые средства согласования решений [Нечай, 2010].

Особенно заметны действия правительств и центральных банков национальных государств по координации валютно-кредитной и общеэкономической политики в период возникновения критических ситуаций на мировом рынке. Так, во время кризиса 2008 г. Программа антикризисных мер правительства РФ затронула все сферы социально-экономической жизни общества: социальную поддержку населения, обеспечение макроэкономической стабильности, поддержку системообразующих предприятий, создание условий для макроэкономического развития в новых условиях. Особое значение придавалось нормализации функционирования финансового сектора, в первую очередь банковской системы и фондового рынка. Денежная политика предусматривала поддержание равновесного курса рубля, повышение ликвидности в финансовой сфере при одновременном снижении инфляции [Программа... 2009]. Определенная координация глобализационного процесса осуществляется такими влиятельными, общепризнанными международными организациями, как ООН, ВТО, МВФ, группа Всемирного банка, Лондонским и Парижским клубами кредиторов, региональными интеграционными объединениями, ведущими межправительственными «клубами» в разных регионах мира (АТЭС и др.).

В то же время основную нагрузку в борьбе с терроризмом несут национальные государства. Например, ими созданы и активно действуют в борьбе с терроризмом такие организации, как Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН и Антитеррористический центр СНГ. Именно ведущими государствами мира после 11 сентября 2001 г. была сформирована контртеррористическая коалиция. Россия тогда выступила с инициативой создания Глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам.

В настоящее время наднациональные структуры не способны в одиночку без активного участия национальных государств решать стоящие перед человечеством глобальные проблемы разоружения, предотвращения новой мировой войны, экологии, демографии, энергетики, сырьевых ресурсов, обеспечения человечества необходимыми продовольственными ресурсами, борьбы с терроризмом, с мировыми экономическими кризисами. Это заставляет отдельные государства укреплять свои внутренние основы, гибко

чередовать демократические и авторитарные методы управления для решения наиболее важных общественных проблем. Так, США для борьбы с терроризмом не остановились перед ограничением некоторых демократических свобод. Кроме того, укрепление национального государства для правящих национальных элит – средство удовлетворения своего экономического интереса, стремление использовать идею нации для извлечения определенной прибыли из трудноконтролируемых процессов глобализации.

Обеспечить устойчивое развитие национальных государств в условиях развития процесса глобализации и перехода всего человечества к глобально-информационному обществу возможно только при существенной трансформации всей системы государственного управления. Отсюда особую важность и актуальность приобретает правильный выбор модели реформирования национального государственного управления в новых исторических условиях.

Проявлявшаяся с 1980-х годов общемировая тенденция – уменьшение роли национального государства путем передачи его функций либо на надгосударственный уровень, либо на более низкий (от не зависимых от правительства агентств до уровня муниципалитетов) после мирового финансово-экономического кризиса начала XXI в. – сменилась тенденцией «возвращения государства». Так, в США (как, впрочем, и в России) усилился государственный аппарат, влияние государственной администрации на финансовые потоки и структуры.

Однако многие современные исследователи видят решение проблемы реформирования национального государства в условиях бурного развития глобальных мировых трансформаций не только в отказе от командно-императивных методов государственного управления, но и в превращении координационной функции государства в парадигму всей его деятельности (см. [Varieties... 2001; O'Flynn, 2007; Меркулов, 2007]). Сущностные черты координационного подхода к государственному управлению состоят в следующем:

– государство отказывается от собственности и в этом смысле перестает быть непосредственным агентом действия; оно берет на себя роль «трансформатора», т.е. координирует, регулирует экономические отношения, оказывает помощь одним, сдерживая монополизм других, повышая тем самым конкурентоспособность экономики в целом;

– среди управленческих функций государства центральной становится функция координации как во внешней среде, по отношению к объектам государственного регулирования, так и во внутренней, в системе управленческих отношений по их вертикали и горизонтали;

– координация, регулирование, т.е. реализация трансформативных способностей государства не может не включать когнитивного (соединяющего) компонента. Важнейшими элементами коммуникации становятся контакты, культура, знание, взаимное доверие и взаимная ответственность участников общественных процессов.

В связи с возрастанием значения информационно-сетевых факторов в жизни современного общества повышается роль сетевой координации, которая основывается скорее на лидерстве, чем на формальном руководстве и управлении [Сморгунов, 2012, с. 68]. Переход к более гибкому сетевому управлению потребует новых стилей лидерства, полностью чуждых менеджеру-бюрократу. А. Бард и Я. Зюдерквист полагают, что в глобально-информационном обществе иерархия власти будет выстраиваться на основе членства в тех или иных сетях во главе с лидерами – кураторами сетей. Последние станут не только координировать всю сетевую деятельность, но сосредоточат в своих руках всю полноту власти и влияния. В определении статуса этих лидеров главными будут не деньги и титулы, а знания, контакты, кругозор и другие подобные качества, которые повышают статус сети и делают ее могущественнее и конкурентоспособнее [Бард, Зюдерквист, 2004].

При изменении функций государственного управления в новую эпоху необходимо дать ответ на следующие вопросы. Оставляет ли государство в случае, если функция координации становится основной в его деятельности, за собой важнейшие властные рычаги государственного управления или они переходят другим акторам? Если не оставляет, то на каком основании иные акторы современного политического процесса должны признавать за таким государством координирующую роль всех общественных процессов и основного носителя общественных ценностей? На основе взаимного доверия и ответственности? Но это слишком хрупкий фундамент для сколько-нибудь устойчивых договоренностей в реальной политике. Превращение координации в главную функцию государственного управления сможет реализоваться на практике, если основные политические мировые игроки (государство – элиты – гражданское общество) в течение длительного времени

будут решать все проблемы переговорным путем. Тогда «доверие и ответственность» обретут устойчивость, станут всеми признаваемой традицией. Но, к сожалению, это скорее идеал!

Более вероятен другой вариант: превращение национального государства в координатора, а не управляющего всех социальных процессов. Лишенное властных рычагов, оно начнет играть в странах мирового сообщества такую же роль, как ООН в международных отношениях – координировать, а управлять станут другие политические игроки, симбиоз верхушки политических и бизнес-элит – корпоративные элиты, которые и будут определять координационную политику нового государства в своих интересах. В этом случае активность гражданского общества будет подавляться корпоративными элитами, использующими для реализации своих целей государство-координатора. Подобный оборот во многом представит собой обновленную версию старой концепции «государство – ночной сторож», которая, по существу, минимизирует государство.

При всех вариантах изменения роли и функций национального государства в современном мире нельзя забывать, что государство – особый исторически сложившийся политический институт, который, в отличие от других структур, характеризуется:

- наличием особой группы людей, осуществляющей верховную власть, делегированную ей большинством общества, и выполняющей функции управления общими делами;

- монополией на принуждение в отношении своих граждан в интересах всего общества;

- правом от имени общества осуществлять внутреннюю и внешнюю политику;

- исключительным правом издания законов и правил, обязательных для всего населения в пределах данной территории;

- правом взимания налогов для собственного содержания и прочих общественных нужд.

Отказ от этих функций выхолостит сущность института государства и превратит его в никчемную структуру. Сегодня в мире нет экономики, которая бы в той или иной степени не управлялась государством. Везде, где страна осуществляла быстрый рывок в экономическом развитии, государство не было нейтральным, а оказывало существенное воздействие на технический и экономический прогресс. Наличие в большинстве развитых стран мирового сообщества значительного государственного сектора экономики – факт, говорящий сам за себя. Продолжают играть важнейшую роль

социальные функции государства, что придает ему легитимность в глазах подавляющего большинства граждан. Почти половина населения в ряде стран Западной Европы получает первичные доходы или часть их от государства за счет занятости в общественном секторе либо благодаря выплатам пенсий и пособий из фондов социального страхования.

В эпоху современного научно-технического процесса неизмеримо велика роль государства в области информации. Сегодня она стала одной из ведущих. Ее содержание многопланово: это деятельность информационно-пропагандистская и информационно-управленческая, информационно-производственная и информационно-культурная.

Ныне государство немислимо без институтов, обеспечивающих общие права человека и систему главнейших социально-политических и правовых ценностей, а также единого языка (или нескольких общих языков) как средства общения. Политическое сообщество людей возможно при наличии единого экономического и культурного пространства. Наконец, любое государство существует не в социальном вакууме, а в рамках мирового сообщества, что определяет его признаки в качестве субъекта этого сообщества.

Анализ развития современной ситуации показывает, что минимизация роли государства осуществляется прежде всего в интересах корпоративных элит, а не гражданского общества, сегодня не имеющего столько ресурсов и влияния. Совершенно справедливо Л. Сморгунов осторожно подходит к проблеме кризиса суверенитета национального государства, полагая, что «остается открытым вопрос, действительно ли государство теряет значение основного политического актора в глобальном мире или происходит модификация суверенитета и государство продолжается и, что главное, будет продолжать играть основную роль в мировом порядке» [Сморгунов, 2012, с. 333].

Вот почему так важно установить устойчивый баланс в триаде «государство – гражданское общество – элиты» как главных субъектов современного мирового политического процесса (систему сдержек и противовесов), что не даст возможности отказаться от демократического государственного управления и развития мирового политического процесса на демократической основе. Примером здесь может служить предложение, содержавшееся

в докладе группы Ж. де Ларозьера¹, о создании на уровне Европейского союза наднациональной структуры – Европейской системы финансового наблюдения, призванной наладить систематический контроль над финансовыми структурами, но сохраняющей нейтралитет относительно национальных органов государственного управления [Клинова, 2010, с. 22].

Роль, положение и сила национальных государств в будущем будут определяться характером их реакции на вызовы глобализации, реальной готовностью к адекватному ответу и способностью мобилизовать необходимые ресурсы для решения глобальных проблем современности. По словам И. Лукашука, особенность названных проблем заключается в том, что они могут быть решены лишь совместными усилиями государств, но для этого «необходим более высокий уровень управления социальными процессами как на национальном, так и на глобальном уровнях» [Лукашук, 2000, с. 232]. В управленческих услугах государства будут нуждаться до тех пор, пока затраты общества на них окупаемы, разумны и соразмерены с ожидаемой продуктивностью. Э. Геллнер считает, что отказ от идеи национального государства маловероятен, а проблемы коммуникации будут сглаживаться даже при различии языков, так как высокоразвитый индустриализм порождает глобальную культуру со взаимопонимаемыми смыслами [Геллнер, 1995; 2002].

Создание полностью унифицированной системы глобального порядка не представляется возможным в ближайшие десятилетия, хотя этому будет способствовать дальнейшее сближение правовых систем. Но на пути подобных процессов станет колоссальное многовековое влияние национальных культур, религий и ценностей на формирование конкретных мегасоциумов и общественных укладов. Не исключено, что процесс тотальной унификации будет остановлен стремлением человечества сохранить конкурентные начала цивилизации в качестве источника прогресса и развития, эффективного использования энергии конфликта и соревновательного потенциала разных систем. Уже сейчас можно наблюдать всплеск противоречий между ценностями западного мира, рожденными в лоне европейской модели цивилизации, и ценностями мусульманского, конфуцианского и других миров. Это глобальный спор между ведущими цивилизациями мира не только по поводу наилучшей модели организации общества, но и относительно

---

¹ Ж. де Ларозьер – один из ведущих европейских финансистов, бывший исполнительный директор МВФ.

сохранения своего права исторической национально-государственной субъектности.

В целом процесс трансформации национального государства в условиях глобализации идет противоречиво. Наряду с наличием явных признаков его ослабления, национальное государство в настоящее время обладает значительным потенциалом, чтобы претендовать на роль одного из основных акторов глобально-информационного общества. В обозримом будущем оно сохранит свое доминирующее институциональное положение в мировом политическом процессе. Однако для этого сегодня ему необходимо отказаться от излишней регламентации общественной деятельности на своей территории, перераспределить часть своих управленческих функций в пользу структур гражданского общества, делегировать некоторые из них новым наднациональным организациям, имеющим всеми признанный авторитет на международной арене. Объем функций, которые национальное государство станет передавать транснациональным организациям и структурам гражданского общества в условиях глобализации, будет определяться способностью и возможностью последних брать их на себя, изменив тем самым исторически сложившуюся его роль как главного института общественного управления.

Литература

1. Баграмов Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. – 2010. – № 2.
2. Барабанов О.Н. Проблемы глобального управления: Выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций: Образование, наука, новая экономика. – 2009. – № 2.
3. Бард А., Зюдерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб., 2004.
4. Беспалов М.В. Национальное государство как субъект глобализации в условиях трансформации социально-экономической системы. – Тамбов, 2006.
5. Блинов А. Национальное государство в условиях глобализации: Контур построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. – М., 2003.
6. Булл Х. Теория международных отношений: Пример классического подхода // Теория международных отношений: Хрестоматия. – М., 2002.
7. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. – М., 2002.
8. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М., 1995.

9. Дресслер-Холохан В. Национальные движения, интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. – СПб., 1995.
10. Дробизева Л.М. Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Вып. 3. – М., 2000.
11. Ильин М.В. Россия и вызовы XXI в. // Доклад на пленарном заседании II Всероссийского конгресса политологов «Россия. Политические вызовы XXI в.». – М., 2000.
12. Ильин М., Иноземцев В. Новая жизнь традиционных укладов // Мегатренды мирового развития. – М., 2001.
13. Клинова М. «Возвращение» государства: «Скорая помощь» в кризисе или устойчивая тенденция? // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 5.
14. Кортунов С.В. Национальные интересы России в мире. – М., 2009.
15. Костина А.В. Этнокультурный ренессанс начала XXI в. // Культура на рубеже XX–XXI вв.: Глобализационные процессы. – М., 2005.
16. Кочетков А.П. Корпоративные элиты. – М., 2012.
17. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3.
18. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI в. – М., 2000.
19. Меркулов В.М. Координация в политике и управлении // Государственная политика и управление. Ч. 2. Уровни, технологии и зарубежный опыт государственной политики и управления. – М., 2007.
20. Най Д.С., Кохэн Р.О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений. – М., 2002.
21. Нечай А. Глобализация мировой экономики и роль государства // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 4.
22. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год. Утверждена Правительством РФ 19 июня 2009 г. (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12068944/>).
23. Салмин А.М. Новая система мира. Belle époque возвращается? // НГ-сценарии. 2001.10 июня.
24. Сморгунев Л.В. В поисках управляемости: Концепции и трансформации государственного управления в XXI в. – СПб., 2012.
25. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – СПб., 2004.
26. Шишков Ю. Внешнеэкономические связи в XX в. От упадка к глобализации // Международная экономика и международные отношения. – 2001. – № 8.
27. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London, 1992.
28. Beck U. World Risk Society as Cosmopolitan Society? // Theory, Culture and Society. – 1996. – N 13.
29. Dulto K. Democratic Challenges – Democratic Choices. The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies. – Oxford–New York, 2004.
30. Friedmann J. Where We Stand: a Decade of World City Research // World Cities in a World World-system. – New York, 1995.
31. Gilpin R. A Realist Perspective on International Governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. – Cambridge, 2002.

32. Huntington S. Dead Souls: The Denationalization of the American Elite // The National Interest. 2004. Spring.
33. Huntington S. Who we are? The Challenges to America's National Identity. – New Delhi, 2004.
34. Huntley W. Kant's Third Image: Systematic Sources of the Liberal Peace // International Studies Quarterly. 1996. N 1.
35. McGrew A. Liberal Internationalism: Between Realism and Cosmopolitanism // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance. – Cambridge, 2002.
36. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. – New York, 1955.
37. O'Flynn J. From New Public Management to Public Value: Paradigmatic Change and Managerial Implications // The Australian Journal of Public Administration. 2007. Vol. 66.
38. Rosenau J. Globalization, Security, and the Nation State. Paradigms in Transition. – New York–Albany, 2005.
39. Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantages. – Cambridge 2001.
40. Voice of the People. What the World Thinks on Today's Global Issues. A Gallup International Survey, 2002 (http://www.globescan.com/news_archives/Trust_Survey.pdf).
41. Voice of the People. What the World Thinks on Today's Global Issues. A Gallup International Survey, 2006 (http://campus.murraystate.edu/faculty/mark.wattier/GallupVOP_Terror2006.pdf).
42. Waltz K. Man, State and War: A Theoretical Analysis. – New York, 1959.

*«ОНС: Общественные науки и современность»,
М., 2014 г., № 4, с. 167–176.*

И. Габдрафиков,

кандидат исторических наук

И. Кучумов,

кандидат исторических наук

(Институт этнологических исследований УНЦ РАН,

г. Уфа)

**О ЕДИНОМ УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ РОССИИ:
ВЗГЛЯД ИЗ КАЗАНИ И УФЫ**

**Дискуссии об истории России в Татарстане:
Центр готов пойти на уступки**

В 2013 г. в России активно обсуждалась проблема единого учебника истории. Дискуссия, развернувшаяся по этой проблеме, выявила наличие локальных особенностей в восприятии прошлого

нашей страны. Оказалось, что если в Москве и Центральной России людей больше интересуют проблемы генезиса русской государственности, эпоха Сталина и Великая Отечественная война, то в ряде регионов на первое место вышла оценка роли России в судьбах нерусских народов. Конечно, до широких обобщений споры вокруг этого, по понятным причинам, не поднялись, однако то, как следует трактовать в будущем учебнике характер присоединения тех или иных территорий в определенных кругах региональной интеллигенции, обсуждался весьма остро.

Наиболее критическую позицию в этом проявили татарстанские историки¹, для которых события 1552 г. представляют собой «историческую травму», а оценка «монгольского» владычества над Русью как «монголо-татарского ига» кажется необъективной и оскорбительной. Новый учебно-методический комплект по отечественной истории без словосочетания «татаро-монгольское иго» поможет татарам всей России избавиться от комплекса неполноценности, который прививался на протяжении долгих лет, считают татарстанские ученые².

На состоявшемся расширенном заседании Всемирного конгресса татар (ВКТ) в декабре 2013 г. в Казани критика в адрес готовящегося единого учебника по отечественной истории прозвучала в еще более категоричной форме. Собравшиеся приняли даже специальное обращение на имя Председателя Государственной думы С.Е. Нарышкина, руководителя разработки проекта Концепции историко-культурного стандарта по отечественной истории, с просьбой пересмотреть принятые формулировки. В частности, в нем отмечается, что в проекте Концепции слово «татары» заменено на «ордынцы». Это, по мнению участников ВКТ, показывает, что российское научное сообщество стремится обойти татарскую составляющую истории Золотой Орды. «Замалчивание культурных достижений Золотой Орды фактически приводит трактовку отечественной истории в противоречие с мировой историографией, в которой эти вопросы освещены достаточно подробно и позитивно», – отмечается в обращении.

---

¹ Анализ предыдущего периода историографии региона см.: Исхаков С.М. История народов Поволжья и Урала: Проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветском пространствах. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.

² См.: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/31/10/2013/886139.shtml

По мнению ведущего научного сотрудника отдела этнологии Института истории АН Татарстана, доктора исторических наук и члена Исполкома ВКТ Д. Исхакова, «то, что называют историей отечества, на деле оборачивается историей русских... Ведь и до этого на территории России жили наши предки, но там об этом не говорится. Из концепции убрали выражение “татаро-монгольское иго”, но вместе с тем из отечественной истории исчез входящий в состав Золотой Орды народ – татары»¹.

Тем не менее многие предложения татарстанских ученых-историков по общероссийскому учебнику были приняты комиссией С.Е. Нарышкина и вошли в итоговую редакцию концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, которая была представлена разработчиками на суд президента России в начале 2014 г.²

Так, разработчики проекта учебника согласились принять требования татарстанских коллег – словосочетание «татаро-монгольское иго» в концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории было решено убрать и назвать этот период «системой зависимости русских земель от ордынских ханов». В ходе дискуссий татарстанским историкам удалось значительно усилить представленность деятелей татарской истории и культуры на страницах будущего учебника. До сих пор федеральные учебники о них, как правило, вообще не упоминали. Теперь же российские школьники узнают о Герое Советского Союза М. Джалиле, классике татарской поэзии Г. Тукае и первом президенте Татарстана М. Шаймиеве.

Директор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета Р. Хайрутдинов считает, что «мы на пути к тому, чтобы изменить навсегда отношение к татарскому народу благодаря полемике, которую инициировали ученые республики. Да, учебник получился несколько евроцентристским, однако нельзя не признать, что он выражает национальные идеи, развивает патриотизм. У нас есть повод для дальнейших дискуссий. Я считаю, что сейчас перед нами стоит задача сломать психологию учителей, которые доносят знания до наших детей. Их подход к предмету формировался на протяжении последних 50–60 лет»³.

---

¹ См.: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/09/12/2013/893539.shtml

² См.: <http://www.kremlin.ru/news/20071>

³ См.: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/31/10/2013/886139.shtml

Позиция, занятая историками официального Татарстана в ходе обсуждения концепции единого учебника отечественной истории, вызывала возражения в первую очередь у лидеров русской общины республики. Представитель молодежного крыла Общества русской культуры Татарстана В. Филиппов полагает, что «вопрос о новом учебнике по истории России остается дискуссионной темой для отечественных ученых, так как не отражает всю полноту накопленного исторического знания, давая школьникам лишь одну идеологически выдержанную позицию по тому или иному вопросу, но выдавая ее за единственно верную. То же касается отмены термина “татаро-монгольское иго” с заменой его на политкорректный “зависимость от Золотой Орды”. “Татаро-монгольским” его называть, разумеется, крайне неправильно, так как татары составляли лишь незначительную часть монгольского войска и использовались в качестве авангарда при тяжелых боях, т.е. фактически – в качестве “пушечного мяса”. Сам же термин “татары” или “тартары” многократно встречается в европейских хрониках и обозначает вкуче народонаселение Монголии, не выделяя какое-либо конкретное племя или народность. Термин “иго” вводится в оборот на рубеже XV в. и дублируется уже в “Сказании о Мамаевом побоище”. Поэтому естественно, что “иго” невозможно изъять из исторического оборота в угоду толерантности и политической конъюнктуре, выставляя его как благо, либо как факт, который не имел никаких негативных последствий для Руси.

Игнорируют в Академии наук Татарстана (АНТ) и работы Рыбакова, Фроянова и других авторов, которые полностью подтверждают факт именно ига, а не модного нововведения “зависимость”. Последствия ига были исключительно тяжелыми, это сохранила и память русского народа до нынешних времен, остался целый культурно-исторический пласт. В целом подходы АНТ своеобразны, если не сказать больше: татарстанские историки уже доказывали, что татары изобрели колесо, а как нация они древнее египетских пирамид»¹.

Острота ситуации в Татарстане дошла даже до обращения историков в правоохранительные органы. 23-летний выпускник Казанского научно-исследовательского технического университета

---

¹ См.: http://www.regnum.ru/news/polit/1756421.html?fb_action_ids=1455694827983553&fb_action_types=og.recommends&fb_source=other_multiline&action_object_map=%5B1490500347843115%5D&action_type_map=%5B%22og.recommends%22%5D&action_ref_map=%5B%5D

Р. Корнилов обратился с заявлением к Генеральному прокурору РФ с просьбой изъять из обращения учебник «История Татарстана с древнейших времен до наших дней», написанный Д. Сабировой и Я. Шараповым, в котором пропагандируется татарский национализм. «Согласно общепризнанным определениям, которые можно найти в литературе, преднамеренное или случайное внесение изменений в описание исторических событий называется фальсификацией истории или исторической фальсификацией, – пишет Р. Корнилов в обращении к генпрокурору, копию которого он разослал в СМИ. – Исторические фальсификации активно используются, в том числе, в целях обоснования национальной исключительности того или иного народа. Методом фальсификации является создание исторических мифов на определенные темы. Когда я был еще студентом Казанского национального исследовательского технического университета, мне все эти мифы внушались во время самостоятельных занятий по истории Татарстана, поскольку преподавателями был рекомендован учебник Д.К. Сабировой и Я.Ш. Шарапова “История Татарстана с древнейших времен до наших дней”, выпущенный издательством “КноРус” (Москва, 2009). Теперь же, как выпускника этого вуза меня заставило обратиться к Вам и то, что данный учебник продолжает использоваться при обучении студентов вузов Республики Татарстан – субъекта РФ. Анализируя содержание этого учебника с позиций выпускника, я нашел целый спектр исторических мифов относительно истории Татарстана, которые формируют чувства исключительности представителей татарского этноса, одновременно формируя негативное восприятие русского этноса и самого нашего государства – России». Р. Корнилов попросил Генерального прокурора РФ «провести проверку по всем изложенным в настоящем заявлении фактам и принять по ним надлежащие меры прокурорского реагирования, а также (в случаях выявления нарушений) изъять данное учебное пособие из обращения вузов РТ»¹.

Как отмечает руководитель Приволжского филиала Российского института стратегических исследований Р. Сулейманов, Татарстан в данном учебнике с помощью словесных манипуляций объявляется одной из «древнейших стран на северо-востоке Европейского континента». Волжская Булгария и Казанское ханство идентифицируются с современным Татарстаном таким образом, что у неискушенного читателя складывается впечатление: совре-

---

¹ См.: <http://www.regnum.ru/news/1754276.html>

менная Татария (субъект РФ) существовала тогда в качестве независимого государства. Показательны названия разделов и параграфов: «Древнейший Татарстан», «Древний Татарстан», «Ранние государственные образования Древнего Татарстана». По мнению Сулейманова, это обычный прием идеологической манипуляции: история молодого государственного образования (если считать таковым Татарстан с момента провозглашения в 1920 г. Татарской автономной республикой) искусственно удревняется и его именем называют древние государства и области. В свою очередь, это создает удобную возможность для экстраполяции политической ситуации времен 1990-х годов в прошлые века – мол, и тогда агрессивное Русское государство боролось с «суверенитетом Татарстана».

Наивысшего пика своеобразное «осовременивание истории» в антироссийском духе достигает в учебнике Сабировой и Шаропова при описании событий, связанных с присоединением к Русскому государству Казанского ханства в 1552 г. Показательны названия отдельных глав и подглав: «Обострение Татарстано-Российских отношений» (в главе речь идет о первой половине XVI в.), «Война за независимость», «Борьба против оккупации». В этом же учебнике сообщается о том, что «страна» после присоединения к Русскому государству «состояла из двух общин: татарской, национально-подавленной, и русской, относящейся к господствующей нации». При этом на первой странице данного шедевра антироссийской пропаганды каждый желающий может прочитать о том, что он рекомендуется к изучению Министерством образования РФ «в качестве учебника для студентов высших учебных заведений». По мнению Р. Сулейманова, «это учебник с ярко выраженной антироссийской направленностью, ставящий под сомнение легитимность Российского государства на территории Поволжья». Через учебник красной нитью проходит мысль о противостоянии Татарстана и России... начиная с X в. н.э.! При этом сложности взаимоотношений Киевской Руси и Волжской Булгарии авторы интерпретируют как начало этого противостояния. Как считает казанский историк А. Овчинников, слова «Россия», «Москва», «русские» в большинстве случаев подаются в учебнике в негативной плоскости, причем делается это таким образом, чтобы «помочь» студенту найти соответствие «агрессивным действиям России» в событиях прошлого, и наоборот – действиям Московского

государства по присоединению Казанского края найти соответствия в современных политических реалиях¹.

Таким образом, при всей политизации данной проблемы и на первый взгляд антироссийской направленности претензий ученых Татарстана, следует заметить, что ими была обозначена исключительно важная проблема, которую можно определить как рассинхронизацию достижений науки и содержания школьных учебников. Иначе говоря, новейшие научные достижения зачастую не отражаются на страницах учебной литературы, где нередко продолжают использоваться оценки, чей возраст насчитывает десятилетия, а то и столетия.

Осмысление истории России в Башкортостане: Отсутствие единства и острых конфликтов

Относительно спокойная ситуация с обсуждением учебника сложилась в Башкортостане. В отличие от своих татарстанских коллег, лишившись поддержки и политического заказа «сверху» (в июле 2010 г. в республике произошло обновление власти), предоставленная самой себе, башкирская творческая интеллигенция фактически не участвует в дискуссиях вокруг этой проблемы.

Созданный за последние 20 лет обширный массив исследований (наиболее крупными достижениями являются семитомные «История башкирского народа» и «Башкирская энциклопедия»), значительная часть которого по своей идеологической направленности не сильно отличается от наиболее радикальных работ татарстанских историков², не стал основой для выдвижения собственных требований Башкортостана к содержанию разрабатываемого федерального учебника. Это, в свою очередь, может привести к рассогласованности федеральной и башкортостанской историографии, поскольку многие вопросы трактуются в них прямо противоположно, а отсутствие публичного обсуждения, как произошло в Татарстане, поставит учителей перед дилеммой: как согласовать

---

¹ См.: http://raskline.ru/news_rl/2014/01/21propaganda_tatarskogo_nacionalizma_i_separatizma_za_gosudarstvennyj_schet/

² См.: Габдрафиков И.М., Кучумов И.В., Сафин Ф.Г. Республика Башкортостан // Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе: Экспертный доклад. М. – Ижевск – Оренбург: Институт компьютерных исследований, 2013.

местную интерпретацию прошлого с одобренной на федеральном уровне.

В декабре 2013 г. на состоявшейся в Москве в Российском институте стратегических исследований Всероссийской научно-практической конференции «Пути решения национального вопроса в Российской империи: современный взгляд на дореволюционный период» старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований РИСИ Р. Рахимов, ранее вынужденно уволившийся из Башкирского государственного университета за несогласие с официальной региональной историографией¹, в своем докладе «Имперская политика в Башкирии в XIX – начале XX в.: Историографические дискурсы и политические интерпретации» показал, как башкирские национал-историки пытались преподнести интеграцию башкир как колонизацию и чуть ли не намерение Российской империи ассимилировать их. При этом и зарубежные, и российские историки едины в положительных оценках вхождения Башкирии в состав России, создания кантонной системы землепользования, однако стремление башкирских националистов сознательно политизировать всю историю легко опровергается и разоблачается. Другое дело, зачем это делается. По мнению Р. Рахимова, цель очевидна – сформировать антироссийские настроения в современном политическом дискурсе Башкортостана².

В 2013 г. был опубликован практически неизвестный в России почти 900-страничный труд русского белоэмигранта Б.Э. Нольде (1876–1948) по истории Российской империи³. Подготовленная коллективом российских историков по инициативе уфимского исследователя И.В. Кучумова (Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН) и под общей редакцией академика В.А. Тишкова эта фундаментальная работа, посвященная исследованию формирования из столь противоречивых и непохожих друг на друга компонентов единого и могущественного государственного организма, остается образцом беспристрастного, масштабного и глубокого академиче-

---

¹ Подробнее см.: Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. Новая волна дебатов по региональной истории в Башкирии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 г.: ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: Институт компьютерных исследований, 2013.

² См.: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/16/413/>

³ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. под ред. И.В. Кучумова; Отв. ред. В.А. Тишков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

ского анализа. В ней сделана попытка изложить отечественную историю как сложную мозаику региональных историй, в которой были дружелюбие и жестокость, взаимное обогащение культур и ассимиляция. Нольде показал, что статус инородческих окраин в составе России по большинству параметров не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами, а налоговые льготы инонациональным сообществам, которым могло позавидовать русское население Центрального региона, являлись важной мерой сохранения территориальной целостности России. Богатому фактическому материалу, извлеченному автором из забытых и полузабытых источников, еще предстоит стать базой для будущих колониальных и постколониальных изысканий.

Издатели книги Б.Э. Нольде полагают, что вхождение в состав России вывело большинство обществ из многовековой изоляции, прекратило их междоусобные войны, в отдельных случаях спасло от уничтожения извне, дало импульс модернизации их социальной структуры, экономики, инициировало процессы нациестроительства и в конечном счете в основном подготовило к более или менее оптимальному существованию в динамично меняющемся мире. Трудно сказать, сумели ли бы выжить в условиях экономической и политической конкуренции традиционные культуры Урала, Сибири, Севера, Дальнего Востока и Центральной Азии, если бы они в свое время не прошли долгую и нелегкую школу нахождения в составе Российской империи. По мнению авторов книги, не менее полезным это было и для самого русского народа, научившегося находить общий язык и уживаться с любыми «иноверцами» и «инородцами», адаптироваться практически ко всем существующим на Земле цивилизациям и географическим ареалам¹.

Итоги

Таким образом, несмотря на то что вмешательство властей в оценки исторического прошлого не всегда дает желаемые результаты, в данном случае его стоит приветствовать. На сегодняшний день у историков накопилось много вопросов к историческому прошлому России и ее регионов, а многочисленные учебники по отечественной истории и истории отдельных регионов, в том числе республик, изобилуют взаимоисключающими,

---

¹ См.: <http://www.regnum.ru/news/polit/1757425.html>

а порой и нетолерантными положениями по отношению к отдельным народам и культурам.

Наш краткий обзор общественных дебатов, имевших место в 2013 г. в ходе обсуждения проекта Концепции нового учебника по истории России в двух республиках Поволжья, показывает, что инициированная властями страны дискуссия вокруг разработки так называемого «единого учебника» позволила отечественным историкам начать давно назревшую «инвентаризацию» своего хозяйства, отказаться от десятилетиями господствовавших публицистических клише, найти общие точки соприкосновения между разработчиками учебников, что, несомненно, принесет пользу как самой исторической науке, сделав ее более строгой и менее эмоциональной, так и ее преподаванию в школах и других образовательных учреждениях.

В то же время эти дискуссии, особенно в ряде национальных республик, продемонстрировали правоту выводов М. Фуко о глубокой связи власти со знанием, причем в данном случае – с историческим знанием. Дискуссии вокруг новых подходов к преподаванию истории лишь подтвердили тезис выдающегося французского мыслителя, что «власть устанавливает знание, которое, в свою очередь, выступает гарантом власти»¹. Но если в Башкирии после смены власти летом 2010 г. ранее близкие к ней историки сейчас испытывают чувство растерянности, то их коллеги в Казани, кажется, не сомневаются, что пока еще могут точно ответить на вопрос коллеги М. Фуко Ж. Лиотара: «Кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать?»²

Литература

1. Габдрафиков И.М., Кучумов И.В. Новая волна дебатов по региональной истории в Башкирии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 г.: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: Институт компьютерных исследований, 2013.
2. Габдрафиков И.М., Кучумов И.В., Сафин Ф.Г. Республика Башкортостан // Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад. – М. – Ижевск – Оренбург: Институт компьютерных исследований, 2013.

---

¹ Цит. по: Сокулер З.А. Знание и власть: Наука в обществе модерна. – М.: РХГИ, 2001. – С. 59–60.

² Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 28.

3. Исхаков С.М. История народов Поволжья и Урала: Проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветском пространствах. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.
4. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998.
5. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи / Пер. с фр. под ред. И.В. Кучумова; Отв. ред. В.А. Тишков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.
6. Сокулер З.А. Знание и власть: Наука в обществе модерна. – М.: РХГИ, 2001.
«Вестник Российской науки», 2014 г., № 4.

С. Абашин ДВИЖЕНИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИЮ: В МОДЕЛИ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Перемещение большого количества людей из Центральной Азии в Россию стало неожиданностью для экспертов и политиков. Я помню еще советские дискуссии 1980-х годов о том, почему жители «южных республик» неохотно выезжают за пределы своего региона. Невысокая, даже по советским меркам, тяга узбеков, таджиков и киргизов к добровольной мобильности была объявлена их врожденной и неисправимой культурной привязанностью к семье, общине и жаркому климату. Однако все эти объяснения оказались опровергнуты спустя всего лишь пару десятилетий, когда миллионы выходцев из региона вдруг оказались в российских городах.

Современная дискуссия о движении из Центральной Азии в Россию разворачивается в основном вокруг темы, хорошо ли это и нужно ли – или плохо и не нужно. Чрезмерная политизация этих обсуждений не позволяет в достаточной мере отстраниться от идеологических предпочтений и взглянуть на происходящее в более широкой временной и пространственной перспективе. Поэтому в данной статье я хочу выполнить простую задачу – поместить наблюдаемые процессы в некоторую историческую последовательность, увидеть их этапы, классифицировать обстоятельства и создаваемые ими практики и идентичности.

Две постсоветские волны

Ниже в нескольких словах охарактеризована современная история движений из стран Центральной Азии в Россию, которые сильно активизировались еще в 1990-е годы. Вновь возникшие,

преобразовавшиеся из бывших советских республик государства основывали свою легитимность на национальном нарративе возрождения и освобождения титульного народа. Неизбежным следствием такого идеологического сдвига стало масштабное переселение людей в страны, которые они считали «своими»: русские (а также татары, чеченцы и ингуши) уезжали в Россию, украинцы (а также крымские татары) – в Украину, немцы – в Германию, евреи (даже бухарские евреи) – в Израиль. Дополнительными выталкивающими факторами были тяжелый экономический кризис, который охватил все постсоветские страны, и политическая нестабильность, которая особенно остро проявилась в Таджикистане, где началась гражданская война.

Отмечу тот важный факт, что выезд так называемого нетитульного населения из Центральной Азии в Россию не был спровоцирован распадом СССР, а начался задолго до этого. Уже в 1970–1980-е годы количество выезжающих превысило количество въезжающих¹. Всплеск выезда произошел в 1990 г., накануне распада СССР, а пика достиг в 1994 г. После чего масштабы выезда постепенно, с некоторыми колебаниями, снижались, но сама тенденция оставалась устойчивой на протяжении и 1990-х, и 2000-х годов. Всего в 1990-е годы Центральную Азию покинули около 2–2,5 млн человек.

Это движение из Центральной Азии в Россию (и другие страны) в 1990-е годы имело несколько особенностей.

Во-первых, оно носило, как отмечалось выше, в значительной мере этнически ориентированный характер: выезжали из региона главным образом представители «нетитульных» национальностей, причем в самом начале 1990-х процесс имел, можно сказать, паническое развитие. Соответственно, очень часто в качестве мотива покидающие Среднюю Азию называли либо присоединение к «своему» национальному государству, либо бегство от притеснения в «чужом» национальном государстве. Даже если конкретный человек не имел никаких постоянных связей с «исторической родиной» и не испытывал реальной дискриминации, его решение о переезде нередко диктовалось дискурсивным принуждением, типичными были такие высказывания: «все едут, значит, и мы должны ехать», «ситуация здесь будет только хуже, поэтому надо уезжать ради детей», «наша родина не здесь, поэтому надо уезжать»².

Во-вторых, уезжали главным образом городские жители с хорошей квалификацией. Это обстоятельство задавало высокие

требования к условиям обустройства на новом месте и нередко создавало глубокую травму, связанную с необходимостью жить в каком-нибудь провинциальном российском городке и с понижением своего социального статуса.

В-третьих, это масштабное перемещение было преимущественно невозвратным – люди уезжали в Россию на постоянное место проживания и получали российское гражданство.

Наконец, в-четвертых, переезд не сопровождался никакими специальными государственными мерами ассимиляции и интеграции в стране приема. Оказавшись на «исторической родине», приехавшие быстро растворялись в основной массе местного населения, теряли свою «центральноазиатскую» специфику и не образовывали никаких «диаспоральных» сообществ. Случаи конфликта между местными и приезжими, а также примеры культивирования ностальгии по Центральной Азии, конечно, имели место, но были редки. Несмотря на болезненность этих процессов, в целом миграция 1990-х годов не привлекала общественного внимания, не осмысливалась как политическая проблема в России, требующая контроля и регулирования.

На рубеже 1990–2000-х годов в перемещениях из стран Центральной Азии в Россию обозначились новые тенденции. Хотя отток «нетитульного» населения продолжался, появилась и стала быстро нарастать тяга к движению и у представителей «титульной» нации. Между этими двумя процессами, безусловно, была прямая связь. Массовое перемещение людей из одного региона бывшего СССР в другие привело к освоению и даже созданию целой инфраструктуры движения – практик перемещения через границы, распространения информации и обмена опытом, сетей поддержки в новой среде. Первые приезжие из числа «титульных» народов использовали сохранившиеся дружеские и нередко родственные связи с уехавшими прежде представителями «нетитульных» сообществ. В моих разговорах с теми и другими постоянно возникали примеры, когда вместе они создавали какой-то бизнес в России, помогали друг другу в устройстве на работу и поиске жилья, выступали в роли гарантов и свидетелей в случае контактов с полицией и т.д. Движение первой волны 1990-х годов таким образом в какой-то мере способствовало движению второй волны 2000-х.

При этом не надо забывать, что движение второй волны также имеет советскую предысторию. Уже в 1970–1980-е годы была сформулирована «проблема перенаселенности» Центральной

Азии в результате быстрого демографического роста в этой части СССР, и тогда же было предложено решать эту «проблему» путем постепенного переселения «избыточного» сельского населения Центральной Азии в Россию, где уже в то время наметился демографический спад. Это перемещение поначалу имело временный характер – набор рабочих по вахтовому графику (сюда же можно отнести и «стройбаты»), или военно-строительные отряды, которые комплектовались в значительной мере центральноазиатскими призывниками и работали как на оборонных, так и на гражданских объектах). В 1980-е годы были предприняты попытки, правда неудачные, планового переселения жителей Центральной Азии в Россию и создания для них условий для постоянного семейного проживания³.

Кризис, который поразил Россию и страны Центральной Азии в начале 1990-х, после распада СССР, сделал идею контролируемого переселения рабочей силы бессмысленной, так как экономика резко упала и потребность в дополнительных рабочих руках исчезла. Быстрое экономическое восстановление России после 1998 г. вкуче с продолжавшимся сокращением общей численности населения и его трудоспособной части к середине 2000-х годов опять создало ситуацию относительного дефицита рабочей силы на российском рынке труда. Это вызвало эффект притяжения рабочей силы прежде всего из бывших советских республик, которые сохранили безвизовый режим въезда в Россию, а также многие общие культурные привычки и навыки общения, включая русский язык.

Из стран Центральной Азии первыми двинулись жители самых бедных государств – Таджикистана и Киргизстана, не имеющих собственных сырьевых отраслей; в обеих странах политическая нестабильность привела к глубокому экономическому упадку. Чуть позднее, в середине 2000-х, к ним присоединились жители Узбекистана, страны относительно богатой сырьем, но значительно перенаселенной. Казахстан скорее оказался в положении России: растущая на сырьевой основе экономика сама сформировала запрос на притяжение, а не выталкивание рабочей силы. В Туркменистане же экономический рост на сырьевой базе был обеспечен собственной избыточной рабочей силой. По официальным данным Федеральной миграционной службы России, осенью 2013 г. на территории страны единовременно находились около 4,5 млн выходцев из стран Центральной Азии. Примерно 4 млн из них

относятся к рассматриваемой мною категории «титульного» населения⁴.

Движение 2000-х годов имеет несколько существенных особенностей, которые отличают его от 1990-х.

Во-первых, как было отмечено, оно чаще всего мотивировано экономическими причинами и связано с поисками заработка.

Во-вторых, преимущественно экономический характер движения обуславливает основные социальные характеристики самих мигрантов. Это в большинстве своем сельские жители или жители небольших городов, малоквалифицированная рабочая сила, т.е. те, кому сложнее найти работу с хорошим заработком у себя дома. Преимущественно это мужчины трудоспособного возраста, с очень большой долей молодых. По мере того как поездки на заработки за границу и денежные переводы домой становятся частью повседневной жизни и необходимым элементом социального статуса и социальных связей, происходит некоторая диверсификация стратегий, мотиваций и участников. Возрастает доля представителей среднего класса, которые выезжают за пределы страны для открытия собственного бизнеса. Кроме того, возрастает доля женщин, часть из которых едет, как и мужчины, за заработками, часть – вслед за мужьями и потенциальными брачными партнерами. Расширяется список стран, куда люди выезжают. Сугубо экономическая мотивация дополняется другими соображениями, такими как социальная мобильность, освоение профессиональных навыков и получение образования, поддержание социальных отношений⁵.

В-третьих, те, кто выезжает в Россию, как правило, не имеют в виду перебраться сюда на постоянное жительство. Большинство выходцев из Центральной Азии сохраняют гражданство своих стран и с разной регулярностью возвращаются на родину, часто с тем, чтобы снова отправиться за границу на заработки. У большинства семьи остаются дома, а зарабатываемые средства они отправляют на их содержание, на повседневные нужды родственников, ремонт или строительство нового дома, приобретение предметов престижа, проведение разного рода социально престижных публичных ритуалов (свадьбы, празднества по случаю обрезания сыновей, разного рода религиозные мероприятия), оплату лечения и учебы. Даже те выходцы из Центральной Азии, которые фактически большую часть времени находятся в России и редко выезжают в страну исхода, продолжают считать свое состояние «временным», поддерживают тесную связь с семьей и исходят из того, что рано или поздно вернуться на родину.

В-четвертых, из сказанного выше вытекает, что для большинства выходцев из Центральной Азии «ассимиляция или интеграция» в российское общество не является стратегической задачей. Значительная их часть входит в разнообразные сети, которые построены по родственному, земляческому или этническому принципу. Внутри этих сетей они воспроизводят многие «домашние» практики, приспособленные к условиям перемещения и временного проживания. В сетевых сообществах создается своя собственная инфраструктура доверия, помощи, оказания тех или иных услуг, проведения досуга.

Постколониальность и глобализм

Почему движение из Центральной Азии в Россию вдруг стало важным элементом жизненных стратегий значительной массы населения? Ответ не так очевиден, как кажется. Конечно, крушение советской системы привело к демонтажу всей прежней социальной и экономической политики, которая удерживала население на своем месте разного рода ограничениями – пропиской и принудительными мерами, с одной стороны, а также инвестициями в порой убыточное производство и социальные программы – с другой. Резкое, почти катастрофическое падение уровня жизни, неопределенность жизненных перспектив и периодически возникающие политические катаклизмы не могли не спровоцировать поток желающих найти новое благополучие и новую устойчивость за пределами собственной страны. Безработица и ничтожно маленькие зарплаты и пенсии выталкивают людей на новые рынки труда туда, где даже небольшие, по тамошним меркам, доходы оказываются намного выше тех, на которые можно рассчитывать в своей стране.

Такой подход к движению как результату деградации объясняет спусковые механизмы процессов, но упрощает, на мой взгляд, картину происходящего в целом. В результате неверно выстраивается перспектива, и многие важные факторы остаются без внимания. Если взглянуть на рост мобильности населения в Центральной Азии в более широком контексте, то окажется, что масштабы, дальность и регулярность движения растут на всем постсоветском пространстве, а также в мире в целом. Кроме того, наблюдается безусловная связь между мобильностью и современной стадией развития капитализма, которую иногда называют глобализацией, иногда постиндустриализмом, иногда постмодерном. С этой точки

зрения центральноазиатская ситуация предстает в несколько ином свете, нежели просто отражение бедственного состояния дел в странах, недавно получивших независимость. Территориальные перемещения становятся не только и не столько способом выживания, но и импульсом для распространения и «сборки» людей, капиталов, информации, навыков в новые социальные конфигурации. Последние имеют логику и смыслы, которые не зависят напрямую от особенностей той или иной конкретной страны, а подчиняются более широким закономерностям.

Какие же дополнительные объяснения – помимо реакции на постсоветскую деградацию – можно найти перемещениям большого количества населения из Центральной Азии?

Представляется, что этот процесс можно описать как инерцию тех связей и взаимных зависимостей между Центральной Азией и Россией, которые складывались и укреплялись на протяжении как минимум полутора столетий существования в едином государстве. Обычно такого рода отношения характеризуются как имперские или, если хотят подчеркнуть неравенство, колониальные⁶. Принято считать, что империи неизбежно распадаются, а им на смену приходят освобожденные нации. В этой простой телеологической схеме, которая сегодня господствует в постсоветских странах, многое не до конца ясно, а одним из самых спорных является вопрос, который задают многие постколониальные критики: действительно ли империя исчезла или она приняла новые формы, где нации, т.е. созданные самой империей конструкты, выполняют прежние функции окраин, по-прежнему перекачивая в бывшие метрополии ресурсы и получая взамен покровительство и контроль. Если признать последнее, а оснований для этого немало, то тогда и массовое движение людей из Центральной Азии в Москву, Петербург и другие российские земли выглядит как постимперская ситуация, где продолжается, приобретая другие темпы и векторы, циркуляция рабочих рук, денег, практик, представлений и информации. Это движение по-новому фиксирует разделение труда между прежними «центром» и «окраинами», их иерархию и взаимную потребность друг в друге, даже если в риторике господствует резкое отторжение.

Еще одно объяснение, почему массы людей перемещаются из Центральной Азии, тоже достаточно очевидно, хотя на него мало обращают внимания. Как отмечено выше, значительную, если не основную, долю масштабной мобильности составляет выезд сельских жителей на заработки за границу. Иными словами, речь

идет о весьма классическом процессе пролетаризации до сих пор преимущественно аграрного центральноазиатского общества. Советская модернизация пыталась по-своему организовать этот процесс, постепенно превращая местных жителей в сельскохозяйственный рабочий класс. При этом в качестве своеобразной компенсации за полупринудительный труд в регионе сохранялись частный аграрный сектор и соответствующие ему сельские практики, отношения и мировосприятие. Крушение СССР означало, в частности, и крах такой модели трансформации. После чего неизбежной стала стандартная версия капиталистического развития с разорением крестьянства, его обнищанием и исходом в города, где крестьяне становятся наемными работниками и подвергаются нещадной эксплуатации. Иначе говоря, то, что воспринимается как деградация, является, по сути дела, сменой социально-экономического порядка, но не возвращением к каким-то прежним укладам, как это иногда кажется, а вхождением в совершенно новую форму общежития.

Пролетаризация не является предметом обсуждения, в частности, потому что ее ход и эффекты скрыты в сугубо национальном взгляде на движения. В странах исхода уехавшие считаются либо предателями нации, либо жертвами, либо добытчиками дохода. В странах прихода их рассматривают как несущих угрозу чужаков или опять же жертв. Акцент, часто культурный и расовый, на том, что они уехали или приехали, становится важнее, чем социальная суть движения⁷. Тем не менее, как только мы снимаем с себя национальные очки, мы без труда распознаем классовый характер мобильности. Специфика состоит лишь в том, что система, в которой происходит классовое взаимодействие, не ограничена рамками стран и даже регионов, а имеет наднациональный масштаб. Эта система включает в себя в первую очередь постсоветское пространство как наиболее близкое и понятное, уже имеющее, как было сказано, историю единого существования и неравных отношений господства и подчинения между «центром» и «окраиной». Но мобильность уже выходит и за постсоветские рамки, распространяясь на новые пространства глобального капитализма и вписываясь в мировой порядок.

Другой смысл движения в Центральной Азии, о котором хотелось бы сказать, – это освоение и присвоение глобального пространства, инфраструктур и технологий коммуникации и транспорта, которые сами по себе задают импульсы и траектории движения. Например, легкость, с которой можно в короткий срок

достигнуть другого конца света и получить доступ к каким-то новым благам, сама по себе толкает людей к путешествию. Сюда я бы добавил освоение технологий получения информации о мире и коммуникации на большом расстоянии. С их помощью создаются и поддерживаются образы и сети связей, которые также включены в процессы движения и обеспечивают его устойчивость, направление и обратимость. В более широком смысле я бы также включил сюда не только телефоны, Интернет, автомобили и самолеты, но и знание языков, усвоение глобальных стандартов в еде и одежде, правил поиска работы и т.д. По мере того как в Центральную Азию проникают технологии и инфраструктуры такого рода, у жителей региона формируются соответствующие привычки и возникает потребность в мобильности, которая порой воспринимается не только как необходимость, но и как удовольствие.

Наконец, для интерпретации современных перемещений я бы предложил использовать понятие «переселение народов». Несмотря на то что аналогии между очень разными историческими эпохами неизбежно рискованны, мне представляется важным указать на временную глубину, преемственность и цикличность движений. А с другой стороны, на постепенные тектонические сдвиги в распределении культур, языков и даже генетических особенностей, – сдвиги, которые не всегда видны в горизонте нескольких десятилетий. Мне думается, что надо видеть и эту перспективу, поскольку в ней происходят новые массовые смешения и гибридизации, конструируются новые культурные типы и предпочтения, формируются новые сообщества и идентичности. Браки местных и приезжих, дети приезжих, которые рождаются и растут на новой земле и говорят на языке местных жителей, перемещение (туда и обратно) вслед за приезжими музыкальных и пищевых вкусов, которые становятся новой модой и т.д. – всё это отдельные и сиюминутные симптомы таких трансформаций. Они собираются вместе и образуют глобальные тенденции, которые становятся видны по прошествии какого-то времени и лишь на дистанции от хаоса настоящего момента. Неочевидность этого тектонического сдвига и неясность его последствий не означают тем не менее, что мы не ощущаем (иногда в виде неясных и иррациональных беспокойств) неизбежности самого этого процесса: появления совершенно новых культурных форм, приобретающих свою собственную силу и логику.

«Мигрантскость» и нелегальность

Парадокс нынешней эпохи состоит в том, что чем более масштабным и быстрым становится движение людей, тем больше в обществах и странах создается правовых, политических, социальных, культурных и прочих регламентов, с помощью которых мобильность регулируется. Движение, становясь важной характеристикой постсовременности, не меняет общественное устройство, которое остается иерархическим и антагонистическим. Но движение придает этим иерархиям и антагонизмам еще одно, «мигрантское», измерение, которое учитывается при распределении статусов, богатств и возможностей. Точнее говоря, этих измерений много, и я попытаюсь их обозначить, отталкиваясь от предложенной выше классификации причин, которые определяют рост мобильности.

Самой очевидной является постимперская, или постколониальная, ситуация. В ней сохраняются бывшие различия между «центром» и «окраинами», однако если в прошлом они имели осязаемую и измеряемую территориальную величину, то теперь ее потеряли. Части бывшей единой империи, сросшиеся за многие десятилетия и века, и после распада единого государства по-прежнему нуждаются друг в друге – в ресурсах, финансах, рабочих руках, военной поддержке, технологиях и идеях – для поддержания собственного существования и легитимности. Взаимная зависимость имеет неизбежно, как и прежде, свои диспропорции, которые после конца СССР не только не уменьшились, но во многих отношениях стали даже более значительными. В прошлом единое российское подданство, а затем советское гражданство служили инструментом колонизации и русификации, но, помимо подчинения, они несли дополнительные модернизационные и эмансипаторские последствия и эффекты. В условиях же, когда из Центральной Азии жители потянулись в Россию, отсутствие общего гражданства и вообще лишение приезжих из этого региона какого-либо устойчивого правового статуса стало новой стратегией господства заново переопределенного «центра» над жителями центральноазиатской «окраины». Прежняя просветительская и культуртрегерская политика окончательно уступила место прагматичному расчету, где подобным задачам уже больше нет места.

Новыми средствами колонизации стали статус и ярлык «мигранта», вместо прежних «инородца» и «нацмена». «Мигрантскость» (негативно удвоенная ярлыком «нелегальности») в разных

своих формах сопровождает большинство выходцев из Центральной Азии на протяжении всего их путешествия в Россию и другие страны. При этом она одновременно является и средством сверхэксплуатации, и заменой расстояния, которое в прошлом отделяло жителей «центра» от населения «окраин» и создавало между ними неформальные отношения «старших» и «младших», на новый способ отдаления. Упрек в «мигрантскости» и «нелегальности» сопровождается стремлением сделать всё возможное, чтобы сохранить эту серую зону, которая является условием постколониальной заботы и подчинения. Конечно, для «нелегального мигранта» остается возможность стать гражданином и даже занять высокие позиции в новой ситуации, как когда-то «инородец» и «нацмен» мог стать царским генералом или членом ЦК, но этот путь требует сверхусилий, преодоления многочисленных преград и постоянного доказательства собственной лояльности.

Пролетаризация центральноазиатских сельских жителей совершается не просто как движение из деревни в город, но еще и как движение из одной страны в другую. Это приводит к двойной эксплуатации «мигрантов» как наемных работников и одновременно бесправных иностранцев. Причем совмещение двух социальных ролей мешает осознать классовый характер такого рода отношений.

В России, где «мигранты» работают и создают прибавочную стоимость, их рассматривают как «гастарбайтеров» и «рабов», которые не являются электоральной силой, будто бы мешают местной экономике развиваться, искажают рынок труда своими низкими зарплатами, увеличивают криминальность, т.е. создают массу «проблем» и «угроз». Вопрос об их собственных социальных правах редко обсуждается в качестве приоритета. Даже местные левые партии не готовы признать в них свою аудиторию, о правах которой стоило бы заботиться и чьей классовой мобилизацией заниматься. В самой Центральной Азии, куда «мигранты» возвращаются с заработанными средствами, они также не воспринимают себя и не воспринимаются окружающими в качестве отдельной социальной группы эксплуатируемых рабочих. Скорее на них смотрят как на очень разнородную массу предпринимателей – удачливых и не очень, которые совершили некую коммерческую сделку где-то за рубежом. У себя дома такие «гастарбайтеры» старательно поддерживают и воспроизводят все престижные атрибуты сельских богачей, членов общины и сторонников «традиционного» уклада⁸.

Здесь хотелось бы еще раз уточнить один важный пункт. Смысл движения не ограничивается исключительно превращением сельских жителей в городской рабочий класс. В нем участвуют и представители бизнеса, которые пытаются сохранить свои накопления и капитализировать их за границей, и городская образованная молодежь, надеющаяся войти в когорту «белых воротничков», и деятели культуры и науки, которые ищут свободы творчества и признания в других странах и т.д. Но эти слои центральноазиатского населения часто остаются незамеченными в публичных фобиях, не выделяются в качестве «гастарбайтеров», а иногда даже занимают вполне высокостатусные позиции в новом обществе. Однако подчинение «мигрантов» имеет свою, не только классовую, логику, поэтому любой, кто попадает в их число, рискует быть приписанным вместе с наемными работниками к одной общей «проблемной» категории.

Следующий фактор, который связан с доступом к инфраструктурам и технологиям мобильности, также создает свои разграничения и иерархии. Последние связаны с умениями, навыками, психофизическими возможностями и в особенности с наличием необходимых финансов и связей, которые позволяют получить этот доступ. Важным фактором является количество посредников между человеком и средствами мобильности.

Формирование иерархий начинается с момента принятия решения, когда выясняется, кто обладает личными качествами и состоянием, необходимыми для того, чтобы отправиться в дальнюю дорогу. Это решение предопределяет, кто будет кормильцем, а кто иждивенцем, кто при всех повышенных рисках получит больше символических и моральных бонусов и как в будущем распределятся роли и статусы в семье и общине. В зависимости от наличия средств и навыков выезжающий выбирает между стратегиями индивидуального поиска счастья или же, чаще, включения в сети. Внутри сетей каждому отводится определенное место и налагаются строгие ограничения на любые проявления самостоятельности. Сеть является посредником между человеком и технологиями, она дает ему деньги на первые шаги, она его охраняет и страхует, она объясняет, какие действия ему следует совершить. Социальная сеть, которая ведет человека по проторенной колее, дает гарантии и утверждает привычный порядок отношений, воспроизводит собственные формы господства и подчинения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, первопроходцами и последователями, «шустрыми» и «ведомыми». Парадокс

сальным образом технологии и инфраструктуры глобализации для многих оказываются способом воспроизводства и даже усиления локальных практик и убеждений.

Следует также заметить, что сеть, определяющая, что и как должен делать каждый из ее участников, усугубляет стигматизацию последних в качестве «нелегальных мигрантов» и «гастарбайтеров». Попадая в сеть, человек сразу оказывается в той социальной нише, которая заранее задает набор обязательств и прав, символов и идентичностей. Выходец из Центральной Азии, которого старший родственник или знакомый сажает в самолет, затем везет к месту работы и т.д., обречен быть «мигрантом» – других путей у него практически не остается.

И наконец, переселение народов. Выше говорилось о том, что этот процесс приводит к изобретению и взращиванию новых гибридных культурных форм и типов. При этом конструирование и материализация этих форм и типов происходит через выстраивание иерархий, приписывание к определенным – высшим или низшим – позициям в общественных классификациях, применение целого набора правил и техник признания и исключения. В частности, в этих процессах отсылки к «культуре», «религии» и «расе» – по отдельности или в различных совместных комбинациях – превращаются в необходимый атрибут выделения «мигрантов» в отдельную категорию движущихся людей.

«Мигрант» – это тот, кто обязательно наделен признаками «чужого»⁹. «Чужими» являются его физический облик, вера и религиозные практики, культурные привычки. Выходцы из Центральной Азии, будь то с европеоидными или монголоидными чертами лица, таким образом, становятся в глазах многих политиков, особенно националистического лагеря, «черными»; центрально-азиатским культурам, которые почти полтора столетия переживали масштабную модернизацию внутри Российской империи и Советского Союза, приписывается чуть ли не первобытная или феодальная архаичность; центральноазиатский ислам, который только-только заново воссоздается после атеистической эпохи и несет на себе печать эклектики и внутренней противоречивости, с точки зрения и консерваторов, и либералов, уже выглядит как часть гомогенной «мировой угрозы», которую они нередко приписывают исламу в целом. Дискурсивная расиализация, культурная и религиозная стигматизация, которой подвергается значительная часть перемещающихся между странами людей, оказываются условиями вхождения в новую среду постоянного движения. Новые

обобщающие идентичности и унижительные клички легитимируют, пусть даже негативным образом, совершающееся перераспределение пространства. При этом наделение тем или иным правовым, профессиональным или классовым статусом ставится в зависимость от культурных и биологических характеристик. Эссенциализация последних усиливается и выходит с уровня отдельных стран и регионов на глобальный уровень.

* * *

Распад СССР совпал с наступлением новой эпохи глобальных трансформаций, точнее сам распад был их частью, результатом и одним из сопутствующих условий. Если мы видим и понимаем этапы, тенденции и направления этих изменений, то можем оценить, каким образом более частные процессы вписываются в новую модель мироустройства. Трансграничные перемещения людей внутри бывшего СССР, в том числе из Центральной Азии в Россию, являются, судя по всему, не только временной реакцией на трудности и не результатом злой воли или управленческих ошибок, а вполне необходимым и, не побоюсь некоторого фатализма, неизбежным следствием пересборки сложившихся конфигураций пространств, темпоральностей, технологий, социальных иерархий и представлений. Принять этот факт не означает отказаться от обсуждения возможных сценариев развития процессов и попыток влиять на них. Однако в этой дискуссии должен присутствовать и более широкий горизонт событий и прогнозов, не сводимый к сиюминутным желаниям и интересам.

Примечания

- ¹ Rahmonova-Schwarz. D. Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. – Baden-Baden: Nomos, 2012. – P. 60–61.
- ² Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: Адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). – М.: Наталис, 2006. – С. 84.
- ³ Rahmonova-Schwarz D. Op. cit. – P. 66–68.
- ⁴ Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 13 ноября 2013 г.). (<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>). Еще порядка 0,5 млн выходцев (титульных национальностей) из Центральной Азии получили российское гражданство.

- ⁵ Недостаточность экономического объяснения хорошо видна в антропологических исследованиях, которые вскрывают сложную и противоречивую мотивацию людей, отправляющихся или не отправляющихся в путь. См., например: Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Киргизстана // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 4. – С. 262–280.
- ⁶ Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 4. – С. 25–36.
- ⁷ Интересно, что об этом применительно именно к Центральной Азии писал не кто иной, как Иммануил Валлерстайн, создатель концепции мир-системы. За 20 лет до распада СССР он предрекал массовое движение центральноазиатских жителей в российские города: Wallerstein I. The Two Modes of Ethnic Consciousness: Soviet Central Asia in Transition // The Nationality Question in Soviet Central Asia / E. Allworth (ed.). – Praeger Publisher, 1973. – P. 168–175.
- ⁸ Российские эксперты сосредоточили свое внимание на том, что с «мигрантами» происходит в России, но очень мало знают о том, как «мигранты» живут после возвращения домой. См. редкий пример исследования в стране исхода: Зотова Н.А. Кишлак у реки: Опыт исследования миграционных процессов на примере одного поселения // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 4. – С. 54, 56–58.
- ⁹ Шнирельман В. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. 2. – М.: НЛЮ, 2011. – Гл. 3.

«Pro et Contra», М., 2014 г., январь-апрель, с. 73–83.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С. Аккиева,

политолог

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА

(Мониторинг этнополитической ситуации)

Этнодемографическая ситуация. Кабардино-Балкария – полиэтническая и поликонфессиональная республика. Этнические отношения в Кабардино-Балкарии характеризуются лишь относительной стабильностью, имеются проблемы этнополитического и этноконфессионального характера.

Территория республики по своим природно-географическим характеристикам разделяется на три зоны: равнинную, предгорную и горную. Этому делению в определенной мере соответствует ареал расселения трех крупных этнических групп Кабардино-Балкарии.

Русские живут в двух районах – Майском и Прохладненском (исторические казачьи поселения), в которых численность и доля русского населения сегодня снижается и составляет в настоящее время соответственно 78,2 и 57,2%. Русские живут и в городах республики. Кабардинцы проживают в равнинной части республики (Баксанском районе они составляют 93%, Зольском – 90,8, Терском – 86,6, Урванском – 78,6, Лескенском – 91,2, Чегемском – 73,6, Черекском – 35,3, Прохладненском – 27,2%). Балкарцы проживают преимущественно в предгорной и горной частях республики (в Черекском районе они составляют 61,6%, в Эльбрусском – 64,4 и 18% – в Чегемском районах). Армяне, корейцы, азербайджанцы, чеченцы, грузины, татары проживают в городах Нальчик, Майский, Прохладный.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность населения КБР составила 859 939 человек. В составе населения наибольший удельный вес имеют кабардинцы – 490,4 тыс. человек (57,2%), русские – 193,2 тыс. (22,5%), балкарцы –

108,5 тыс. (12,7%), украинцы – 4,8 тыс. (0,6%), осетины – 9,1 тыс. человек (1,1%); представителей других национальностей (турок, татар, армян, азербайджанцев, грузин, белорусов, цыган) – 43,2 тыс. человек (5,9%).

Прошедшая накануне переписи кампания адыгских общественно-политических организаций, призывавшая все народы адыгской группы записываться «черкесами», привела к тому, что с 725 человек (2002) до 2475 человек (2010) выросла численность «черкесов» в КБР. Однако надежды адыгских агитаторов на то, что доля тех, кто сменит идентификацию с кабардинца на черкеса, будет высокой, не оправдалась, так как кабардинская идентичность сложилась за многие десятилетия и люди не хотят ее менять.

Городское население составляет 58,5% от общего числа жителей республики, сельское – 41,5%. 280 тыс. жителей КБР – молодежь (31% от общей численности всего населения республики).

Серьезной проблемой, влияющей на демографическую ситуацию и социально-экономическое развитие республики, как и на межэтнические отношения, являются миграционные процессы. В течение последних двух десятилетий в республике наблюдается отрицательное сальдо миграции.

В последние годы проведены опросы, целью которых было изучение миграционных установок населения республики. Опрос 2011 г. показал¹, что каждый второй молодой человек до 30 лет хотел бы уехать из республики, при этом особых различий в миграционных установках в зависимости от национальности не выявлено. Однако в 2012 г. сотрудники КБГУ провели социологическое экспертное исследование молодежи в Прохладненском и Майском районах. Опрос выявил, что миграционные настроения на отъезд из республики в русскоязычных районах набирают силу. Основными причинами роста миграционных настроений являются социально-экономическая ситуация (отсутствие рабочих мест, невозможность молодежи самореализоваться), сложная криминогенная обстановка, распространение религиозного экстремизма и терроризма.

Структурные изменения в экономике республик Северного Кавказа и в КБР, начавшиеся в 1990-е годы, и миграционный отток русских сопровождался замещением сузившегося рынка труда представителями титульных этнических групп.

---

¹ В КБР было опрошено 600 человек в возрасте от 18 до 35 лет.

Продолжившиеся в прошлые годы экономические трудности, сопровождавшиеся сокращением рынка труда, архаизацией и усилением клановости, изменения в системе образования, сопровождающиеся, с одной стороны, коммерциализацией высшего образования, а с другой – его доступностью (при падении качества), привели к тому, что значительное количество молодежи с высшим образованием оказалось в ситуации, при которой найти работу затруднительно.

В КБР на протяжении длительного периода уровень безработицы остается высоким, при этом уровень регистрируемой безработицы сокращается. На конец 2012 г. численность зарегистрированных безработных граждан составила 8,9 тыс. человек и снизилась по сравнению с аналогичной численностью 2011 г. на 7,0%, уровень регистрируемой безработицы составил 2,2% (в 2011 г. – 2,4%).

По опросам, значительная часть молодежи выражает неудовлетворенность уровнем жизни в КБР, заявляет о недостаточности условий для самореализации (ограниченное трудоустройство, нулевая профессиональная карьера, низкие возможности достижения стандартов благополучия) и проявляет активное стремление к миграции. Типичной чертой последнего десятилетия для республик СКФО РФ, в том числе и Кабардино-Балкарии, стал постоянно идущий «отрицательный отбор» – часть молодежи, используя социальные сети – электронные и межличностные, – уезжает в крупные российские города и за пределы страны.

По данным Управления ФМС по Кабардино-Балкарской Республике, в 2012 г. миграционная убыль составила 6194 человека, что на 646 человек, или на 11,6%, больше, чем за 2011 г. Число выбывших за пределы республики увеличилось на 2480 человек, или на 26,1%, число прибывших в КБР возросло на 1834 человека, или на 46,4%.

Рост числа прибывших в 2012 г. в определенной мере связан с войной в Сирии, где есть зарубежная диаспора адыгов (черкесов) и карачаево-балкарцев. Количество прибывающих из этой страны выросло в 6 раз (с 108 в 2011 г. до 608 в 2012 г.). Количество оформляемых приглашений выросло в 8 раз (с 174 в 2011 г. до 1533 в 2012 г.).

В Кабардино-Балкарии отношение к массовому возвращению представителей зарубежной диаспоры из Сирии и других ближневосточных стран неоднозначно.

Открытие границ России после распада Советского Союза, сравнительно легкая процедура получения российского гражданства в 1990-е годы, подъем национальных чувств адыгов способствовали тому, что часть потомков мухаджиров стала возвращаться на Кавказ, в том числе и в КБР. В постсоветские годы в Кабардино-Балкарию переехали от 1500 до 1700 потомков мухаджиров. Затем процесс застопорился, но события в Сирии дали новый импульс адыгской репатриации. Насколько он будет успешным и массовым – зависит от позиции федеральной и республиканской властей.

Сторонники возвращения сирийских черкесов отмечают трудолюбие и законопослушность репатриантов, их готовность интегрироваться, их возможности принести в республику инвестиции. Противники говорят о том, что реэмиграция черкесов нарушит «баланс этнических» сил в регионе и «может привести к усилению и умножению геополитических рисков на Юге России».

Трудовая миграция в республику и миграция из республики – процессы взаимосвязанные, выезд из республики лиц трудоспособного возраста ведет к росту трудовой миграции в республику. Иностранцы востребованы в строительстве, в оптовой и розничной торговле, на транспорте, на обрабатывающих предприятиях, на промышленных объектах и т.д. Прибывающие иностранные работники не оказывают в настоящее время существенного влияния на демографическую, экономическую, социально-политическую ситуацию, на рынок труда и степень безработицы в республике, так как они задействованы в малопривлекательных для местного населения сферах деятельности. Вместе с тем рост трудовой миграции при увеличении ее темпов может привести к нежелательным общественным реакциям и усилить конкуренцию на рынке труда, в социальной сфере и стать источником общественных конфликтов.

Внутренние миграционные процессы в КБР пролегают в направлении из села в город. Рост численности бывших сельских жителей в городах республики, особенно в г. Нальчике, по мнению ряда экспертов, является криминогенным и конфликтогенным фактором в молодежной среде и ведет к росту экстремистских настроений. Миграционные процессы в КБР последнего десятилетия (и постсоветского периода в целом) привели к изменению этнического состава, выступают как фактор увеличения негативных тенденций в межнациональной сфере и при определенном развитии событий могут выступить конфликтогенным фактором.

Вопрос о земле как источник межобщинных разногласий. Одним из сложнейших вопросов в Кабардино-Балкарии является вопрос о земле, который в последние годы стал основным фактором межэтнической и этнополитической напряженности. В республике с 2005 г. идет полемика об определении границ муниципальных образований в рамках выполнения ФЗ-131 «О местном самоуправлении».

По принятому Парламентом КБР в 2005 г. закону о границах муниципальных образований были выделены межпоселенные территории в основном в горной и предгорной частях республики, находящиеся под контролем не муниципальных администраций, а региональных властей. Это вызвало протесты жителей поселений с компактным проживанием балкарцев, которые жаловались на то, что их территории были значительно урезаны. По мнению граждан, это привело к нарушению традиционного уклада жизни местного населения, утратившего возможности заниматься различными формами сельского хозяйства на своей территории, а также лишило муниципалитеты ряда доходных статей в бюджетах поселений. В ситуации по данному вопросу разбирались Конституционный суд, признавший выделение межпоселенных территорий незаконным, и Администрация Президента Российской Федерации.

В 2008 г. Парламент КБР во исполнение решения Конституционного суда РФ принял поправки в республиканское законодательство, отменяющие так называемые межпоселенные территории в ряде поселений с компактным проживанием балкарцев. Решение парламента вызвало мобилизацию кабардинских общественно-политических организаций, которые провели в 2009 г. митинг с требованием приостановить изменения границ муниципальных образований в КБР до принятия закона о землях отгонного животноводства. В июле 2011 г. Парламент КБР принял Закон «О порядке определения территорий и использования земель отгонного животноводства», закрепивший за ними статус республиканской собственности. Предполагается, что отгонные пастбища отойдут в собственность республики и будут предоставляться юридическим и физическим лицам только на правах аренды. По мнению экспертов, это компромиссный вариант, хотя он не устраивает полностью ни кабардинскую, ни балкарскую стороны.

Этническое представительство во власти и гражданском обществе. Одним из основных факторов, определяющих состояние этнополитической ситуации и характер межнациональных отношений в Кабардино-Балкарии, является этническое представи-

тельство во власти. Практика многих государств дает примеры этнического представительства.

В целом кадровая политика государственных органов власти КБР направлена на обеспечение необходимого представительства в высших органах власти представителей трех основных национальностей в республике. Глава республики (1991–2011 гг. – Президент КБР) – кабардинец, Председатель Правительства – кабардинец (в 2005–2011 гг. – русский). Председатель Парламента – балкарец, его первый заместитель – кабардинец, два зама – соответственно кабардинец и русский. При формировании кабинета министров этнический фактор также учитывается. При выборах в Государственную думу РФ и Парламент КБР списки политических партий составляются так, чтобы при ожидаемом уровне голосов за ту или иную партию представители трех этнических групп имели бы шансы быть избранными. В Государственной думе VI созыва от КБР представлены четыре депутата (два кабардинца, один русский и один балкарец), при этом три депутата выдвинуты от «Единой России» и один от КПРФ. В Совете Федерации от КБР работают два сенатора: балкарец и кабардинец.

В составе Парламента КБР представлены депутаты не только от кабардинцев, балкарцев и русских, но также осетин, украинец и немец. В Кабардино-Балкарии особое внимание уделяется национальной политике, и в данной сфере в последние годы ведется целенаправленная работа, реализуются целевые программы «Гармонизация межэтнических отношений и укрепление толерантности в Кабардино-Балкарской Республике на 2011–2015 годы», проводятся мероприятия в соответствии с постановлениями Правительства Кабардино-Балкарской Республики «О мерах по сохранению и развитию связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и репатриантами на 2012–2015 годы» и «О Концепции общественно-государственного партнерства на период до 2015 года».

В КБР зарегистрировано 776 общественных организаций: региональных отделений политических партий – 6; общественных объединений – 461, в их числе 16 молодежных общественных организаций, созданных под эгидой федеральных и республиканских органов власти и управления, а также иных некоммерческих. Многие из этих организаций находятся в «спящем состоянии». Общественных организаций этнической направленности несколько десятков. В их числе адыгские: «Адыгэ хасэ», МЧА (Международная черкесская ассамблея), «Хасэ», «Кабардинский конгресс» и др.;

балкарские: «Алан», ССБН (Совет старейшин балкарского народа); русские: «Вече» и др.

На территории Кабардино-Балкарии действует Терско-Малкинское окружное казачье общество с 13 общинами в основном в Прохладненском и Майском районах. В Кабардино-Балкарии проблема казачества занимает видное место, и фундамент правового поля для решения проблем казачества опирается на Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов»; Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»; Концепцию государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, утвержденную Распоряжением Президента Российской Федерации от 02.07.2008 № Пр-1355. В 2012 г. в Майском муниципальном районе КБР принята и утверждена специальная программа о поддержке казачьих обществ Майского муниципального района на 2012–2014 гг. (постановление местной администрации Майского муниципального района КБР № 76 от 11.03.2013 «Об утверждении районной целевой программы “Муниципальная поддержка казачьих обществ Майского муниципального района на 2012–2014 годы”»).

Программа предполагает подготовку казаков Майского районного казачьего общества для несения государственной и иной службы в соответствии с Федеральным законом «О государственной службе российского казачества», прохождения военной и правоохранительной службы, участия в ликвидации последствий стихийных бедствий на территории Майского муниципального района, участия в охране общественного порядка и оказания содействия органам, осуществляющим борьбу с терроризмом; для сохранения культурного наследия казачества, обеспечения преемственности казачьей культуры, приобщения населения Майского муниципального района к казачьей культуре, воспитания духовности у подрастающего поколения и др. мероприятия.

В КБР в станице Котляревской на базе клуба «Центр казачьей культуры» создан народный краеведческий музей, ставший одним из самых лучших музеев во всей республике.

В республике действуют одна национально-культурная автономия (еврейская) и 16 национальных культурных центров меньшинств, в их числе армянская, азербайджанская, осетинская, грузинская и др. Этнокультурные организации играют позитивную роль для местного сообщества. В конце 2012 г. в КБР было принято решение об открытии в республике Дома дружбы народов, ко-

торое «поднимет значимость диаспор и укрепит межэтническую общность народов республики».

Активные миграционные процессы (в том числе трудовая миграция) способствуют формированию новых НКО и НКЦ. Национальные и культурные центры в основном находятся в столице КБР, но их деятельность не замыкается границами Нальчика.

Деятельность национальных и этнических обществ КБР по степени активности, идеологической и политической направленности следует разделить на две группы:

- национально-культурные организации и центры нетитульных народов КБР, которые отличаются направленностью на мирное сосуществование, сотрудничество, культурную интеграцию и некоторой отстраненностью от решения актуальных межнациональных вопросов;

- национальные общества и объединения титульных народов, которые отличаются большей активностью, нетерпимостью по отношению друг к другу, наличием радикальных взглядов и сепаратистских настроений.

В Кабардино-Балкарии созданы различные советы и иные консультационные и совещательные органы, в работе которых принимают участие представители общественных объединений и НКО. Это Общественно-консультативный совет при Президенте КБР, Общественная палата КБР, Молодежное правительство КБР, Молодежная палата Парламента КБР, Ассоциация «Совет муниципальных образований КБР», Совет Кабардино-Балкарского регионального отделения Всероссийского совета местного самоуправления, общественные советы при министерствах, ведомствах, учреждениях, местных администрациях муниципальных образований. Деятельность этих организаций направлена на сохранение и упрочение межнациональной стабильности и развитие гражданского общества в КБР.

Религиозная ситуация. В Кабардино-Балкарии на протяжении многих веков мирно сосуществуют ислам, христианство и иудаизм. В настоящее время религиозные общины в республике, с одной стороны, остаются закрытыми и сосредоточенными на своих проблемах, с другой стороны, они готовы и идут на диалог. Межконфессиональные встречи проходят на уровне контактов между мусульманским духовенством, православной церковью и раввином КБР, а обмен мнениями о содержании каждой из вер сводится к признанию другой религии как проводника мира и терпимости.

Православие, ислам и иудаизм стремятся к диалогу, не вмешиваясь, не критикуя друг друга. Объектом критики являются протестанты в христианстве и исламские экстремисты. Если в отношении христианских протестантов в 1990-е годы критика была более жесткая, то в настоящее время она осторожная и либеральная. Иная ситуация сложилась в мусульманской общине, где идет противостояние по линии традиционалисты – экстремисты.

В Кабардино-Балкарии зарегистрировано 178 религиозных организаций, в том числе 125 мусульманских, которые объединяет Духовное управление мусульман. Кроме того, здесь создан Северо-Кавказский исламский университет, где учатся 147 студентов. Программа вуза включает 23 религиозных и 12 светских предметов. Кроме того, при университете действует медресе и проводятся курсы повышения квалификации для имамов. В Нальчике строится Северо-Кавказский исламский центр, отношение к которому в обществе не однозначно.

Проявления неэффективности деятельности органов республиканской власти в сочетании с коррупционной составляющей, а также клановостью, основанной на близкородственных и экономических отношениях, вызывают недовольство жителей республики и формируют основу различных противоречий, накапливая взрывоопасный протестный потенциал, который проявляется и в форме исламистского экстремизма.

В молодежной среде происходит культивирование экстремистских настроений и формирование оппозиционной к действующей власти прослойки молодых людей. Именно эта часть молодежи выступает в качестве идейной и ресурсной подпитки экстремистских структур и бандподполья. В подавляющем большинстве это лица от 17 до 35 лет, большая часть из которых не трудоустроены, из малообеспеченных семей, без четкой гражданской позиции. Так называемый чистый ислам для них выступает наиболее понятной и доступной формой интерпретации внешнего мира, позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Согласно опросам, определенная часть молодежи не рассматривает участников бандподполья как политических преступников, а видит в мотивации их деятельности борьбу за социальную справедливость и финансовый интерес (41% респондентов – участники социологического опроса молодежи, проведенного по заказу Общественной палаты при Президенте КБР).

В последнее десятилетие в условиях деидеологизации российского общества в культуре и духовно-нравственном разви-

тии жителей КБР произошла переоценка значения религии в общественной жизни. На религиозные идентификаторы населения воздействуют нарастающая тенденция мусульманизации республиканского общества и широкое распространение радикально-экстремистской идеологии.

Религиозность стала одним из социально значимых факторов в молодежной среде. Растет количество школьников и студентов, исповедующих так называемый «чистый ислам», оказывающих пособническую помощь бандподполью.

Молодые приверженцы «чистого» ислама активно заимствуют компоненты, так называемой восточной мировой культурной системы (более жесткие исламские нормы, паломничество в Мекку и Медину, арабоязычная литература и др.). Возросло количество жителей, для которых формой самовыражения и внешнего проявления исламизации является ношение религиозно обусловленной одежды.

На фоне процесса реисламизации населения наблюдается устойчивая тенденция падения авторитета традиционного ислама среди молодежи. Этому способствуют слабое теологическое образование основного состава имамов, использование устаревших форм и методов работы официального мусульманского духовенства с молодежью, нехватка квалифицированных служителей мусульманского культа, способных идейно противостоять сторонникам радикальных религиозных течений.

Пропаганда исламского призыва привела к увеличению числа сторонников ислама радикального толка безотносительно этнической принадлежности. При этом молодые неофиты – лица славянской национальности очень активны и являются успешными проповедниками экстремистской идеологии.

Следует отметить, что позиции Русской православной церкви (РПЦ) среди славянского населения республики слабы. Подавляющая часть священнослужителей РПЦ КБР в силу преклонного возраста, а также по личностным качествам не в состоянии заниматься активной миссионерской деятельностью. Одним из факторов борьбы с религиозным экстремизмом власти республики, ДУМ КБР и РПЦ видят религиозное просвещение населения, особенно подрастающего поколения, в связи с этим в учебный план некоторых средних общеобразовательных учебных заведений вводится специальный предмет «История и культура мировых религий».

Резюме и рекомендации. Позитивно настроенная часть населения КБР, в том числе молодежь, в условиях идеологического вакуума характеризуется инертностью и отсутствием желания активно участвовать в противодействии экстремистским проявлениям.

Населением ощущается определенная дистанцированность республиканских отделений общероссийских партий от происходящих событий, тревожащих общество. Научная и творческая интеллигенция минимизировала свое участие в общественной жизни КБР.

Остается малоактивной работа 16 молодежных общественных организаций, созданных под эгидой федеральных и республиканских органов власти и управления. Отсутствие массовых молодежных организаций, особенно на местном уровне, способных представлять интересы молодого поколения в различных структурах власти КБР, ограничивает возможности молодежи в социальной самореализации и ведет к росту агрессивности и протестного потенциала. Для молодых людей требуется обоснование социальной активности: молодежь более привлекает локализация общественных мероприятий до территории их проживания, чем апеллирование к идеологическим схемам.

Незрелость гражданского общества КБР во многом предопределяет дальнейшее нарастание негативных тенденций в конфессиональной и межконфессиональной, межэтнической сферах.

Повышению эффективности государственной политики в области сохранения и развития культурных и нравственных ценностей, укрепления духовного единства российского народа, локализации обозначенных угроз безопасности, в том числе в духовно-нравственной сфере, способствовали бы следующие меры:

- создание объединяющей идеологии, которая позволит направить процесс социокультурной динамики российского общества в консолидирующее русло и преодолеть кризис духовной культуры и отчуждение молодого поколения от культурного наследия России;

- усиление роли государственного регулирования социальных процессов, и в частности в молодежной сфере, что предполагает формирование эффективной и адекватной современности молодежной политики в рамках обеспечения духовной и в целом национальной безопасности России;

- организация общегосударственной системы мониторинга этнополитической и религиозной ситуации, демографического и экономического положения народов РФ (регионов), содержания

гуманитарного образования на предмет соответствия задачам консолидации народов КБР, воспитания гражданина и патриота России;

– создание эффективной системы социальной мобильности молодых россиян, которая позволила бы ликвидировать расхождение между декларируемым равенством прав и возможностей жизненной и профессиональной самореализации молодежи.

*«Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году»,
М., 2014 г., с. 496–502.*

Д. Алиева,

соискатель (РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Процесс политизации ислама в России совпал по времени с мусульманским возрождением в мире. Об этом напоминает Д.А. Пузырев: «На изменение роли религии в жизни человека, а именно на ее переход из сферы частной жизни в сферу общественной, на ее подверженность значительной политизации оказало влияние пробуждение политической активности, проходящее в мире» [Пузырев, 2008]. Но при этом политизация религии свидетельствует не о том, что население становится религиозным, а о том, что религия энергичнее, чем раньше, проникает в политику, идеологию, правительственные сферы [Мальшева, 1986: 4].

В России последователи ислама проживают во многих уголках страны. Численность их с каждым годом увеличивается, что отражается в экспертных оценках. Как отмечают эксперты, в России проживает 12–20 млн мусульман (8–12% всего населения страны). Их численность в 2030 г. может превысить 30 млн человек. Как указывают многие исследователи (А.В. Митрофанова, З.И. Левин, Д. Экспозито, М.З. Хусейн и др.), причины политизации ислама в России те же, что и в остальном мире, но этот процесс имеет свои особенности.

Реисламизация в Республике Дагестан начинается с 90-х годов прошлого столетия. Исламское возрождение выразилось в том, что возросло число мечетей, которые являются материальной основой процесса распространения ислама.

Важным направлением процесса активизации ислама в Дагестане стала организация религиозного просвещения мусульман: появилась издательская продукция, открылись медресе – школы, духовно-просветительные, благотворительные и другие мусульманские общественные организации. Возникла острая необходимость в подготовленных кадрах мусульманского духовенства. Нехватка подготовленных кадров привела к тому, что молодые мусульмане выезжали за рубеж, чтобы восполнить этот пробел.

Большое число молодежи из мусульманских регионов России обучалось в религиозных учебных заведениях Саудовской Аравии, с чем и связывают многие исследователи распространение идеологии ваххабизма, являющегося государственной религией Саудии.

М.В. Силантьева отмечает, что «сегодня политизация конфессиональных структур представляет собой процесс, параллельный “синкретизации” религиозного пространства. Причем подобная политизация связана, как это ни парадоксально, с деятельностью крупных религиозных объединений, представляющих мировые религии. Так, инициатива “превратить Церковь в прообраз гражданского общества” (как и явно выраженный социальный заказ на исследования подобных возможностей исторического, компаративного и проективного плана) исходит, прежде всего, из недр РПЦ. Сходным образом консолидируются “все здоровые силы” ислама (правда, на фоне радикальной борьбы компетентных органов с “нетрадиционными” формами данной конфессии на территории РФ – в основном салафитского типа в его пропагандистском и деятельностном вариантах)» [Силантьева, 2012].

Так, для религиозной ситуации Дагестана характерны следующие особенности: религиозные организации и объединения без госконтроля пропагандируют свои вероучения, что приводит к усилению роли религии; на фоне этого повышается престиж религиозных объединений в общественной жизни, что приводит эти организации к жесткой борьбе за влияние на население и, соответственно, рост мусульманского сообщества.

На наш взгляд, под политизацией ислама следует понимать процесс активного включения исламского фактора в сферу общественно-политической жизни региона или страны. Мы предлагаем выделить два этапа политизации ислама в Дагестане, которые связаны с аналогичным процессом в России и во многом обусловлены теми же внутренними и внешними причинами.

1-й этап (1991–2000) связан с возрождением религии в стране, ростом числа верующих, мечетей, религиозных учебных заведений.

2-й этап (с 2000 г. по настоящее время) характеризуется нарастанием радикальных тенденций, углублением нелегальных методов борьбы, направленной на насильственный захват политической власти.

Умма Дагестана находится в состоянии внутриконфессионального раскола между традиционалистами и фундаменталистами. Как пишет Х.Т. Курбанов, раскол происходит по трем направлениям: идеологическому (акида), связанному с проблемой отношения к пути истины; политическому, определяющему взаимоотношения с государством, и каноническому [Курбанов, 2006]. Это объясняется тем, что мусульмане не находят себе правильного места в общественно-политическом поле и их со своими запросами и претензиями на участие в общественно-политической деятельности выталкивают на периферию общественной жизни.

Происходит социализация и политизация ислама, что естественным образом провоцирует его радикализацию. Но радикализация – явление неоднородное и подразделяется на два основных течения: умеренно-радикальное и ультрарадикальное. У большинства ультрарадикалов нет собственных идеологических доктрин, и их разрушающая активность основывается на теориях зарубежных теоретиков экстремизма. Идеология ультрарадикалов вначале распространялась через проповеди миссионеров, через молодых людей, прошедших обучение в исламских зарубежных заведениях, соответствующую литературу, изданную иностранными фондами, посредством глобальной сети Интернет. Далее идеология стала определяться своими местными непримиримо настроенными и подготовленными радикалами, которые привлекают молодых людей в свои ряды, т.е. неоваххабизм распространился, прежде всего, среди молодежи.

Экстремисты также перенимают опыт международных террористов, совершенствуются, изменяют методы, способы своей деятельности, конспирируются, внедряют своих представителей в органы власти, силовые структуры и, используя тактику партизанской войны в городе, совершают свои акты возмездия.

Предотвращение дальнейшего распространения радикального ислама может быть достигнуто только путем грамотного духовно-нравственного воспитания молодых поколений. Многие считают, что для прекращения кровопролития в Дагестане нужен диалог

с людьми, находящимися в подполье, который поможет вернуть их к мирной жизни. Одной из попыток вернуть этих людей к мирной жизни, предпринятых правительством, стало создание Комиссии по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни в соответствии с указом Президента РД Магомедсалама Магомедова от 2 ноября 2010 г.¹ Однако деятельность этой комиссии пока не дала видимых результатов. Никто не говорит, что работа в этом направлении не нужна, но, как мы считаем, ее нужно сделать более эффективной. Более действенной мерой будет объявление амнистии всем находящимся в подполье, возвращение их к мирной жизни, а потом проведение разъяснительной и идеологической работы. Так как любая идеология – это, прежде всего, пример, практика. Эффективным идеологическим доводом против миссионеров «чистоты ислама» должны стать научные знания об исламе. Люди должны увидеть, как теория работает на деле, а пустые слова никого не смогут заинтересовать.

Полагаем, что нужен немедленный диалог всех общественных организаций и объединений с властью и, прежде всего, друг с другом. Попыткой такого диалога был III съезд народов Дагестана, который прошел в декабре 2010 г. Было бы желательным регулярное проведение съездов народов Дагестана, круглых столов с участием представителей власти, общественных организаций и религиозных объединений. В Махачкале 29 апреля 2012 г. при встрече суфиев и салафитов была предпринята еще одна попытка налаживания внутррелигиозного диалога и сглаживания противоречий. Муфтий Дагестана А. Абдуллаев призвал всех верующих к терпимости, а работников правоохранительных органов – к справедливости, законности, соблюдению прав человека.

Внутриконфессиональный конфликт в Дагестане затронул суфиев и салафитов, среди которых также существуют разные течения. Многих умеренных, неофициальных мусульман, не связанных с какой-то диверсионной деятельностью, но при этом не признающих авторитет духовных управлений мусульман, причисляют к радикализованной части общества, давая карт-бланш тем, кто устраивает в республике «охоту на ведьм». Противопоставление

---

¹ В Дагестане образована Комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность. Доступ: http://dagmarket.ru/news/v_dagestane_obrazovana_komissiya_po_okazaniyu_sodeystviya_v_adaptatsii_k_mirnoy_jizni_litsam_reshivshim_prekratit_terroristicheskuyu_i_ekstremistskuyu_deyatelnost/

одной части общества другой, которое с каждым днем возрастает, не может привести к миру и стабильности. Важной проблемой на сегодняшний день является создание механизма мирного разрешения внутриконфессиональных проблем, адаптация к мирной жизни бывших радикалов на основе принципов общественного договора.

Анализ современной социально-политической и религиозной ситуации показывает бесперспективность конфронтационного подхода к решению социально-политических и конфессиональных проблем. Именно поэтому сегодня возрастает роль толерантности как фактора их регулирования. Процесс налаживания внутриконфессионального диалога проходит очень болезненно и противоречиво. Мирный процесс периодически срывается как ультрарадикалами, совершающими новые теракты, так и силовиками, нарушающими гарантии сдавшимся людям. Следует поддерживать силы, заинтересованные в налаживании мирного диалога и создании оптимальных условий для выхода из затянувшегося кризиса.

Для того чтобы преодолеть религиозно-политический терроризм и экстремизм, необходим комплексный подход, который включает в себя регулирующие, запретительные и профилактические меры – совершенствование правовой базы, усиление борьбы с финансированием террористической деятельности, укрепление деятельности спецслужб, пропагандистскую, идеологическую и разъяснительную работу среди населения. Необходимо также совершенствовать законодательное регулирование деятельности религиозных объединений во всех сферах их функционирования. В настоящее время взаимная терпимость, диалог между государством и духовенством, сотрудничество, преодоление религиозного фанатизма и экстремизма, создание атмосферы толерантности, равное отношение к верующим всех конфессий и к неверующим со стороны государства приобретают особую общественно-политическую значимость.

Литература

1. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: Идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.
2. Малышева Д.Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран (70–80-е годы). – М.: Наука, 1986. – 228 с.
3. Пузырев Д.А. Рост исламского фундаментализма: Причины и следствия. – Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2008. – № 3.

4. Силантьева М.В. Синкретизм в условиях политизации религии: Региональный аспект. – Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. 23–25 октября 2012 года. Уфа, 2012. – Доступ: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part29.pdf>. С. 4794–4800.

«Власть», М., 2014 г., № 8, с. 84–87.

А. Ярлыкапов,

кандидат исторических наук

(Институт этнологии и антропологии РАН)

**АДАТ, ШАРИАТ И РОССИЙСКОЕ ПРАВО
НА СОВРЕМЕННОМ СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

С конца 1980-х годов на Северном Кавказе отмечается всплеск интереса к двум традиционным правовым системам: обычному праву (урф, адат) и шариату. Наряду с известными, но провалившимися экспериментами по введению шариатского права – Кадарская зона в Дагестане, «Чеченская республика Ичкерия» и «Имарат Кавказ» – в регионе есть и примеры постепенного и успешного расширения сферы применения мусульманского и обычного права в различных джамаатах: от молодежных (салафитских) до суфийских. Особенно успешные попытки расширения сферы применения обычного права отмечены в Дагестане, здесь широко применяется маслиат¹ – примирение конфликтующих сторон на основе обычно-правовых норм. Ростом значения адата решили воспользоваться и власти, выйдя с инициативой создания советов старейшин, которые все же оказались неэффективными почти на всех уровнях.

Расширяется и сфера применения шариатского права – это и широкое применение норм халяль в производстве продуктов питания, борьба с торговлей «запретными» товарами, и применение норм шариата при заключении брака, и создание в джамаатах шариатских судов для решения дел. Традиционно большое значение шариат имеет при решении чувствительного для региона земельного вопроса. Есть попытки реституции вакфов; кроме того, отчетливо проявляется усиление роли шариата при решении земельных споров между джамаатами, в частности «коренных» и переселенцев.

---

¹ Маслиат – аваро-даргинский вариант произношения маслахата.

В то же время следует признать, что истеричные прогнозы относительно «тотальной шариатизации» Северного Кавказа не соответствуют действительности. Регион всё еще испытывает огромный дефицит грамотных специалистов, и шариат имеет весьма ограниченную сферу применения.

Степень шариатизации общественной жизни и судебной практики в регионе наиболее высока в Дагестане, Чечне и Ингушетии. В центре и особенно на северо-западе разрыв с религиозной традицией произошел не только у молодежи, но и у большей части старшего поколения. Северо-Западный Кавказ в настоящее время преимущественно светский. На Северо-Западном Кавказе значительная часть старшего поколения не прошла даже процедуру обрезания. Здесь приток молодежи в неформальные радикализирующиеся «джамааты» свидетельствует о прерывании местной мусульманской традиции как таковой как в правовой, так и в бытовой и обрядовой сферах. Но даже в Чечне и Дагестане отношение к мусульманскому праву сложное. Власти больше декларируют свою приверженность шариату (и горскому традиционному праву), чем следуют им.

В период между двумя войнами власти Ичкерии по сути дела дискредитировали шариатское право, прямо в центре Грозного на глазах многотысячной толпы устраивая публичные расстрелы людей. Попытки заменить светское российское законодательство нормами шариата вылились в палочные наказания для употребляющих алкоголь и привели к расстрелам нескольких человек, обвиняемых в совершении убийств, в центре Грозного. Современные дагестанские и в особенности чеченские власти относятся к шариату с долей осторожности. Из всего того, что включает в себя мусульманское и чеченское адатное право, распространены лишь нормы, разрешающие многоженство (сам Рамзан Кадыров неоднократно заявлял, что ислам разрешает иметь четырех жен, и фактически поощрял полигамию), расправы над женщинами за внебрачные связи (так называемые «убийства чести») и обычай кровной мести. Впрочем, и последний в Чечне объявлен как бы пережитком прошлого, и в 2011 г. руководство республики объявило о примирении всех кровников и закрытии этого вопроса в принципе.

С другой стороны, руководство Чечни, на словах ратующее за шариат, совершает немало поступков, которые ислам считает совершенно недопустимыми и которые идут вразрез с чеченскими адатами. Например, присвоение мечетям имен отца, брата и матери действующего главы республики. Или развешивание на улицах

городов и селений огромных плакатов с изображениями Ахмата и Рамзана Кадыровых, не говоря уже о постоянной рекламе и саморекламе, проводимой главой Чечни.

Несмотря на все споры и страхи, которые вызывает в России и на Северном Кавказе шариат, во многих джамаатах при пятничных мечетях (джума) и молельных домах действуют так называемые шариатские суды, называемые по-арабски *махкама шар'ийа*. Как правило, это уже не коллегиальные органы раннего советского времени, а суды выбранного джамаатом шариатского судьи-кади, при котором может действовать консультативный совет из алимов – знатоков местных мусульманских обычаев. Имам мечети, как правило, выполняет обязанности кади по пятницам. Обычно эти неформальные органы судопроизводства ограничиваются разбором мелких уголовных дел, составлением брачных контрактов (никях) и разводов по шариату, нотариальным оформлением религиозных завещаний (васият) [см. об этом подробнее в кн.: Бобровников, 2002, с. 272–280].

В некоторых дагестанских и чеченских селениях при мечетях из молодежи 20–30-летнего возраста созданы отряды шариатской гвардии, заменившей собой дружинников позднего советского времени. В их функции входят поддержание общественного порядка на улицах, приведение в исполнение приговоров председателя шариатского суда. Наряду с шариатскими трибуналами у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды. Председатели шариатских судов нередко входят в состав сельских и районных администраций. Наиболее авторитетные из них участвуют в разборе по адату или шариату поземельных тяжб между селениями, случаи которых участились в постсоветские десятилетия.

Характер деятельности воссозданных *de facto* при мусульманских общинах шариатских судов и их председателей-кади во многом определяют деградация правовых знаний в области фикха у мусульман России в XX в., утрата шариатом роли правового регулятора в обществе и сужение сферы применения мусульманского права областью религиозного культа, бытовыми обычаями и правилами этикета. Это те действия, которые входят, согласно общепринятой классификации норм мусульманского права, в сферу обрядовых правил культа и религиозных предписаний ислама, определяющих отношения верующих с Богом (араб. *убадат*).

Несмотря на то что у сторонников введения в регионе шариатского правосудия из числа молодежи и представителей мусуль-

манской духовной элиты есть желание ограничить, если не запретить, действие российского и традиционного (адатного) права, верующие в своей массе не имеют четкого представления о границах и отличиях адата и шариата. На практике как в 1990-е, так и в 2000-е годы шариатские суды под председательством сельского кади обычно руководствуются в своей деятельности не только нормами фикха, но и нормами местной обычно-правовой традиции. По форме судопроизводство носит упрощенный характер. Процесс носит обвинительный характер. Нет ни обвинителей, ни защитников, но большую роль в нем играет консенсуальный судья, роль которого отводится местному кади. Постановления шариатских судов записываются в произвольной форме на русском и северокавказских языках, а также на литературном арабском с добавлением молитвенных формул, придающих в глазах участников судебного процесса юридическую силу документу, которой он в действительности лишен, согласно действующему российскому праву.

Современная правовая ситуация на Северо-Западном Кавказе носит во многом более светский характер, что объясняется успехами советской модернизации в этой части региона. Тем не менее шариат и традиционное право вступили в серьезную конкурентную борьбу и в этой части Российского Кавказа. Адат, особенно нормы в значительной мере изобретенного при участии этнографов и краеведов «традиционного» нормативно-этического кодекса «Адыге Хабзэ», стали знаменем этнического возрождения адыгейцев, черкесов и кабардинцев. Эти нормы сознательно противопоставляются националистическими лидерами нормам шариата. Так называемые «хабзисты» (т.е. сторонники «возрождения» традиционного адыгского права) справедливо указывают на то, что шариат на Северо-Западном Кавказе никогда практически широко не применялся, так и не вытеснив нормы обычного права. В то же время нормы традиционного права в реальности не представляют конкурентной силы в отношении светского государственного права, поскольку они в основном носят декларативный характер, не применяемый, в отличие от Северо-Восточного Кавказа, широко в правовой практике.

Как это ни странно звучит, на Северо-Западном Кавказе реальным конкурентом светскому праву может стать именно шариат. Об этом свидетельствует опыт 20-летнего возрождения ислама в этой части региона. Ре-исламизация в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, в определенной степени в Адыгее началась

с молодежи, которая создавала сплоченные и сильные молодежные исламские джамааты. Именно эти джамааты и стали островками, на которых постепенно возрождались традиции мусульманского права. В молодежных джамаатах были установлены нормы шариата в традиционно использовавшихся сферах: личного статуса, наследственного права, созданы шариатские суды кади. Однако особенностью Северо-Западного Кавказа было то, что шариат здесь был не только ограничен, пусть активной, но численно ограниченной группой мусульман, его применение также распространялось исключительно на молодежь.

Следует отметить, что в отличие от остальных мусульман молодежные джамааты обладали более грамотными кадрами, постепенно вводившими в жизнь шариатские правовые нормы. Таковыми были Анзор Астемиров и Муса Мукожев в Кабардино-Балкарии, Курман Исмаилов в Ставропольском крае. Эти люди по уровню знаний значительно превосходили лидеров так называемых «традиционных» мусульман. Однако основная масса мусульман воспринимала их как чуждых, стремившихся установить нормы, практически никогда не применявшиеся в регионе. Применение шариата на Северо-Западном Кавказе так и осталось жестко ограниченным пределами молодежных джамаатов, не найдя признания среди большей части населения. Для основной массы мусульман региона мусульманское право является чем-то экзотическим, уделом немногочисленных религиозных фанатиков. Можно даже сказать, что в части правоприменительной практики серьезным ограничителем для шариата является враждебная позиция самих мусульман, предпочитающих светское право. Часто антишариатская позиция мусульман Северо-Западного Кавказа касается даже религиозной части мусульманского права: в частности, многие мусульмане в Кабардино-Балкарской Республике активно выступают не только против ношения хиджабов девушками, но и против таких обязательных исламских практик, как пятикратная молитва. Недаром участники молодежных джамаатов называли себя «моллящиеся», чтобы отличать себя от остальных мусульман.

В конечном итоге маргинальное положение, которое занимали молодые исламские интеллектуалы, привело их в ряды религиозных экстремистов. В частности, Анзор Астемиров, один из лидеров Кабардино-Балкарского джамаата, закончил свою карьеру среди боевиков самопровозглашенного Имарата Кавказ. Он был назначен сначала главой Высшего шариатского суда Чеченской республики Ичкерия, а после провозглашения Имарата Кавказ

в 2007 г. – кадием (судьей) шариатского суда Имарата Кавказ. Одним из самых известных его решений является вынесение смертного приговора эмиссару чеченских сепаратистов Ахмеду Закаеву, оформленное по всем правилам мусульманского права. Впрочем, при нем же началась практика выколачивания денег из местных бизнесменов под видом «зажата» и «пожертвований» на вооруженный джихад. За эту практику ухватился также местный криминал, увидев в такого рода выколачивании средств из бизнесменов возможность несколько «облагородить» свои противоправные действия. Такого рода практика, конечно, являет собой яркий пример возможностей криминализации шариатских практик.

В Краснодарском и Ставропольском краях в результате миграций появились значительные группы мусульман из республик Северо-Восточного Кавказа. Как правило, эти общины переносят правовые обычаи и предпочтения из своих родных республик. В частности, в силу отсутствия мечетей в Краснодаре и крупных городах края мусульмане оттуда ездят молиться в мечети Адыгеи. Кроме того, многие обряды по шариату они также вынуждены совершать в Майкопе, где располагается офис Духовного управления мусульман Краснодарского края и Адыгеи. Анализ документов по заключению брака по шариату (никях) свидетельствует, что серьезно и с соблюдением всех условий к этому обряду подходят именно выходцы из Северо-Восточного Кавказа – вайнахи и дагестанцы.

Конечно, пример дагестанцев и чеченцев оказывает некоторое влияние на адыгейцев в Краснодарском крае, однако его не стоит преувеличивать. Влияние это никак не сможет привести к росту популярности шариата среди адыгейцев. Как правило, нахско-дагестанская и адыгейская части мусульманской общины держатся обособленно, в том числе и в плане правовых предпочтений.

В целом же анализ ситуации свидетельствует о том, что на Северо-Западном Кавказе правовой плюрализм или полиюридизм имеет гораздо более мягкую форму, а шариат и обычное право так и не составили серьезной конкуренции светскому праву.

В случае сохранения современных тенденций развития правовой ситуации на Северном Кавказе будет не просто сохраняться ситуация полиюридизма, но и происходить дальнейшее дробление российского правового поля с усилением его неравномерности с запада региона на восток. Условной границей между этими субрегионами будет оставаться Северная Осетия, которая представляет

собой буферный регион между Ингушетией и Кабардино-Балкарией. Дагестан, Чечня и Ингушетия составят восточный субрегион Северного Кавказа. Здесь будет происходить дальнейшее «разрежение» российского правового поля, которое будет размываться в первую очередь в сфере наследственного и имущественного права, а также в целом в судебно-процессуальной области. Будет происходить пусть медленное, но дальнейшее усиление неформальных шариатских структур, таких как существующие во многих общинах де-факто шариатские суды кади и шариатские дружины, осуществляющие выполнение их решений. В указанных трех республиках в целом будет расти значение шариата, который с течением времени, скорее всего, будет серьезно конкурировать не только со светским российским правом, но и с традиционным правом (*адатом*). Растущая конкуренция светского, традиционного и религиозного права будет, с одной стороны, создавать ситуацию «правовой чересполосицы» как территориальной (с шариатскими анклавами и районами, где светское право преобладает), так и ситуационной (в одних случаях будет преобладать светское право, в других религиозное, в третьих традиционное), а с другой стороны, это будет вести к дальнейшему размыванию правового сознания мусульман региона. Последнее имеет стратегическое значение, поскольку будет вести к дальнейшему дрейфу мусульманского населения Северного Кавказа от ценностей гражданского правового общества.

В целом традиция (бытовой и правовой адат) как нормативный регулятор общества будет и дальше терять свое значение. Однако это будет происходить не в результате дальнейшего развития модернизационных процессов, а в значительной мере как результат вытеснения религиозным правом в ходе конкуренции разных правовых систем. В то же время ряд укоренившихся в регионе обычно-правовых практик сохранит свое значение. В частности, сохранятся, а может, и будут играть еще большую роль такие формы, как неформальное медиаторство и примирение по *маслахату* (согласию сторон) в случаях непреднамеренного нанесения имущественного и физического вреда; выселение семей, подлежащих кровной мести; медиаторство с участием авторитетных духовных лидеров (имамов мечетей), женщин. Во всех этих случаях обычное право (адат) не составляет прямую конкуренцию мусульманскому праву и может с ним сосуществовать, тем более что большую роль в этих обычно-правовых процедурах играют исламские служители культа.

Шариатское право будет относительно успешно конкурировать со светским правом на Северо-Восточном Кавказе в значительной мере из-за всё большего ухода государства из разных сфер жизни северокавказского общества. В частности, большим вызовом является сохранение неопределенности с правовым статусом земельных угодий (пастбищ и пахотных участков) в большинстве республик Северного Кавказа, захватами в обход российского законодательства земель под строительство и жилье.

В связи с растущей миграцией с гор на равнину и ростом ценности рекреационных зон в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Кабардино-Балкарии будет расти число земельных конфликтов, решение которых в условиях отсутствия четких законов, регулирующих земельные отношения, все чаще будет происходить на основе шариата и традиционного медиаторства, также принимающего исламскую окраску. В Дагестане растет число случаев, когда земельные конфликты между коренными жителями равнины и переселенцами решаются на основе консенсуальных соглашений джамаатов этих двух групп, заключаемых в мечети и закрепляемых договором, составленным на арабском языке. Такие соглашения заключаются при активном участии имамов джамаатов, даже если они достигаются не на основе шариата, а традиционного медиаторства. Привлекательность шариату и адату придают системные проблемы, не решаемые Российским государством в регионе: тотальная коррупция и продажность судебной системы, уменьшение объема и качества государственных услуг (усугубляемое все той же коррупцией), неэффективность правотворческой деятельности государственной власти (в частности, затягивание решения проблемы статуса земель), отсутствие четкой национальной и религиозной политики (в частности, заигрывания с религиозными лидерами и организациями, сочетаемые с вопиющей исламофобией).

Еще один момент, на который необходимо обратить внимание: в связи с ростом привлекательности «традиционных» общеправовых и шариатских практик будет происходить их использование криминальными структурами в своих целях и для оправдания своей противоправной деятельности. В регионе криминальные структуры накопили огромный опыт использования общей нестабильности и привлекательных идей и лозунгов в своих целях. Так было во времена *de facto* независимости Чеченской республики Ичкерия, так происходит и в современном Дагестане и Ингушетии. Многие криминальные разборки и нечестная конкуренция

с криминальными «наездами» маскируются под случаи *джихада* и борьбы с «неверными» и «лицемерами» согласно общепринятым нормам шариата. Криминал будет всё шире использовать шариатские структуры и практики: вести криминальные разборки под видом «вооруженного джихада», заниматься банальным рэккетом и вымогательством под видом сбора *садаки* (добровольной милостыни) и *закята* (обязательного для верующих благотворительного религиозного налога), принимающих тем самым принудительную криминальную форму, использовать для достижения нужных решений «шариатские суды».

Очевидно, что на Северном Кавказе в целом будет расти роль шариата как идеологического фактора радикальных исламских группировок. В то же время терроризирование мирного гражданского населения под видом установления экстремистами шариатского правления приводит к тому, что многие группы населения разочаровываются в мусульманском праве и приходят к выводу, что шариатизация общества неизбежно приведет к ухудшению их положения. К таким группам в первую очередь относятся светская интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов, работники культуры и т.д.), представители мелкого и среднего бизнеса и т.д. Иными словами, апелляция экстремистов к шариату приводит к подрыву авторитетности мусульманского права среди многих слоев северокавказского общества.

Судя по складывающимся обстоятельствам в республиках Северо-Западного Кавказа шариат так и не станет серьезным и самостоятельным игроком в правовом поле в отличие от Северо-Восточного Кавказа. Он будет сильно ограничиваться как со стороны светского права, так и со стороны традиционного права, используемого в качестве знамени националистами. В целом частичное применение норм и практик мусульманского права так и останется уделом маргинальных групп: немногочисленных молодежных общин-джамаатов и джамаатов переселенцев из республик Северо-Восточного Кавказа. Даже в этом случае масштабы применения мусульманского права здесь будут сильно уступать Северо-Восточному Кавказу. С одной стороны, это создает благоприятную ситуацию для сохранения светского характера права и общества, с другой стороны, это сильно маргинализирует исламскую молодежь, которая чувствует свое отчуждение от большинства общества. Это отчуждение может способствовать большей замкнутости мусульманской молодежи в своих джамаатах, ее дальнейшей радикализации.

Библиография

1. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения и механизмы
воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 367–377.*

С. Хименес Товар,

соискатель Института социальной антропологии
им. Макса Планка (Халле, Германия)

«КАЗАХСТАНИЗАЦИЯ» КАЗАХСТАНА: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, НАЦИОНАЛИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

Введение. 16 декабря 1991 г. Казахстан под руководством Нурсултана Назарбаева, до сих пор возглавляющего это государство, провозгласил свою независимость. С тех пор были реализованы различные политические программы, нацеленные на укрепление казахстанского национализма. Основной целью статьи является обсуждение того, как протекал этот процесс на протяжении последних 20 лет. В статье три раздела. Первый посвящен описанию демографических изменений и связи демографической политики с этничностью и национализмом в контексте государство- и нациестроительства, а также казахстанского мультикультурализма. Второй раздел предлагает этнографические материалы по дунганам, показывающие как этническое меньшинство в Казахстане реагирует на советские элементы в языковой политике, а также на реализующуюся в стране политику казахстанизации и казахизации и языковые стратегии, касающиеся требований рынка. В третьем разделе в ходе сравнения «репатриированных» этнических казахов и дунган рассматривается значение понятий казахстанизации и казахизации.

Демография и этничность: Казахизация или казахстанизация? Согласно трем последним переписям, общая численность населения сократилась в Казахстане за первую декаду после обретения независимости почти на 10% (с 16 222 324 в 1989 г. до

14 981 281 в 1999 г.). В 1990-е годы более 3 млн жителей, главным образом, русских и немцев, покинули страну (Ока 2007; UNDP 2006). Тем не менее население продолжало расти всё десятилетие перед последней переписью, и теперь его численность почти достигла такого же уровня, что и 20 лет назад – 16 009 597 в 2009 г., что произошло отчасти благодаря постоянно растущей с 1998 г. рождаемости и иммиграционной программе, направленной преимущественно на оралманов, или так называемых этнических казахов, проживающих в других странах (ASRK 2002: 13–14, UNDP 2006). Среди 125 «народов и народностей» казахи и русские в течение последних двух десятилетий составляли большинство (в 1989 г. их доля в общем населении равнялась 77,5%; в 1999 – 83,4 и в 2009 г. – 86,8%), при этом доля казахов постоянно росла (если в 1989 г. она равнялась 37,8%, то в 1999 г. она достигла 53,5, а в 2009 г. – 63,1% всего населения) (ASRK 2002: 20; ВПН 1989). Одна из причин такого роста – уже упомянутая программа иммиграции оралманов, численность которых по всему миру оценивается в 5 млн человек (в основном они проживают в Узбекистане, Китае и России). С 1991 по 2005 г. в Казахстан переехало 464 426 оралманов, по преимуществу из Узбекистана (61,45%), Монголии (15,39%), Туркменистана (9%), Китая (4,76%) и России (5,38%). 62% из них поселились на юге страны – в областях Южного Казахстана (26%), Мангистау (13%), Алма-Ате (13%) и в Джамбуле (10%) (UNDP 2006: 13–14).

Забота о росте доли казахов в общей численности населения, отчетливо проявляющаяся в иммиграционной политике, тесно связана с попытками руководства Казахстана по «национализации» страны, и хотя Казахстан остается местом, где культурное разнообразие не позволяет вести речь о тотальной ассимиляции коллективных идентичностей в народ с единым языком и культурой, консолидация казахского народа как большинства, с советских времен считающегося коренным на этой территории, остается важной для политической элиты для легитимации существования Казахстана как нации-государства: «...поддержка иммиграции этнических казахов тесно связана с процессом нациестроительства и сохранением культуры... По экономическим и историческим причинам возвращение этнических казахов нацелено на сохранение национальной идентичности страны и поддержку внутренней стабильности. В советский период многие обычаи и язык казахов находились в упадке; язык перестал использоваться не только в официальной сфере, но и в неофициальной обстановке. По этим

причинам казахскому языку и многим элементам казахской культуры угрожало вымирание. Таким образом, возвращение казахских оралманов является одним из важнейших элементов правительственной миграционной политики, нацеленной на сохранение и развитие казахской культуры (UNDP 2006: 8–9)».

Некоторые авторы указывали на то обстоятельство, что официальная политика «казахизирует» политическую элиту в Казахстане посредством «монополизации всех ветвей власти и административных учреждений казахами» (Ока 2002), оправданием для чего служит, с одной стороны, автохтонность казахов, а с другой – «диаспоризация» населяющих страну неказахских групп, в том числе даже тех, чья автохтонность могла бы поспорить с казахской (Fierman 2005, Masanov 2002).

В первой статье Закона РК от 11.07.1997 № 151 «О языках Республики Казахстан» диаспора определяется как «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического происхождения» (LRK 1997). Масанов по этому поводу замечает: «Получается так, что в Казахстане в ряд диаспор автоматически включается все неказахское население, в особенности русские, уйгуры, немцы, татары, башкиры и узбеки, предки которых проживали на территории Казахстана веками» (Masanov 2002: part 3: 9). В этом отношении «этнические меньшинства Казахстана, включая русских, проживают в стране как гости и, стало быть, должны жить, применяясь к правилам своих (казахских) хозяев» (Fierman 2005: 396).

Таким образом, казахстанское правительство, подчеркивая полиэтничный состав населения, одновременно узаконивает «право» казахов на некоторые привилегии. Ассамблея народа Казахстана, которая в период с 1995 по 2007 г. именовалась Ассамблеей народов Казахстана, казалось бы, и должна быть местом для создания мультикультурной «национальной» идентичности, общей для всего населения страны², хотя у некоторых авторов она выступает как место для кооптации элит представителями этнических меньшинств и для манипуляций с интерпретацией национального состава (Ока 2007). Ассамблея заботится о создании казахстанского национализма, но не за счет подчеркивания гражданства и размывания этнического национализма, а наоборот – она подчеркивает единство «казахстанской нации», исходя из этнического разнообразия страны и беря мультиэтничность лишь в качестве отправного пункта. В этом отношении я использую термин «казахстанизация» для обозначения того вида национализма, который предлагается

в официальном дискурсе таких организаций, как Ассамблея народа Казахстана³. Таким образом, получается, что «казахизация» и «казахстанизация» не противоречат друг другу, а иногда даже оказываются в какой-то степени взаимодополняющими. Казахстанизация имеет конечной целью казахизирующий мультикультурный национализм, при котором неказахские группы получают право на признание, но в то же самое время должны адаптироваться к новой казахоцентричной элите.

Во всем этом процессе как для политиков, так и для ученых весьма важной оказывается и языковая проблема (Karin, Chebotarev 2002; Kuzhabekova 2003). С одной стороны, следуя за такими авторами, как Абрамзон (Abramson 2002), мы должны подчеркнуть, что политика национального размежевания и переписная политика в отношении населения на советских территориях продолжают сказываться на межэтнических отношениях в Центральной Азии и после распада Советского Союза. В качестве титульной национальности казахский народ получил опыт современного государства только в XX в. До этого казахи занимались отгонным скотоводством, практически исчезнувшим после коллективизации. С этой точки зрения, политическая организация казахов в досоветский период не имела отношения к моделям, основанным на суверенности в границах фиксированной территории. В этом смысле казахский досоветский национализм сложнее интерпретировать в терминах воображаемого сообщества, как у Андерсона (Anderson 1999 [1983]). Тем не менее противостояние российской имперской власти в первые десятилетия XX в. и постоянная критика и жалобы в адрес советской власти в последующий период являются элементами современного казахского национализма. От казахов часто можно услышать, что у Казахстана было колониальное прошлое, начавшееся с прибытия чиновников Российской империи и завершившееся после распада Советского Союза. В этом отношении, если рассматривать данные территории как постколониальное пространство⁴, можно отметить, что переписная практика в центральноазиатских государствах сохраняет советские традиции подсчета, опираясь как на сами собой разумеющиеся коллективные идентичности, выделенные еще в 1920–1930-х годах, и продолжая их «нормализацию» в процессе создания новых национализмов. С другой стороны, вопреки такой преемственности с советским периодом, этим государствам приходится строить свой национализм в меняющемся контексте глобализации, в котором жесткую концепцию нации-государства как сильной и незави-

символ единицы уже трудно представить. Возвращаясь к случаю Казахстана, нужно отметить, что овладение казахским языком – это одна из инициатив, активно поддерживаемых казахстанским правительством.

Выше я уже упоминала об иммиграции оралманов в течение последних двух десятилетий. В следующем разделе я хочу сравнить их с дунганями – группой мигрантов, которая рассматривалась в качестве этнического меньшинства как во времена Советского Союза, так и в современном Казахстане.

Дунгане. Говорящие по-китайски мусульмане⁵, более известные русскоязычным как дунгане, появились в Семиречье в последней трети XIX в.⁶ Они присутствовали как в российской переписи 1897 г. и во всех советских переписях, так и в казахстанских переписях в 1999 и 2009 гг. Их численность в Казахстане в 1989 г. составляла 30 165, в 1999 – 36 945 и в 2009 – 51 944 человека (ВПН 1989; ASRK 2011). Каким образом этническое меньшинство, никогда не превышавшее 0,3% от всего населения, связано с теми процессами, которые я описывала выше?

Дунганский язык изучался в советский период, существовали учебные пособия и учебники для его преподавания в школах тех населенных мест, где дунгане составляли большинство. Алфавит на основе арабского письма использовался в период 1926–1928 гг., на основе латиницы – в 1928–1953 гг., и на основе кириллицы – с 1953 г. и в наши дни. Используются два диалекта дунганского языка, оба из которых относятся к северным диалектам китайского, Gansu (ганьсуйский) и Shaanxi (шэньсийский) (Сулейменов 2007).

Согласно моим полевым материалам (ПМА 1), в советский период в учебной литературе использовался ганьсуйский диалект, что означало, что все дунгане изучали в школе именно его, хотя он и не являлся родным для всех из них (большинство дунган в Джамбульской области являются носителями шэньсийского диалекта). Советские учебники для обучения дунганских школьников, изучающих ганьсуйский диалект 4 часа в неделю, используются и сегодня. До сегодняшнего дня именно ганьсуйский диалект изучается в качестве литературного в Центре китайских и дунганских исследований в Бишкеке, в котором работают исследователи, получившие образование еще в советский период. И хотя как шэньсийцы, так и ганьсуйцы подчеркивают важность сохранения их языка и системы письма, дунгане-шэньси редко используют выученный в школе диалект, а некоторые из них даже говорили

мне, что по прошествии времени после окончания школы они потеряли способность говорить или читать на ганьсуйском.

Обучение языкам занимает значительную часть школьного расписания у казахстанских дунган: обычно они обучаются в русских или казахских классах и в любом случае должны знать оба этих языка и обрести коммуникативные компетенции, обеспечивающие повседневное общение в мультикультурном обществе. Более того, предполагается, что они также должны освоить английский, как и другие школьники, и, таким образом, дунгане-шэньси должны уметь общаться, по меньшей мере, на пяти языках, два из которых являются диалектами китайского – их родной, который они используют только в устном общении, и ганьсуйский – для чтения и письма. К тому же, оба этих диалекта используются исключительно на местном уровне – только среди дунган Казахстана, Киргизстана и Узбекистана.

В последние годы часть дунган выступает за изучение в школе путунхуа, или официального китайского, вместо ганьсуйского, выдвигая следующие аргументы: во-первых, дунганам его не сложно выучить; во-вторых, поскольку они часто зарабатывают, торгуя с Китаем, знание путунхуа оказывается полезным, в-третьих, ганьсуйский дунганский в определенном смысле навязывался им с советских времен, поскольку именно ганьсуйские дунгане составляли тогда образованную элиту. Сегодня ганьсуйские дунгане, проживающие в основном в Киргизстане, утратили символическую власть над дунганями-шэньси, которым не нравится, что те их считают «отсталыми». В смысле, привязанность к литературному дунганскому у них не столь глубока, как у ганьсуйских дунган (за исключением их культурной элиты, которая усматривает в дунганской системе письма особое наследие, отличающее дунган от китайцев)⁷. Дискуссии по этой проблеме начались около десяти лет назад, когда дунгане начали восстанавливать свои связи с Китаем, которых они избегали более столетия. Я полагаю, что до окончательного выбора между преподаванием дунганского или путунхуа пройдет еще немало времени.

Сегодня казахстанские дунгане получают некоторые преимущества от своего неопределенного статуса, являясь диаспорным меньшинством в Казахстане, с одной стороны, и официально признаваемым в Китае «диаспорным этноменьшинством» (*huajiao minzu*) – с другой, с привилегиями, сопряженными с этим статусом⁸. В этом отношении, дунгане уделяют особое внимание русскому и казахскому языкам, позволяющим им лучше чувствовать

себя в Казахстане, но, помимо этого, они изучают и путунхуа, во всяком случае на уровне устной речи, поскольку все чаще отправляют своих детей в университеты Китая. Некоторые из них изучают также английский, хотя он пригождается им пока редко. Ситуация эта интересна и в том отношении, что в отличие от советских времен дунгане-шэньси стали теми, кто имеет большую символическую власть в рамках этого этнического меньшинства. Следующее поколение дунган-шэньси, в котором есть студенты, прошедшие бакалавриат в Китае, станет интеллектуальной элитой у среднеазиатских дунган, однако уже не в русскоязычном окружении, как это было в советские времена, а в китаеязычной среде.

Дунгане и оралманы между казахизацией и казахстанизацией. В первой части статьи я упомянула о программе поддержки миграции оралманов в Казахстан как части задуманной правительством «реказахизации» страны, однако, хотя это казалось идеальным способом получения «коренного» большинства, в реальности интеграция оралманов не всегда была успешной. В языковом отношении оралманы столкнулись с диалектными различиями казахского. Кроме того, значительную трудность для них представляло обучение русскому языку, который был необходим для межэтнического общения в повседневной жизни. Помимо этого, системы письма на казахском отличались от страны к стране: например, оралманы из Китая привыкли к письму либо на латинице, либо на основе арабской графики, в то время как оралманы из Турции пользовались латиницей, а из стран СНГ – кириллицей и знали русский (UNDP 2006). Все это создает сложности идентификации с Казахстаном для оралманов, которые хотя и были приглашены ради казахизации страны, сами казахстанизоваться не спешат.

Другой стороной медали оказываются дунгане, проживание которых в Казахстане обусловило их лояльное отношение к этой стране, и которые, хотя и пользуются преимуществами всего, что может предложить Китай, чувствуют свою привязанность к Казахстану и стараются приспособиться к новым политическим и языковым требованиям. Однако при этом, по крайней мере, среди представителей поколений, родившихся и выросших в советский период, есть дунгане, не освоившие казахского. В этом отношении можно утверждать, что хотя дунгане и не казахизированы, они казахстанизованы.

Казахстанский мультикультурализм, как явствует из обсуждения языковых проблем в Казахстане, полон противоречий,

возникающих не только в сфере официальной политики, но и в реакции на эту политику людей, использующих собственные стратегии. Процессы интеграции в казахстанскую среду, возникающие в ней альянсы и привязанности оказываются калейдоскопом, интригующие нюансы которого находятся в его мельчайших деталях.

(Перевод с английского С.В. Соколовского).

Примечания

- ¹ Я благодарю Институт социальной антропологии в Халле за материальную и интеллектуальную поддержку исследования, положенного в основу этой статьи. Ее материалы обсуждались на семинаре CASCA (под руководством Гюнтера Шлее и Петера Финке) и на семинаре исследования департамента «Интеграция и Конфликт» Института социальной антропологии Макса Планка (координаторы Джон Эйдсон и Йоахим Гёрлих), а также с Азимом Маликовым, Анаис Менард, Эдуардо Перера Лезамой и Робертой Заверетти. Я благодарю их всех. Разумеется, что все недочеты должны быть отнесены на мой счет. Для фонетической транскрипции китайских слов я пользуюсь системой Напуи Pinyin.
- ² Основной целью Ассамблеи является: «...обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа» (ЗПК 2008).
- ³ Мое понимание казахстанизации в этом отношении не связано с ее дефиницией у Давнеля (Davenel 2012), определявшего ее как продукт казахстанского гражданского национализма. Я рассматриваю казахстанизацию как весьма «этнический» способ конструирования национализма.
- ⁴ В своем диссертационном исследовании (S. Jiménez Tovar. Centripetal Mirrors: Cultural Conservation among Shaanxi Dungans in Kazakhstan: Ph.D. Diss. Halle: Martin Luther University) я продолжаю обсуждение темы так называемой постколониальности Казахстана.
- ⁵ В другой работе (Jiménez Tovar 2013) я уже писала о трудностях с использованием этнонимов при обсуждении этой транснациональной группы. Как я писала в ней, используемый у Алле (Allès 2005) термин «китаеязычные центральноазиатские мусульмане» оказывается наиболее в политическом отношении нейтральным среди всех прочих, обнаруживаемых у специалистов. Тем не менее, поскольку хуйцзу («Huizu») является официальным этнонимом в Китае, а «дунгане» – в Казахстане, Киргизии и Узбекистане, я использую оба этнонима для более точной географической локализации.
- ⁶ Обзор истории дунган со времен мусульманских восстаний в цинской империи 1860–1870-х годов представлен в: Джаншанло 2011.
- ⁷ Уместно упомянуть, что дунганское письмо остается единственным из алфавитных вариантов записи китайского языка, получившим официальный статус. Специалисты продолжают спорить о возможностях передачи иерог-

лифики и многочисленных китайских омонимов алфавитным письмом без ущерба для смысла (Lin Tao 2003, Mair 1990).

⁸ Дунгане, например, уравниены с гражданами Китая в отношении оплаты обучения в университете. Более того, им доступны стипендии, выплачиваемые правительством Китая (ПМА 2).

⁹ Многие из оралманов сохраняют прежнее гражданство и не подают заявления на казахстанский паспорт (UNDP 2006).

Источники и литература

- ВПН 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. Казахская ССР // Демоскоп Weekly № 557–558, 3–16 июня 2013 (http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5).
- Джаншанло 2011 – Джаншанло Р.Е. Очерки истории дунган. – Алматы, 2011.
- ЗРК 2008 – Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 20.10.2008 № 70–74 // (<http://www.assembly.kz/63/>).
- ПМА 1 – Полевые материалы автора, Джамбульская обл., март 2011 – февраль 2012.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора, Xi'an, China, September–October 2012.
- Сулейменов 2007 – Сулейменов Э.Д. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник. – Астана, 2007.
- Abramson 2002 – Abramson D. Identity counts: the Soviet legacy and the census in Uzbekistan // *Census and Identity. The politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* / Ed. D.I. Kertzer, D. Arel. – Cambridge, 2002.
- Anderson 1999 [1983] – Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – L.: Verso, 1999.
- Allès 2005 – Allès E. Chinese speaking Muslims (Dungan) in Central Asia: a case of multiple identities in a changing context // *Asian Ethnicity*. – 2005. – Vol. 6. – No 2. – P. 121–134.
- ASRK 2011 – The Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. Results of the 2009 National Census of the Republic of Kazakhstan. Analytical Report. – Astana, 2011.
- Davenel 2012 – Davenel Y. Cultural mobilization in post-soviet Kazakhstan: views from the state and from non-titular nationalities compared // *Central Asian Survey* 2012. – Vol. 31. – No. 1. – P. 17–29.
- Hirsch 2005 – Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca, 2005.
- Jiménez Tovar 2013 – Jiménez Tovar S. Coming back (to which) Home? Kazakhstan Dungans' Migration to China // *Relocating Borders Working Paper No. 122* (http://www.eastbordnet.org/working_papers/open/relocatingborders/Jimenez_Tovar_%20Coming_back_%28to_which%29_Home_130113.pdf).
- Karin, Chebotarev 2002 – Karin E., Chebotarev A. The Policy of Kazakhization in State and Government Institutions in Kazakhstan // Masanov N. et al. (eds) *The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. – Japan, 2002 (Middle East Studies Series, No 51), (<http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Mes/51.html>).
- Kuzhabekova 2003 – Kuzhabekova A. Past, Present and Future of Language Policy in Kazakhstan. Master Dissertation. – Grand Forks: University of North Dakota, 2003.

- Lin Tao 2003 – Lin Tao. Zhongya dongganyu yanjiu. – Hong Kong, 2003.
- LRK 1997 – Law of the Republic of Kazakhstan as of July 11, 1997 № 151-1 on Languages in the Republic of Kazakhstan (http://www.pavlodar.gov.kz/page.php?page_id=1362&lang=3).
- Mair 1990 – Mair V. Implications of the Soviet Dungan Script for Chinese Language Reform // Mair V. Two Non-Tetragraphic Northern Sinitic Languages (Sino-Platonic Papers. No. 18, May 1990; <http://www.pinyin.info/readings/texts/dungan.html>).
- Masanov 2002 – Masanov N. Perceptions of Ethnic and All-National Identity in Kazakhstan // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan / Middle East Studies Series. No 51. Chapter 1. N. Masanov et al., March 2002 // [Электронный ресурс]: <http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Mes/index.html>
- Oka 2002 – Oka N. Nationalities Policy in Kazakhstan: Interviewing Political and Cultural Elites // N. Masanov et al. (eds) The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. – Japan, 2002. (Middle East Studies Series No. 51; <http://www.ide.go.jp/English/Publish/Download/Mes/51.html>).
- Oka 2007 – Oka N. Managing Ethnicity under Authoritarian Rule: Transborder Nationalism in Post-Soviet Kazakhstan. – Chiba, 2007 (http://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/_Report/pdf/2006_04_31_all.pdf).
- UNDP 2006 – United Nations Development Program. Status of Oralman in Kazakhstan. Overview. – Almaty, 2006.

*«Этнографическое обозрение»,
М., 2014 г., № 4, с. 27–34.*

Л. Додхудоева,

кандидат исторических наук

(Институт языка, литературы, востоковедения
и письменного наследия АН РТ, г. Душанбе)

ТАДЖИКИСТАН: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ЭПОХИ И ПУБЛИЧНЫЙ ИСЛАМ

С окончанием XX в. завершилась эпоха доминирования секуляризма, продемонстрировав все его преимущества и недостатки. Мы живем в постсекулярную эпоху, подвергающую сомнению практически все ключевые социокультурные и политические концепты грандиозной программы модернизации, неразрывно связанной с понятием «секуляризм». Выказанная Ю. Хабермасом мысль о том, что «западноевропейский путь развития, специфический рационализм которого признавался некогда моделью для всего остального мира, представляется сегодня скорее исключением, чем правилом, то есть неким “девиантным маршрутом”» [Хабермас 2008], находит все больше сторонников.

Тем не менее тенденция критического отношения к отдельным аспектам модернистского проекта, осуществленного в XX в., вовсе не означает, что человечество отказывается от всего, что было создано в предыдущую эпоху. Эта тенденция свидетельствует лишь об отказе от стремления представить какую-либо из теорий «социальной инженерии», разработанных в XX в., непреложной догмой. Ошибки и катастрофы прошлого столетия, в частности феномен так называемого секулярного фундаментализма [Esposito 2003], означающий попытки установления жесткого контроля за любыми выражениями и символами, которые могут иметь некий религиозный контекст, привели к осознанию насущной необходимости более бережного отношения к традиционным социальным механизмам и связям, вызвали к жизни такое понятие, как социальная экология. Такие изменения социокультурного кода эпохи вызвали кардинальные изменения в восприятии феномена взаимодетерминированности культуры и политики и значимости каждого из этих двух компонентов как смыслообразующих для устойчивого развития общества, как фактора, структурирующего «поведение, образ мысли и способы рефлексии» людей [Мчедлова 2012: 16]. Современная социокультурная действительность представлена переплетением разных реальностей, высочайшим уровнем напряжения их со-бытия.

События последних десятилетий, происходящие в постсоветской Средней Азии, дают богатый материал для размышлений о двух конкурирующих, а подчас и резко конфликтующих в социокультурном и политическом пространстве традиций: секуляризма, активное внедрение которого в регион произошло во второй половине XIX в., и религиозной исламской, которая старше первой более чем на тысячелетие.

Для таджикского народа XX в. стал временем огромных испытаний. Дважды в течение «короткого двадцатого века» (Э. Хобсбаум) таджики испытали мощные социально-политические потрясения, жесточайшую и молниеносную по историческим меркам ломку общественно-политического строя. Разлом проходил по линии пересечения этих двух традиций.

Первый разлом произошел под натиском большевизма, внедрявшего в регионе секулярные идеи и разрушившего «старый мир», выстроенный на фундаменте шариата – мусульманской правовой системы. Этот процесс вызвал жесткое противостояние и значительные потери в сфере традиционной культуры.

Второй был связан с распадом Советского Союза. Публичный дискурс всех бывших советских республик Средней Азии взорвали болезненные вопросы: как распорядиться богатейшим культурным наследием прошлого и безусловно огромными достижениями советской эпохи? Как выстоять и сформировать «свое лицо» в период грандиозных перемен в мусульманском мире, связанных, с одной стороны, с внутренними социально-политическими причинами, а с другой – с углублением процесса глобализации, принесшей возможность выстраивания социальных информационных сетей, устойчивым присутствием в информационном пространстве и политической пропагандой идеей возрождения халифата? [Кисриев 2012: 104–110].

90-е годы прошлого столетия стали для Таджикистана временем жесткого гражданского противостояния, связанного с нахождением путей обновления общества, принципов построения независимого государства (секулярность или шариат). В 1992 г. столкновение позиций вызвало гражданскую войну, завершившуюся в июне 1997 г. подписанием мирного договора, в положениях которого были учтены интересы противоборствующих сторон, по существу определявшие дальнейшее общественно-политическое развитие страны и повлиявшие на жизнь всего региона.

Один из пунктов мирного договора закрепил политическую легитимацию Партии исламского возрождения Таджикистана (далее – ПИВТ), ее участие в развитии страны. Нельзя было сбрасывать со счетов и активную позицию и усилившуюся социальную значимость исмаилитской общины, руководитель которой имам Ага Хан оказал огромное влияние на ход мирного урегулирования в Таджикистане. В Конституции молодой республики была выражена воля народа – строить Таджикистан как демократическое секулярное государство с полноправным представительством граждан с религиозным мировоззрением, включая функционирование религиозных партий.

До сегодняшнего дня Таджикистан остается единственным государством на территории региона, где представлены две мусульманские конфессии (суннизм ханафитского толка и исмаилизм), а также активно действует партия религиозного толка, имеющая законодательно подтвержденное право участия в работе парламента, издания своих газет и журналов и т.д.

В мусульманском мире детронизация концепции секуляризма связана, прежде всего, с таким сущностным изменением социо-

культурного кода и политического ландшафта, как перемещение ислама из частной, семейно-клановой сферы, где, несмотря на грандиозную трансформацию социальной действительности, его позиции на всем протяжении реализации секулярного модернизационного проекта фактически не претерпели кардинальных изменений, в публичное пространство, в самый центр общественного дискурса. Особо подчеркнем, что фокус данной работы оставляет в стороне другую крупную страту республики – секулярно ориентированных граждан, что, однако, вовсе не означает ее отсутствия в реальности.

Композиция исламского сообщества Таджикистана сегодня далека от одномерности и демонстрирует значительный спектр позиций и взглядов на развитие общества и государства. Анализ этого сообщества позволяет выделить четыре основные прослойки.

1. Шурой уламо (буквально – Совет улемов, часто переводится как Совет исламских ученых Таджикистана) состоит из религиозных деятелей, имеющих классическое мусульманское образование. Основная задача этого объединения – пропаганда мусульманских ценностей и формирование на этой основе у верующих толерантного отношения к проблемам в социальной и экономической жизни. По существу Совет функционирует как мостик между правительственными структурами и мусульманским сообществом, отчего в силу закрепленной в суннизме традиции уклонения от тесного взаимодействия с властью сфера его общественного влияния остается узкой [Додхудоева 2011: 540–541].

2. ПИВТ – создана в 1990 г., насчитывает около 40 тыс. членов, имеет отделения во всех районах страны. Партия активно вовлечена во все политические мероприятия республики, включая парламентские и президентские выборы, находится в мягкой оппозиции к правительству, стремясь сохранить сбалансированную позицию по целому ряду ключевых вопросов развития Таджикистана и региона. Чрезвычайно важно отметить, что и в своих документах, и в практической деятельности ПИВТ, работающая в атмосфере биконфессиональности, опирается на некую централизованную концепцию ислама [Додхудоева 2013: 77–101]. Хотя в многочисленных партийных публикациях преобладают материалы суннитского толка, в них не акцентированы различия ханафизма и исмаилизма в доктринальной и ритуальной сферах. В случаях упоминания факта биконфессиональности мусульманского сообщества Таджикистана и в публикациях, и в речах представителей ПИВТ эмфаза переносится на принципы, общие для этих двух

конфессий. В последнее время руководство ПИВТ предпринимает шаги по укреплению своих позиций в странах СНГ, на территории которых находится наибольшее число трудовых мигрантов из Таджикистана.

3. Религиозные авторитеты на местах. Эту прослойку представляет довольно обширная группа религиозных деятелей самого разного возраста, уровня образования, спектра социального влияния. Основной фокус их деятельности – воздействие на повседневное поведение людей на уровне городского квартала (маххалля), города, села, района, что, однако, не исключает, при наличии соответствующего образования и / или харизмы, дискуссий по более сложным доктринальным вопросам.

4. К четвертой прослойке следует отнести молодежные группировки. Как правило, лидерство в них захватывают молодые люди, сформировавшие свое мировоззрение в различных учебных религиозных центрах (от Аль-Азхара до полуправовальных курсов в Пакистане) и, чаще всего, мало отягощенные чувством гражданской ответственности. Часть молодежи испытала на себе определенное влияние различных запрещенных, но имеющих богатый опыт активной работы в подполье исламистских групп и течений («Хизб ут-Тахрир-и Ислами», салафизм, «Таблиг-и джамиат-и Ислами» и др.). Было бы неверным не упомянуть и о другом сегменте мусульманской молодежной субкультуры Таджикистана. Это молодые люди, стремящиеся отстоять идентичность таджиков как истинных мусульман в рамках национального, секулярно ориентированного государства, признавая при этом мусульманские ойкуменистические идеалы. В этом смысле их позиции смыкаются с теми принципами, которых придерживается ПИВТ.

Упомянутые сегменты мусульманского сообщества Таджикистана, безусловно, не существуют в неких отдельных, не общающихся друг с другом кластерах. Они находятся в весьма тесном, а иногда, в период борьбы за расширение сферы влияния, и жестком взаимодействии. Однако наша картина окажется неполной, если мы не упомянем о новых формах репрезентации в публичном пространстве республики женщины как активного члена мусульманской общины [Додхудоева 2014]. Рамки небольшой статьи заставляют нас остановиться на наиболее ярко представленных в общественной жизни страны двух группах мусульманок-активисток: женщинах – членах ПИВТ и активистках исмаилитской общины.

Гендерное измерение композиции ПИВТ выявляет факт, который вызывает и удивление, и, что скрывать, тревогу не только у исследователей: женщины составляют порядка 50% членов партии! Однако такой высокий процент женщин в исламской партии поражает только при первом ознакомлении. Более глубокий анализ гендерной ситуации как в стране, так и в глобальной умме раскрывает целый ряд причин, вызвавших к жизни такую форму репрезентации женщины-мусульманки в публичной сфере.

Новый социальный феномен в республике сформирован целым рядом обстоятельств, напрямую порожденных последствиями гражданской войны, самым значимым из которых и, к сожалению, обычным для всех войн является гендерный дисбаланс. В Таджикистане он усугублен поствоенной массовой (в данном контексте – ключевое слово!) трудовой миграцией мужчин, безжалостно разрушающей привычный уклад семейно-клановой жизни с традиционно закрепленными в ней гендерными ролями.

Эта и другие тесно связанные с ней причины в значительной степени влияют на гендерную композицию и ПИВТ, и актива исмаилитского сообщества, помогая пополнять их ряды за счет женщин как лучше представленного, более уязвимо и не столь мобильного компонента населения, как мужчины. И ПИВТ, и исмаилитское сообщество, заинтересованные в расширении своего социального влияния, предоставляют женщине наиболее приемлемые в свете и традиционной исламской культуры, и социальной памяти, сформированной в советское время, формы солидаризации, социализации и репрезентации.

Необходимо особо выделить еще один важнейший аспект, который, к сожалению, очень часто ускользает от исследователей. Огромной психологической травмой для таджикских женщин в изменившихся социально-экономических условиях, особенно связанных с миграцией мужчин, является неясность их статуса в общинной системе координат. Ни одна из жен мигрантов не может знать, каков ее статус в каждый отдельный момент жизни, ведь он в одну секунду может измениться и низвести ее со статуса официальной жены до положения разведенной женщины или вдовы.

Такого рода изменение заставляет женщину, воспитанную в традиционном понимании своей жизненной миссии как дочери, жены, матери, брать на себя роль кормильца всех детей и стариков в своей семье. Традиционная культура не готовит женщину к таким испытаниям. Вовлеченность же в работу и ПИВТ, и различных структур исмаилитского сообщества, не говоря уже о занятии

в них реальных должностей, придает женщине реальный статус человека, участвующего в мероприятиях, направленных на улучшение положения общины.

Наконец, чрезвычайно привлекательной является сама идея солидаризации с женщинами сходной судьбы и общих жизненных принципов в понятной с детства системе координат. Ведь если членство в других организациях и партиях может потребовать овладения какими-то новыми понятиями и концепциями (к примеру, участие в работе компартии связано с пониманием основ марксизма-ленинизма и знанием, пусть элементарным, русского языка), то участие в работе религиозно ориентированных структур воспринимается как следование знакомым с детства ритуальным действиям и религиозной мифологии.

Многочисленные исследователи эпохи Модерна сходятся в одном. Главное в гендерном измерении модернистского проекта – завоевание женщинами права социализироваться в публичной сфере самостоятельно, не через семейные или клановые связи и поддержку, как это было прежде, а путем утверждения себя в качестве полноценных специалистов и личностей, осознавая свою самоценность и реализуя заложенные в них способности [Додхудоева 2013: 138–145].

Исламское сообщество Таджикистана в полной мере использует это завоевание советского / секулярного строя как базовый компонент социальной памяти [Адиб Халид 2010: 12]. Сегодня даже те активистки мусульманского сообщества Таджикистана, которые энергично отстаивают принцип возврата к религиозному построению общества и государства, не мыслят себя замкнутыми в домашнем пространстве, осознавая значимость своей публичной деятельности и реализации своих индивидуальных и коллективных полномочий в целях развития общества [Додхудоева 2013: 140].

Однако все же главным остается вовсе не внешняя, а содержательная сторона деятельности активисток этих двух различных направлений ислама. Весьма активная позиция женщин – членов исламской партии, выдвижение их на выборах в парламент, тем не менее, не приводят к ликвидации патриархальности в проповедуемых ими идеалах. Весьма показательны не только материалы печатного органа ПИВТ газеты «Наджот», но, пожалуй, более яркие в этом смысле публикации женского журнала «Найсон», издаваемого партией. Главный фокус этих публикаций – восстановление в женской среде культуры обязанности, служения и долга, форми-

рование мифоритуального типа мышления, столь естественных в контексте патриархальности [Rinaldo 2010].

Активистки же исмаилитской общины ратуют за культуру выбора, присущую секуляризму, однако при этом отчетливо демонстрируют свою конфессиональную идентичность. В этом, безусловно, проявляется уникальный опыт поиска наиболее достойной формы репрезентации своей идентичности и системы взглядов на основе достижения баланса между традицией и модернистским проектом, приобретенный исмаилизмом в XIX–XX вв. [Новейшая история исмаилитов 2013]. Новая форма социализации женщин – носительниц разных исламских традиций приносит им осознание как возможности самореализации и личной ответственности за социальные изменения на локальном уровне, так и чувство приобщенности к глобальному общему мусульманскому феномену.

Таким образом, Таджикистан сделал важный шаг по пути формирования гражданского общества с полноправной представленностью разных типов мировоззрения.

Литература

1. Адиб Халид. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение. 2010. – 304 с.
2. Додхудоева Л. Абу Ханифа и его эпоха: социально-политический аспект. – Материалы по социально-политической истории Центральной Азии. VIII – начало XVI в. (под ред. А.Т. Турсунова). – Душанбе: Принт-мастер, 2011. – С. 540–541.
3. Додхудоева Л. От ислама к секуляризму и обратно в ислам? «Женский вопрос» в мусульманских сообществах в XX в. – Душанбе: Дониш, 2014. – 271 с.
4. Додхудоева Л. От ислама к секуляризму и обратно в ислам? – «Женский вопрос» на страницах прессы Таджикистана (1930–40 и 2000–10 гг.). – Душанбе: Дониш, 2013. – 340 с.
5. Кисриев Э.Ф. Арабские революции в глобализирующемся мире и «новый ислам». – Протестные движения в арабских странах, предпосылки, особенности, перспективы. Материалы круглого стола. – М: URSS, 2012. – С. 104–110.
6. Мчедлова М.М. Современные параметры возвращения религии: Ракурсы проблемы. – Вестник института социологии, 2012. – № 1 (107). – С. 11–21.
7. Новейшая история исмаилитов. Преемственность и перемены в мусульманской общине (Под ред. Ф. Дафтари, Л. Додхудоевой). 2013. – М.: Наталис. – 480 с.
8. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? О новом европейском порядке. – Русский журнал. 23.07. 2008.

Доступ: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (проверено: 20.04.2012).

9. Esposito J.L. Retreat from the Secular Path. – Turkish Islam and the Secular State: The Gulen Movement (ed. by M.H. Yavuz, J.L. Esposito). – N.Y. Seracuse University Press, 2003. – P. XIII–XXXIII.
10. Rinaldo R. Women and Piety Movements. – The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion (ed. by B.S. Turner). Ch. 26. – N.Y.: Wiley-Blackwell, 2010. *«Власть», М., 2014 г., № 9, с. 162–167.*

Е. Ионова,

кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В УЗБЕКИСТАНЕ

В силу ряда факторов в Узбекистане политическая обстановка становится более напряженной. Она характеризуется, в частности, усилением внутривнутриполитической и межклановой борьбы в преддверии парламентских и президентских выборов, а также активизацией сепаратистских настроений в автономной республике Каракалпакстан. Кроме того, перед Ташкентом стоит сложный выбор внешнеполитических приоритетов ввиду растущего противостояния его главных партнеров на международной арене – России и США.

Несмотря на то что после распада СССР в республике остался значительный производственный потенциал, ее руководству не удастся преодолеть серьезные экономические проблемы. Из-за нехватки ресурсов правительство не может восстановить многие хозяйственные предприятия, разрушенные за последние десятилетия. В то же время иностранные компании с большой осторожностью относятся к инвестированию в узбекскую экономику, в том числе – ввиду несовершенства банковской и финансовой систем республики. В результате, обладая значительным человеческим потенциалом, экономика Узбекистана не в состоянии обеспечить занятостью значительную массу трудового населения. Отсюда – низкий уровень жизни подавляющей части населения и высокий уровень трудовой миграции, основным направлением которой является Россия. Согласно данным Всемирного банка за 2013 г., Узбекистан занял 126-е место среди 190 стран по уровню ВВП в расчете на душу населения¹. Самым бедным регионом страны является авто-

---

¹ <http://uzbekistan.polpred.com/?ns=4>

номная республика Каракалпакстан, с 1936 г. входящая в состав Узбекистана¹.

Республика, которая занимает треть территории Узбекистана, имеет население в 1,5 млн человек (общая численность населения Узбекистана – 29 млн человек). При этом более 85% площади Каракалпакии – это пустыня, в том числе Аралкум, которая образовалась на дне высохшего Аральского моря. В автономии, практически целиком расположенной в зоне экологической катастрофы, уровень жизни населения значительно ниже, чем в целом по Узбекистану, а социальные проблемы отличаются особой остротой. Здесь постоянно ощущается нехватка воды, во многих районах вообще отсутствуют водоснабжение, газ и электричество.

В начале июня текущего года в Интернете появилось обращение малоизвестного политического движения «Алга Каракалпакстан» («Вперед, Каракалпакстан»), выступающего за выход Каракалпакской автономной республики из Узбекистана. В обращении нового движения, отстаивающего независимость Каракалпакстана и впервые заявившего о себе в марте текущего года, указывается на многочисленные нарушения прав человека, совершаемые правящим режимом Узбекистана. В обращении не исключается присоединение к России, которая названа «гарантом стабильности и суверенитета» (следует отметить, что республика не имеет общей границы с РФ).

Как представляется, в условиях нарастания российско-украинского кризиса педалирование вопроса о присоединении автономии к России может серьезно ухудшить отношения Москвы и Ташкента. В связи с этим нельзя полностью исключить вероятность того, что акция в определенной степени носит провокацион-

---

¹ До этого в разные годы Каракалпакия входила в состав Киргизской ССР, Казахской ССР, а также РСФСР. В декабре 1990 г. на сессии Верховного совета республики была подписана Декларация о государственном суверенитете, предполагавшая полную независимость на основе общереспубликанского референдума. Однако уже в 1993 г. И. Каримову удалось уговорить местную политическую элиту, среди которой были сторонники присоединения к Казахстану и сближения с РФ, подписать межгосударственный договор сроком на 20 лет о вхождении Каракалпакии в состав Узбекистана. В документе оговаривалось право выхода автономной республики из юрисдикции Ташкента через проведение референдума. В настоящее время треть населения автономии составляют собственно каракалпаки (народ, родственник казахам), треть – узбеки, треть – другие народности (казахи, русские, украинцы, корейцы). – <http://lenta.ru/articles/2014/06/10/karakalpakstan>

ный характер. В Ташкенте с недоверием восприняли сам факт появления нового движения, расценив информацию об этом как попытку внешних сил дестабилизировать ситуацию в Узбекистане. Комментируя ситуацию, официальный сайт узбекских спецслужб UzMetronom подчеркивал, что «традиционные носители демократии любят развивать ее там, где сосредоточены солидные залежи нефти и газа (на плато Устюрт, находящемся на территории Каракалпакии, есть и то и другое)»¹.

Большинство экспертов не склонны считать сколько-нибудь реальной угрозой сепаратизма в Каракалпакстане, тем более что будущее автономии во многом связано с разработкой нефтегазовых месторождений, что может существенно улучшить ее экономическое положение. Тем не менее они не исключают, что после смены власти в Ташкенте может произойти активизация борьбы за отделение автономии.

Одним из факторов, дестабилизирующих внутривнутриполитическую ситуацию в Узбекистане, стал коррупционный скандал с участием членов семьи президента, а именно его старшей дочери Гульнары. В последние годы под ее контролем и контролем близких ей людей оказались прибыльные отрасли узбекской экономики, доходы от которых были обналичены и вывезены за рубеж по «черным» и «серым» схемам, в которых участвовали также иностранные компании. В результате, по данным Совета национальной безопасности (СНБ) РУ, узбекская экономика понесла ущерб в размере около 2 млрд долл.

После того как в 2013 г. в Швейцарии, Франции и Швеции были открыты следственные дела по отмыванию Г. Каримовой коррупционных денег, СНБ РУ под руководством И. Иноятова инициировал арест бизнеса и счетов Г. Каримовой. Была также заблокирована работа подконтрольных ей СМИ². По информации различных источников, сама Г. Каримова либо содержалась под домашним арестом, либо оказалась за рубежом, в Латвии.

Основной удар был нанесен по окружению дочери президента. В 2013 г. за коррупционные преступления был арестован ее бизнес-партнер и двоюродный брат А. Абдулаев, которому принадлежал практически весь бизнес в узбекской части Ферганской долины, включая расположенный там НПЗ. В июне-июле текущего года в ускоренном темпе были осуждены другие лица из бли-

---

¹ <http://lenta.ru/articles/2014/06/10/karakalpakstan>

² <http://www.news-asia.ru/view/6514>

жайшего окружения Каримовой, включая ее гражданского мужа, певца Р. Мадумарова, на которого была записана значительная часть зарубежной собственности и банковских счетов Гульнары. По некоторым данным, в общей сложности правоохранительные органы РУ привлекли к уголовной ответственности около 200 человек, связанных с махинациями дочери президента¹.

Показательно, что в отличие от европейского узбекское правосудие не рассматривает старшую дочь президента ни как свидетеля, ни как обвиняемую, а вся вина возложена на близких ей лиц. Таким образом, по мнению наблюдателей, развернувшаяся в республике кампания по борьбе с коррупцией, скорее всего, была рассчитана на иностранных инвесторов, в глазах которых мог пострадать имидж Узбекистана и самого И. Каримова, и, по сути, представляла собой попытку отвлечь внимание европейских правоохранительных органов от семьи президента.

Трудно не согласиться с мнением эксперта Р. Чедия, который считает, что «И. Каримову нужно до сентября завершить весь процесс защиты капиталов и семьи, прежде чем страна вступит на поле предвыборной кампании. К мартовским 2015 г. президентским выборам И. Каримов должен быть “чист” от всяких подозрений, что прикрывает уголовные дела своих детей или способствует коррупции в высших эшелонах власти»². По мнению других наблюдателей, «возможно, во многом благодаря показательной “войне” между Гульнарой и Исламом Абдуганиевичем (руководителем СНБ Иноятовым. – *Е.И.*) власти получили неплохую возможность провести рокировку в высших эшелонах власти и отвлечь “публику” от более серьезных проблем»³.

Известно, что в декабре текущего года в Узбекистане должны состояться парламентские выборы, а 22 марта 2015 г. – президентские. И. Каримов, которому в этом году исполнилось 76 лет, бессменно возглавляет республику с 1991 г. Он был переизбран в 2000 и 2007 гг., однако вопрос о его участии в выборах 2015 г. пока остается открытым. Наблюдатели не исключают, что в настоящее время президент ищет преемника и рассматривает различные варианты передачи ему власти. Об этом косвенно свиде-

---

¹ <http://www.zamondosh.com/2014/07/16-terra-group-prirae-media-gamma.html>

² <http://www.zamondosh.com/2014/07/16-terra-group-prime-media-gamma.html>

³ <http://www.news-asia.ru/view/uz/6761>

тельствуют инициированные Каримовым изменения в Конституции республики, предусматривающие сокращение части полномочий президента и передачу их премьер-министру и парламенту.

Поправки к Конституции, которые предложил Каримов в этом году, предусматривают сохранение в подчинении президента только внешней и оборонной политики, а также силовых ведомств, тогда как экономика и социальная сфера полностью переходят под контроль главы кабинета министров. Парламент будет контролировать деятельность кабинета и исполнительных органов власти¹.

По мнению эксперта по ЦА А. Князева, с расширением роли парламента в Узбекистане может заметно повыситься роль политических партий. По его мнению, поскольку партии в республике не являются партиями «лидерского типа», т.е. не созданы исключительно для поддержки конкретного политика, у Узбекистана есть шанс на формирование реальной парламентской многопартийной системы. Сейчас в республике зарегистрирован ряд партий, подавляющая часть которых ориентирована на действующую власть. К ним относятся народно-демократическая партия Узбекистана, социал-демократическая, либерально-демократическая, демократическая, общественное объединение «Экологическое движение».

Участие в выборах оппозиционных объединений затруднено тем, что их лидеры в основном находятся в изгнании за границей. В их числе – М. Салих, лидер первой официально зарегистрированной оппозиционной партии «Свобода» («Эрк») (он находится в политическом изгнании в Турции); Б. Чориев, основатель общественного объединения «Бирдамлик» (проживает в настоящее время в США, откуда руководит акциями мирного неповиновения власти); правозащитница М. Гаджибаева, создавшая движение «Гражданское общество», пытается из Франции консолидировать силы для сопротивления действующей власти².

По мнению аналитиков, в этих условиях на первый план выйдут лидеры кланов – самаркандского, ташкентского, ферганского, каракалпакского и хорезмского. При этом наиболее сильные позиции у ташкентского и самаркандского кланов. Видным представителем последнего является действующий премьер-министр Ш. Мирзияев, возглавляющий правительство с февраля 2003 г.

---

¹ http://total/kz/politics/2014/03/18/prezident_uzbekistana_predlozhih...

² <http://www/fergananews.com/articles/8038>

Ташкентский клан представляет первый заместитель премьера и министр финансов Р. Азимов, который курирует финансово-экономическую сферу и относится к числу прозападных политиков. Среди возможных претендентов на пост президента СМИ называют также руководителя Службы национальной безопасности Р. Иноятова, который в настоящее время является одним из наиболее влиятельных людей республики. Так же, как и И. Каримов, он позиционирует себя как надклановый политик.

Вероятность дестабилизации внутривнутриполитической обстановки может стать главным фактором, в силу которого И. Каримов, зарекомендовавший себя как национальный лидер, несмотря на возраст, может остаться во главе республики. Хотя, согласно действующей узбекской Конституции, один человек не имеет права занимать пост президента более двух раз подряд, может быть использован прецедент 2007 г., когда первый срок правления Каримова из-за изменения конституции как бы «обнулится» (тогда были приняты поправки, продлевающие президентский срок с пяти до семи лет). В декабре 2010 г. в Конституцию республики были внесены поправки, согласно которым президентский срок был вновь сокращен до пяти лет. Эксперты считают, что сам факт изменения конституции может дать И. Каримову основание для участия в выборах, как это уже было в 2007 г. Нельзя полностью исключить также возможность введения неограниченного срока правления И. Каримова, по примеру Казахстана.

Усиление напряженности между элитами на фоне общего низкого уровня жизни населения, обострение социальных проблем создают почву для усиления протестных настроений, что, как известно, является тем фактором, который используют США для создания центров нестабильности. Показательно, что согласно рейтингу стабильности стран ЦА, опубликованному в американском журнале «Foreign Policy», именно Узбекистан, который ранее считался региональным лидером в области государственной безопасности, эксперты отнесли к группе государств с очень высокой степенью угрозы дестабилизации. Республика заняла по этому показателю 48-е место, опередив Таджикистан (55-е место), Киргизию (58-е), Туркмению (78-е место) и Казахстан (111-е)¹.

В этих условиях официальный Ташкент делает все возможное, чтобы заручиться поддержкой трех главных сил, влияние которых определяет геополитический ландшафт Центральной

---

¹ <http://www/fergananews.com/articles/8038>

Азии, – России, Китая и США. Более высокий по сравнению с другими странами ЦА уровень прозападной направленности давно стал особенностью внешней политики Ташкента. В этой связи не была неожиданностью приостановка членства РУ в ОДКБ, за которым последовало открытие в Ташкенте в мае текущего года представительства НАТО. В Пентагоне оценили согласие властей республики на этот шаг, не сократив помощь Узбекистану в сфере безопасности, как это было сделано в отношении Казахстана, Киргизии и Таджикистана. При этом американский бизнес не торопится инвестировать в узбекскую экономику. По данным советника по экономическим вопросам американской организации USAID, если компании из США вложили в Азербайджан более 10 млрд долл., в Казахстан – более 16 млрд, то в Узбекистан – лишь 500 млн¹. В этих условиях Ташкент не может игнорировать важность отношений с Россией, которая на сегодняшний день является крупным экономическим партнером Узбекистана. При этом РФ намерена расширять свое экономическое присутствие в республике. В середине января текущего года на заседании межправительственного узбекско-российского комитета был утвержден План мероприятий по реализации Программы экономического сотрудничества на 2013–2017 гг.

По объему товарооборота РФ занимает 1-е место среди торговых партнеров РУ: ее доля во внешней торговле республики составила в 2013 г. порядка 30%, или около 7 млрд долл. В Узбекистане действуют 902 предприятия с участием российского капитала, на российской территории – 489 предприятий с участием узбекского. Общий объем прямых российских инвестиций в узбекскую экономику в 2008–2013 гг. превысил 6 млрд долл.² Усиливаются позиции российских компаний в нефтегазовой отрасли, которая все больше становится ключевой отраслью экономики республики (по объемам добычи газа Узбекистан занимает в СНГ 3-е место после России и Туркмении, а в мире – 8-е).

Российский «Газпром» в настоящий момент разрабатывает три газовых месторождения на территории Каракалпакстана. В 2014 г. крупным инвестором Узбекистана стал «Лукойл», вложивший более 1 млрд долл. в реализацию двух соглашений о разделе продукции (СРП). Инвестиционная программа этой компании

---

¹ <http://www.12news/2014/07/21>

² <http://www.zamondosh.com/2014/07/16-politicheskaya-situatsiya-v-uzbekistan.html>

в Узбекистане на ближайшие пять лет составляет 5 млрд долл. При этом «Лукойл» активно осваивает и газовые месторождения – участвует в геологоразведочных работах на участках Хаузак, Шады, Кунград, Кандымской группы, где в общей сложности добыто 18,5 млрд м³ природного газа. Кроме того, «Лукойл» входит в состав консорциума инвесторов, который ведет сейсморазведочные работы на территории Аральского блока.

Наконец, не следует забывать и о том вкладе, который вносят в узбекскую экономику трудовые мигранты, работающие в России. Узбеки являются лидерами среди мигрантов из стран СНГ по личным денежным переводам из РФ – только в 2013 г. ими было переведено в Узбекистан 7,9 млрд долл.

Тем не менее, как показывает опыт украинского кризиса, степень экономического взаимодействия с Россией не является страховкой от использования заинтересованными силами, прежде всего США, технологий по дестабилизации обстановки в государствах СНГ. В этих условиях тесное взаимодействие РФ с Китаем, который имеет собственные растущие интересы в ЦА, а по сути – раздел сфер влияния между Москвой и Пекином в регионе, становится фактором противодействия попыткам Вашингтона по созданию очагов нестабильности. Одним из следствий украинского кризиса стало превращение Китая в важного геополитического союзника России, в том числе на пространстве Центральной Азии.

Москва оценила поддержку Пекином своей позиции по Украине. Для Китая союз с Россией имеет не меньшее значение, причем не только для реализации своих экономических интересов. Судя по всему, Пекин рассчитывает на поддержку Москвы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где также растет напряженность. Эксперты отмечают обеспокоенность КНР новой военной политикой Токио, в частности, заявлением Японии о возможности использования своей армии за пределами страны, а также подчеркивают закономерность в связи с этим проведения совместных военных учений России и Китая.

Очевидно, что Пекин будет действовать в Центральной Азии, исходя прежде всего из собственных интересов, которые пока лежат большей частью в экономической плоскости. Известно, что степень китайского влияния на экономику региона стремительно растет. Узбекистан в этом отношении не является исключением. Уже сейчас объем китайских инвестиций в узбекскую экономику значительно превышает объем российских: в 2012 г. Пекин и Ташкент подписали пакет документов, предусматриваю-

щих реализацию 30 инвестиционных проектов на общую сумму свыше 5,3 млрд долл., а в 2013 г. были заключены соглашения о привлечении 7,7 млрд долл. из КНР, включая банковские кредиты на сумму в 6,1 млрд долл., прямые инвестиции китайских компаний в размере 1,3 млрд долл. и государственные гранты на 0,3 млрд долл.¹

Китай является вторым по величине торговым партнером РУ (товарооборот двух стран по итогам 2013 г. составил 5,3 млрд долл.). Через территорию Узбекистана проходит трансасиатский газопровод Туркмения–Узбекистан–Казахстан–Китай, третья ветка которого была запущена в июне текущего года. Идут переговоры о строительстве четвертой ветки, которая сделает Поднебесную основным импортером узбекского газа: планируется, что с введением новой нити этого трубопровода поставки по нему узбекского газа в Китай возрастут до 25 млрд м³ в год (в настоящее время Китай и Россия импортируют приблизительно одинаковый объем узбекского газа – порядка 10 млрд м³).

Кроме того, Узбекистан является вторым после Казахстана крупнейшим экспортером урана в Поднебесную. Согласно последним соглашениям, заключенным с Гуандунской ядерно-энергетической компанией Китая, КНР планирует закупить в Узбекистане малообогащенный уран на 800 млн долл.²

Таким образом, ни Россия, ни Китай, имеющие серьезные экономические интересы в Узбекистане, не заинтересованы в дестабилизации там внутривнутриполитической ситуации. Что касается Соединенных Штатов, то их отношение к Узбекистану, скорее всего, будет определяться степенью лояльности и управляемости тех, кто придет к власти в Ташкенте.

*«Россия и новые государства Евразии:
Ежеквартальный журнал ИМЭМО РАН»,
М., 2014 г., III (XXIV), с. 92–99.*

---

¹ <http://mfa.uz/press/news/2014/05/1909>

² <http://noviyvek.uz/novosti/kitay-2022-g-zakupit-v-uzbekistane-uran-na-800-mln.html>

Б. Волхонский,
кандидат исторических наук (РИСИ)
**ГИДРОРЕСУРСЫ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ
В ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Тема «водных войн» в последние годы стала одной из доминирующих в политологической литературе. По мнению многих аналитиков, в XXI в. именно вода станет главной причиной межгосударственных конфликтов, подобно тому как в XX в. войны шли за нефть и газ. «В войнах вчерашнего дня бои шли за землю, – пишет известный индийский ученый, автор книги “Вода: новое поле битвы в Азии” Брахма Челлани. – В войнах сегодняшнего дня – за источники энергии. Но битвы завтрашнего дня будут происходить из-за воды. И нигде эта перспектива не выглядит более реальной, чем в Азии»¹.

Уже сегодня для целей экономического развития водные ресурсы являются вторыми по значимости после нефтегазовых. Между тем из всей имеющейся на Земле воды 97% – это непригодная для использования без применения дорогостоящих и энергоемких технологий опреснения вода морей и океанов. Более двух третей общего объема пресной воды представлено ледяными шапками полярных областей и ледников, еще 30% – подземные воды. Лишь 0,3% всей пресной воды технически доступно для использования.

Согласно докладу ЮНЕСКО «Вода в изменяющемся мире», примерно 700 млн человек в 43 странах располагают водными ресурсами в объеме ниже минимальной потребности человека². К 2025 г. эта цифра может возрасти до 3 млрд, поскольку потребность в воде будет нарастать в Китае, Индии, странах Африки к югу от Сахары. Около 540 млн человек в Северном Китае уже сегодня живут в условиях недостатка воды. Человеку в сутки необходимо минимум 20 л воды. Однако 1,1 млрд человек в развивающихся странах мира используют не более 5 л в день³.

Глобальные изменения климата и усиленное таяние горных ледников в последние годы еще более усугубили проблему. Экологические последствия ощущаются уже сегодня – это, с одной стороны, катастрофические наводнения (примером может служить наводнение в Пакистане летом 2010 г., от которого в той или иной степени пострадало более 2 млн человек), а с другой – истощение водных запасов рек и связанные с этим засухи.

Наиболее остро проблемы водопользования проявляются в тех случаях, когда водотоки протекают по территории нескольких государств. В таких случаях государства, в ведении которых находятся верховья, оказываются в положении монополистов, способных по собственному усмотрению регулировать сток воды, отводя воду для нужд орошения, строя гидротехнические сооружения и т.д.

Следствием такой ситуации становится обострение межгосударственных конфликтов: государства, расположенные ниже по течению рек, выступают против несправедливого распределения водных ресурсов.

В марте 2012 г. дирекция Национальной разведки США опубликовала доклад о положении дел с пресной водой в разных частях мира. Выводы авторов доклада состоят в том, что в ближайшие десять лет вероятность полномасштабных войн за воду невелика, но в перспективе нехватка воды будет только нарастать, соответственно – увеличится риск возникновения войн. Самыми уязвимыми регионами мира названы Южная Азия, Ближний Восток и Северная Африка⁴.

По сути, войны за воду идут уже сейчас. Во всяком случае, проблема дефицита водных ресурсов является важной составной частью многих международных вооруженных конфликтов⁵.

Еще более продолжительный и не менее кровопролитный конфликт, индийско-пакистанский спор вокруг Кашмира, тоже имеет к воде непосредственное отношение. Истоки практически всех рек, протекающих по территории Пакистана, в том числе главной водной артерии, Инда, находятся в Кашмире, и многие из них – на территории, контролируемой Индией. В Британской Индии была создана целая система оросительных каналов, позволявшая использовать воды Инда для нужд земледелия. После 1947 г. эта ирригационная система оказалась разделенной между Индией и Пакистаном, в частности между индийским штатом Пенджаб и одноименной провинцией Пакистана. Уже в первый год после провозглашения независимости обоих государств, весной 1948 г., Индия продемонстрировала соседу действенность «водного оружия», перекрыв снабжение водой каналов, оказавшихся на пакистанской территории (подробнее о проблеме дефицита водных ресурсов между Индией и Пакистаном см. ниже).

При всей сложности межгосударственных проблем, связанных с использованием трансграничных водоемов и водотоков, в международном праве отсутствует единый для всех свод зако-

нов, регулирующих правила взаимоотношений государств, находящихся выше и ниже по течению. Две главные международные конвенции – Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер Европейской экономической комиссии ООН от 1992 г. (далее – Конвенция 1992 г.) и Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1997 г. (далее – Конвенция 1997 г.) – имеют целый ряд ограничений. Конвенция 1992 г. является документом регионального значения (членами ЕЭК являются 56 государств Европы и СНГ). Для вступления в силу Конвенции 1997 г. необходима ее ратификация как минимум 35 странами, а на данный момент ее ратифицировали только 12 государств⁶, и дальнейшего расширения числа участников Конвенции не предвидится, поскольку с 2008 г. она закрыта для подписания.

Кроме того, обе конвенции устанавливают лишь самые общие правила, затрагивающие преимущественно экологические проблемы и в меньшей степени – проблемы управления водными ресурсами. К тому же они имеют рекомендательный характер, и в них практически отсутствует механизм разрешения международных споров. Таким образом, единая правовая база для решения споров о правилах использования трансграничных водотоков отсутствует. Не существует и международных организаций, которые были бы способны эффективно воздействовать на проблематику трансграничных водных конфликтов.

Соответственно, водные споры могут решаться лишь на основе национального законодательства, а также двусторонних и многосторонних соглашений по каждому конкретному бассейну. В мире насчитывается более 260 пограничных водных бассейнов и сотни пограничных водохранилищ, а число международных двусторонних и многосторонних договоров по конкретным водоемам превышает 300.

На практике же государства-монополисты, контролирующие истоки международных рек, де-факто руководствуются доктриной Хармона, названной так по имени генерального прокурора США Джадсона Хармона, выдвинувшего в 1895 г. идею об абсолютном территориальном суверенитете. Согласно этой хорошо известной доктрине, каждое национальное государство может использовать воды международных рек, текущих по их территории, по собственному усмотрению, не обращая внимания на последствия для других государств и не вступая с ними в консультации.

Однако парадокс ситуации состоит в том, что одно и то же государство в отношении разных водотоков может оказаться и в положении монополиста, контролирующего верхнюю часть бассейна одной реки, и страной, находящейся ниже по течению другой реки и страдающей от действий государства, контролирующего ее верхнее течение. Так происходит, например, с Индией, которая контролирует верхнее течение истоков Инда и большую часть бассейна Ганга и тем самым способна оказывать давление на страны, находящиеся ниже по течению этих рек, – Пакистан и Бангладеш соответственно. Но сама Индия оказывается в зависимом положении от действий Китая в верхнем течении одного из главных притоков Ганга – Брахмапутры.

Азия, как часть света, где проживает около 60% населения Земли, а обеспеченность пресной водой которой – наихудшая, является тем регионом, для которого проблема водопользования стоит наиболее остро. В данной статье рассматриваются два соседних региона – Центральная и Южная Азия, где эти проблемы в течение десятилетий осложняют межгосударственные отношения.

При этом, естественно, не удастся избежать освещения проблем, связанных с государством, непосредственно не принадлежащим к названным регионам, но занимающим особое положение по отношению к обоим. Речь идет о Китае. Уникальность его положения связана с тем, что Китаю принадлежит Тибетское нагорье, которое вместе с окружающими его горными системами является крупнейшим в мире (после полярных шапок) резервуаром поверхностных пресных вод. И именно Китай по отношению ко всем соседним странам выступает как «верхняя» страна, а в своей политике в сфере водопользования де-факто руководствуется доктриной Хармона. Как правило, он либо вовсе игнорирует интересы стран, лежащих ниже по течению, либо в лучшем случае решает проблемы на двусторонней основе, всячески противясь решению их в многостороннем формате, даже если конкретная река протекает по территории трех и более стран. А от того, как будут решены проблемы водопользования в этой части Азии, зависят судьбы более 3 млрд человек.

Наконец, очерченные выше экономические, социальные, экологические, политико-правовые проблемы приобретают особую остроту и чреваты серьезным осложнением в будущем, учитывая, что три государства региона – Китай, Индия и Пакистан – обладают ядерным оружием.

Рогунская ГЭС и проблемы взаимоотношений Таджикистана и Узбекистана

С точки зрения распределения углеводородных и гидроресурсов пять стран Центральной Азии можно разделить на две группы: богатые углеводородами, но испытывающие нехватку гидроресурсов Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, и, наоборот, не имеющие собственных месторождений углеводородов, но обладающие богатыми водными ресурсами Киргизстан и Таджикистан. При этом «верхние» страны заинтересованы в использовании рек в гидроэнергетическом режиме, «нижние» – в оросительном.

В советские времена централизованное планирование позволяло устранять дисбаланс в отношениях: в обмен на свободный доступ «нижних» стран к гидроресурсам «верхние» страны получали углеводородное топливо по льготным тарифам. С распадом СССР и разрывом прежних народнохозяйственных связей дисбаланс обозначился со всей очевидностью: углеводородное топливо «верхние» страны вынуждены покупать, тогда как вода достается «нижним» странам по-прежнему бесплатно.

С наибольшей остротой эти проблемы проявились в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Они и без водных споров оставляют желать лучшего. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон вечно подозревает узбекского президента Ислама Каримова в намерениях дестабилизировать существующий в Таджикистане режим. Хотя обе страны являются членами одних и тех же межгосударственных объединений и региональных организаций (СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС), между ними действует жесткий визовый режим, транспортное сообщение крайне затруднено, а часть таджикско-узбекской границы и вовсе заминирована со стороны Узбекистана.

Особенно обострились отношения после объявления Таджикистаном планов строительства Рогунской ГЭС на реке Вахш – одном из главных истоков Амударьи, а в перспективе также серии гидроэлектростанций на других притоках Амударьи – Пяндже и Зеравшане. Рогунскую ГЭС начали строить еще в 1976 г. После распада СССР на основе межправительственного соглашения между Таджикистаном и Россией контракт на постройку ГЭС был передан российской компании «Русал». В 2005 г. парламент Таджикистана денонсировал соглашение с РФ о достройке ГЭС, а затем обвинил компанию в бездействии. Наряду с этим российской

компании было отказано в продаже Таджикского алюминиевого завода, на котором она рассчитывала использовать энергию ГЭС⁷.

Главная причина разрыва контракта заключалась в том, что по первоначальному проекту планировалось возведение насыпной плотины высотой 285 м. Контракт был разорван в августе 2007 г. после того, как «Русал» отказался выполнить требование таджикской стороны и достроить плотину до 325 м.

Для Узбекистана, сельское хозяйство которого (и прежде всего хлопководство) во многом зависит от летней ирригации с использованием вод Амударьи, повышение уровня плотины на 40 м представляет собой прямую угрозу. С учетом предполагаемой площади водохранилища объем воды в нем при таком повышении уровня плотины увеличивается примерно на 3 км³, что равняется среднему стоку Вахша за 50 дней. Таким образом, в руках Таджикистана оказываются дополнительные рычаги манипулирования стоком и политического шантажа.

Президент Узбекистана Ислам Каримов назвал еще более впечатляющие цифры. В октябре 2010 г., поясняя причины, по которым Узбекистан возражает против строительства Рогунской ГЭС, он заявил, что процесс наполнения водохранилища водой может растянуться на восемь лет. «Как же мы можем допустить, чтобы жители Узбекистана жили без воды восемь лет, пока полностью заполнится Рогунское водохранилище. Чем же будут заниматься земледельцы всё это время?» – цитирует слова президента Узбекистана информационное агентство «Kazakhstan Today»⁸.

Как отмечает большинство аналитиков, спор о целесообразности строительства Рогунской ГЭС практически невозможно решить на двусторонней основе. Таджикистан приводит массу доводов «за», считая, что строительство ГЭС отвечает его национальным интересам, и отвергает все обвинения в том, что ГЭС представляет угрозу для Узбекистана. Узбекистан приводит такое же количество доводов «против», упирая как на необходимость воды для орошения полей на его территории, так и на возможные экологические последствия, связанные, в частности, с тем, что район строительства – небезопасный в сейсмическом отношении, и обрушение плотины в результате землетрясения может привести к катастрофе со множеством человеческих жертв и невосполними потерями для экономики.

В связи с невозможностью решить вопрос на двусторонней основе в конце 2011 г. к его решению были привлечены эксперты Всемирного банка, а основные работы по возведению плотины

были приостановлены. Однако, как отмечает А. Грозин, «какое бы заключение ни выдал Всемирный банк – проузбекское или про-таджикское – вторая сторона с этим заключением не согласится». Поэтому документ, по мнению эксперта, «скорее всего, будет носить очень расплывчатый характер, который позволит каждой из сторон спора толковать его в свою пользу»⁹.

Подтверждением правоты этого мнения стало новое обострение между соседями в марте 2012 г., когда Узбекистан в одностороннем порядке прекратил поставки газа в Таджикистан. Душанбе в ответ обвинил узбекские власти в «сознательном провоцировании социального напряжения в Таджикистане», припомнив «транспортную блокаду», в том числе задержку грузов для строительства Рогунской ГЭС, недопуск на территорию Таджикистана электроэнергии из Туркменистана, отказ от ликвидации минных полей на границе и закрытие большинства пунктов перехода границы.

Отношения между другими странами Центральной Азии в вопросах водопользования не столь остры, как узбекско-таджикские, однако и здесь существуют свои сложности. Так, после аномально холодной зимы 2007–2008 гг., когда уровень воды в крупнейшем в Киргизии Токтогульском водохранилище упал в два раза, Бишкек резко ограничил сток воды на территории Узбекистана и Казахстана. Несогласованность сброса воды из Токтогульского водохранилища уже не раз приводила к конфликтам с властями Узбекистана и Казахстана, требующими ограничить сброс в зимнее время и увеличить его летом. Доходило до того, что Ташкент грозил Бишкеку отключениями газа. Есть опасения, связанные с тем, что строительство Камбаратинской ГЭС в Киргизстане на р. Нарын – одном из главных истоков Сырдарьи – может привести к нехватке воды и необратимым экологическим последствиям ниже по течению: в Ферганской долине и на территории Казахстана.

Обострению водных проблем способствует и общая политическая нестабильность в регионе, и близость Афганистана. К факторам, ведущим к обострению проблемы, можно отнести нерациональные способы ведения сельского хозяйства, когда значительные объемы воды пропадают впустую либо возвращаются в водотоки и водоемы, неся с собой массу вредных веществ, используемых в сельском хозяйстве. Важно также учитывать и колоссальную коррупционную составляющую, в частности при строительстве гидроузлов. В международно-правовом плане

ситуация осложняется тем, что из всех стран Центральной Азии к водной Конвенции 1992 г. присоединились только Казахстан и Узбекистан¹⁰.

Индийско-пакистанский спор о водопользовании в верховьях Инда

Индийско-пакистанский конфликт из-за Кашмира, пожалуй, самый острый и самый долгий из межгосударственных конфликтов, в которых проблемы водопользования играют далеко не последнюю роль. Большинство рек, питающих главную водную артерию Пакистана – Инд, берут свое начало именно в Кашмире.

В конце XIX – начале XX в. в исторической провинции Пенджаб (единой до индийско-пакистанского размежевания) была создана разветвленная система плотин и каналов, позволявшая использовать воды пяти притоков Инда для орошения земель. Два из этих притоков, Джелам и Чинаб, как и сам Инд, пересекают земли бывшего княжества Джамму и Кашмир. После событий 1947–1948 гг. головные сооружения ряда плотин, построенных на трех других притоках – Рави, Беасе и Сатледже, оказались на территории индийской части Пенджаба. Весной 1948 г. правительство индийского штата Пенджаб перекрыло снабжение водой каналов, орошающих поля в пакистанской провинции Пенджаб. Конфликт удалось разрешить мирно, но Пакистану показали, насколько велика его зависимость от соседа¹¹.

В 1960 г. при посредничестве Всемирного банка Дели и Исламабад подписали Договор о разделе водных ресурсов Инда. По этому договору Индия получила право распоряжаться водой Сатледжа, Рави и Беаса, а Пакистан получил право на воду Инда и его притоков Джелама и Чинаба¹².

В литературе, посвященной проблемам использования вод трансграничных водотоков, индийско-пакистанский договор 1960 г. часто рассматривается как образцовый – стороны соблюдали его положения даже в период открытых вооруженных конфликтов. Однако в последнее время в Индии часто раздаются голоса, требующие пересмотреть условия договора как не соответствующие изменившимся реалиям.

Следует отметить, что за шесть десятилетий независимости обеспеченность как Индии, так и Пакистана пресной водой в пересчете на душу населения резко сократилась: в Индии она упала с 5 тыс. м³ в год на человека до 1,8 тыс., а в Пакистане – с 5,6 тыс. м³

до 1,2 тыс., притом что показатель в 1 тыс. м³ считается критическим, за которым наступает острый дефицит воды.

На фоне сокращающихся запасов гидроресурсов и грозящего стране хронического водного дефицита особое беспокойство в Пакистане вызвали планы строительства гидроузла Баглихар на р. Чинаб в индийской части Джамму и Кашмира. По проекту плотина должна достичь высоты 145 м. И это только один из 11 разрабатываемых в Индии проектов строительства гидроузлов в Джамму и Кашмире, причем девять из них должны быть возведены на р. Чинаб, отведенной по договору 1960 г. в пользование Пакистана¹³.

Двусторонние переговоры между Индией и Пакистаном по поводу планов строительства гидроузла Баглихар, проводившиеся в первые годы XXI в., ни к чему не привели, и в 2005 г. Пакистан обратился во Всемирный банк за посредничеством. Однако проблема до сих пор остается неразрешенной¹⁴.

Другой крупный проект, также начатый Индией в бассейне одной из рек, отведенных в пользование Пакистана, – Тулбулский проект возведения системы плотин и шлюзов для улучшения судоходства на озере Вулар, питаемом водами р. Джелам. Работы по реализации этого проекта были начаты еще в 1984 г., но в 1986 г. приостановлены из-за возражений Пакистана. В марте 2012 г., как сообщила газета «Хинду», Индия объявила, что более не желает вести бесконечные дискуссии и намерена обратиться в международный арбитраж¹⁵.

Главная проблема в отношениях Индии и Пакистана – кашмирская – остается неразрешенной, и перспектив ее решения в ближайшем будущем не видно. Можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что корень этого конфликта лежит именно в неразрешенности проблем водопользования, которые для Пакистана становятся проблемами выживания, а всё прочее – вопросы самоопределения, соблюдения прав человека и т.п. – только отвлекает внимание от главной проблемы¹⁶.

В последнее время в связи с предстоящим выводом войск западной коалиции и началом активного взаимодействия и соперничества мировых держав и соседних государств за сферы влияния в послевоенном Афганистане в проблематике индийско-пакистанского спора о дележе водных запасов Инда наметился новый аспект. Один из главных притоков Инда – река Кабул – берет начало на территории Афганистана и на первый взгляд никак не связан с индийско-пакистанским спором о разделе вод Инда. Однако

Индия в последние годы четко обозначила свои стратегические интересы в Афганистане и фактически конкурирует с Китаем за право называться главным иностранным инвестором в экономику этой страны. Один из проектов, к осуществлению которого при финансовой и технико-экономической поддержке Индии уже приступил Афганистан, – строительство гидроузла Кама на р. Кабул, способного еще больше повлиять на объемы стока Инда и негативно сказаться на экономике Пакистана¹⁷.

Проблемы водопользования в бассейне Инда имеют значение не только для межгосударственных индийско-пакистанских отношений, но вызывают и обострение внутренних проблем в обеих странах. В Индии это – постоянные трения между штатами Пенджаб и Харьяна. Для Пакистана проблема стоит еще более остро, поскольку вся территория страны находится в бассейне Инда, и от этой главной водной артерии зависит жизнь буквально каждого пакистанца. Центральная власть Пакистана во все времена отдавала преференции двум провинциям – Синду и Пенджабу, которые вели постоянную борьбу за сферы влияния. Это вызывало и продолжает вызывать естественное раздражение жителей других провинций, которые начинают выдвигать свои требования к правительству, вплоть до открыто сепаратистских, как в случае с одной из самых экономически отсталых провинций – Белуджистаном.

Китайские планы поворота тибетских рек и реакция Индии и Бангладеш

Если в бассейне Инда Индия выступает как «верхняя» страна, способная диктовать свои условия расположенному ниже по течению Пакистану, то в случае с бассейном другой великой реки Индостана – Ганга – Индия оказывается в двойственной ситуации. С одной стороны, она контролирует большую часть бассейна и является «верхней» страной по отношению к располагающейся в дельте Ганга Бангладеш. Так, плотина Фаракка, построенная в начале 1970-х годов в штате Западная Бенгалия менее чем в 20 км от границы с Бангладеш, предназначалась для вымывания ила и осадочных пород в р. Хугли (один из главных рукавов в дельте Ганга), с тем чтобы улучшить навигационные условия в порту Калькутты. Однако эта плотина уменьшила приток речной воды в Бангладеш, тем самым открыв доступ соленой морской воде к водотокам и сельскохозяйственным угодьям в прибрежных

низинах, что вызвало естественное недовольство бангладешской стороны¹⁸.

С другой стороны, один из важнейших притоков Ганга – Брахмапутра (Ярлунг-Цангпо по-тибетски) – берет начало с противоположной стороны Гималайского хребта, на Тибетском нагорье, и Индия и Бангладеш оказываются зависимыми от хозяйственной активности Китая в том, что касается управления водными ресурсами этой реки. В последние годы Китай приступил к активной реализации проекта переброски вод с юга на север (проект «Юг – Север»). Проектом предусматривается сооружение сети каналов – Восточного, Центрального и Западного, по которым в северном направлении, для орошения земель в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), будет перебрасываться часть стока рек Янцзы, Хуайхэ, Хуанхэ и Хайхэ. Общая протяженность каналов – 1300 км, и по ним будет ежегодно перекачиваться до 50 млн м³ воды.

При этом Китай, будучи естественным монополистом, не является участником ни одной международной конвенции (на Генеральной Ассамблее ООН он голосовал против Конвенции 1997 г.), а также ни одного из региональных многосторонних соглашений по использованию ресурсов трансграничных водотоков. Так, например, Китай не участвует на постоянной основе в работе Комиссии по реке Меконг, созданной в 1995 г. Таиландом, Лаосом, Камбоджей и Вьетнамом.

Все проблемы с соседями Китай предпочитает решать исключительно на двусторонней основе. При этом между Индией и Китаем какое-либо соглашение о дележе трансграничных водотоков отсутствует¹⁹. Это уже само по себе вызывает плохо скрываемое недовольство индийской стороны. «Уникальный статус Китая как источника трансграничных рек, текущих в наибольшее число стран мира, а также его споры из-за воды почти со всеми государствами, расположенными по течению этих рек, имеют серьезные последствия для его главного соседа на юго-западе – Индии», – отмечают Брахма Челлани и эксперт Центра Карнеги Эшли Теллис²⁰.

В ноябре 2010 г. Китай официально объявил о начале работ по перекрытию Ярлунг-Цангпо (Брахмапутры) в округе Шаньнань Тибетского автономного района, всего в 30 км от индийской границы. Строящаяся дамба должна стать основой для возведения электростанции мощностью 510 мегаватт. В индийской прессе почти сразу же появились сообщения, что дело не ограничится строительством ГЭС (это было бы наименьшим злом, поскольку

вода, используемая для производства электроэнергии, возвращается в реку). Заговорили о том, что воды Брахмапутры будут использованы для заполнения западного, самого проблемного и дорогостоящего канала в рамках проекта «Юг – Север» и что в планы Китая входит отвод 200 м³ воды в год²¹.

В начале 2013 г. в индийской печати появились сообщения о том, что в добавление к уже строящейся плотине Китай намерен возвести еще три плотины на Брахмапутре, что вновь обострило старые споры из-за воды²².

Озабоченность планами Китая высказала и Бангладеш. Однако бывший представитель этой страны при отделении ООН в Женеве Харун-ур-Рашид отметил с некоторым злорадством: «Если верить сообщениям, то Китай делает в отношении Индии то же самое, что сама Индия делала со своими трансграничными реками в отношении Бангладеш». И далее: «Китай не считает необходимым консультироваться, обсуждать и садиться за стол переговоров с Индией по вопросу о предполагаемой переброске вод с Тибетского нагорья. Но не может быть одних правил для отношений Индии и Китая и других – для отношений Индии и Бангладеш»²³.

Китайская официальная позиция состоит в том, что отвода рек из Брахмапутры не будет, поскольку это грозит непредсказуемыми экологическими последствиями и может нанести вред двусторонним отношениям. Однако и китайские авторы не отрицают планов масштабного строительства гидроузлов в верхнем течении Ярлунг-Цангпо.

Как отмечают некоторые авторы, Китаю следует опасаться возможных экологических последствий столь масштабных проектов, как «Север – Юг», не меньше, чем странам, располагающимся ниже по течению²⁴. Тем более что негативные экологические последствия такого масштабного проекта, как «Три ущелья» (Санься) на р. Янцзы, ощущаются уже сейчас: по данным Министерства земельных ресурсов Китая, число оползней в районе ГЭС выросло на 70% после того, как вода достигла максимального уровня в 2010 г. Из района строительства уже пришлось переселить 1,4 млн человек, еще как минимум 100 тыс. придется переселить в ближайшие три-пять лет. Кроме того, экологи предупреждают об опасности каскадных обрушений, поскольку гидроузел находится в сейсмически опасном районе²⁵.

Заключение

Всё вышесказанное только подчеркивает необходимость выработки универсальных, взаимоприемлемых для «верхних» и «нижних» стран и обязательных для исполнения правил. Выработка их возможна только на многосторонней основе. При этом главным камнем преткновения на этом пути остается позиция Китая – естественного монополиста и «верхней» страны по отношению ко всем без исключения соседям, предпочитающего решать все проблемы на двусторонней основе с позиции силы.

Помимо означенных выше проблем во взаимоотношениях Китая с соседями можно также отметить масштабные планы отвода вод трансграничных рек для нужд гидроэнергетики, нефтяной, других отраслей промышленности, орошаемого земледелия, животноводства в СУАР, которые влекут за собой негативные последствия и для соседей Китая на северо-западе и севере – Казахстана и России.

Эти планы в основном затрагивают такие реки, как Или, впадающую в расположенное на территории Казахстана озеро Балхаш, и Черный Иртыш – важнейший исток трансграничной реки Иртыш, протекающей по территории Китая, Казахстана и России.

Из-за перемены русла Черного Иртыша Россия уже недополучает свыше 2 км³ воды в год, из-за чего без воды могут остаться Омская, Курганская и Тюменская области РФ. По самым пессимистичным прогнозам, к 2020 г. русло Иртыша на всей территории Казахстана и вплоть до Омска, где в него впадает река Омь, может превратиться в цепь болот и стоячих озер. А это будет иметь катастрофические последствия для экономики и экологии не только Казахстана, но и российских областей Западной Сибири.

При этом многосторонний формат, в рамках которого можно было бы обсудить и попытаться разрешить проблему с учетом интересов всех сторон, существует. Это – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Все рассматриваемые страны либо являются полноправными членами ШОС, либо, как Индия и Пакистан, имеют статус наблюдателей и находятся в шаге от обретения полноправного членства.

В последнее время критики ШОС много говорили о том, что организация исчерпала свой потенциал и нужна только одному ее члену – Китаю – для установления своего доминирования в Центральной Азии²⁶. Однако если бы ШОС включила в повестку

дня вопрос о разработке региональной конвенции по водопользованию в Азии, это могло бы придать новый импульс и новый смысл ее существованию. В перспективе к такой конвенции могли бы присоединиться страны АСЕАН, у которых есть серьезные разногласия с Китаем по поводу дележа гидроресурсов Меконга, а впоследствии эта региональная конвенция могла бы стать основой для юридически обязательной всемирной конвенции.

Важно также добиться того, чтобы предполагаемое вступление Индии и Пакистана в ШОС в качестве полноправных членов не превратило эту организацию в арену нового противостояния, а наоборот – способствовало бы сглаживанию имеющихся проблем между ними, в том числе в сфере водопользования. Необходимо понимать, что попытка вести «игру с нулевой суммой» на практике, как правило, ведет к ситуации, в которой проигрывают все.

Поэтому только координация усилий всех заинтересованных сторон будет способствовать тому, чтобы мрачные прогнозы о «водных войнах», о которых говорилось в самом начале статьи, не сбылись.

Примечания

- ¹ Chellaney B. Averting Asian Water Wars. – Japan Times, October 2, 2008: <http://www.japantimes.co.jp/text/eo20081002bc.html>
- ² Water in a Changing World. – The United Nations World Water Development Report 3 (WWDR 3). – Paris: UNESCO, 2009.
- ³ Проблема пресной воды: Глобальный контекст политики России. Экспертно-аналитический доклад. – М., 2011. С. 7–8: http://www.mgimo.ru/files2/y06_2011/190229/IMI_Water.pdf
- ⁴ Quinn A. U.S. intelligence sees global water conflict risks rising. – Reuters, March 22, 2012: http://in.reuters.com/article/2012/03/22/climate-water-brahmaputra-idINDEE82L0DU20120322?feedType=RSS&feedName=rtpNews&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+reuters%2FINtopNews+%28News+%2F+IN+%2F+Top+News%29
- ⁵ См.: Соловьев В., Волхонский Б. Непреодолимые междуречья. – Коммерсантъ – Власть, № 37 (741), 24.09.2007: <http://www.kommersant.ru/Doc/806999>
- ⁶ Проблема пресной воды: Глобальный контекст политики России. – С. 32.
- ⁷ Кожантаева У. Водные ресурсы Центральной Азии никак не могут поделить. – Деловая неделя, 11.05.2008: <http://eurasianhome.org/xml/t/digest.xml?lang=ru&nic=digest&pid=2765&s=h53xql455wvuwxnruig3h4mg>
- ⁸ Жители Узбекистана должны жить без воды 8 лет, чтобы заполнилось Рогунское водохранилище – Каримов. – Kazakhstan Today, 08.10.2010: <http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&uin=1253258757&chapter=1153525867>

- ⁹ Грозин А. К чему приведет конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном? – Пресс-конференция, 11.04.2012: <http://lenta.ru/conf/grozin>
- ¹⁰ Рысбеков Ю. О двух «водных» Конвенциях ООН. – Навстречу 6-му Всемирному Водному форуму – совместные действия в направлении водной безопасности. Международная конференция, 12–13 мая 2011 г., Ташкент: http://sawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/discussion_note_2_wat_conv_rus.pdf
- ¹¹ Белокреницкий В. Пакистан – Индия: Конфронтационная стабильность? – Международные процессы. Т. 4. 2006, № 2 (11): <http://www.intertrends.ru/eleventh/003.htm>
- ¹² Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Водные войны в Пакистане. – Институт Ближнего Востока, 29.11.2007: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/29-11-07.htm#top>
- ¹³ Robert G. Wirsing and Christopher Jasparr. Spotlight on Indus River diplomacy: India, Pakistan, and the Baglihar dam dispute. – Asia-Pacific Center for Security Studies, May 2006: <http://www.apcss.org/Publications/APSSS/IndusRiverDiplomacy.Wirsing.Jasparr.pdf>
- ¹⁴ Dr. Gopal Siwakoti ‘Chintan’. Trans-boundary River Basins in South Asia: Options for Conflict Resolution. – International Rivers. Kathmandu, 2011: <http://www.internationalrivers.org/files/TransboundaryRiverBasins.pdf>
- ¹⁵ Gargi Parsai. India for arbitration of Tulbul row. – The Hindu, March 30, 2012: <http://www.thehindu.com/news/national/article3259314.ece>
- ¹⁶ Waslekar S. The Final Settlement. Restructuring India–Pakistan Relations. Mumbai: Strategic Foresight Group, 2005. – P. 59.
- ¹⁷ Abdul Rauf Iqbal. Water wars and navigating peace over Indus river basin. – Institute for Strategic Studies, Research & Analysis, National Defence University Islamabad, Pakistan. Monograph Vol. I, Issue II, 2010. P. 7: http://www.ndu.edu.pk/issra/issra_pub/Monograph_Vol_I_Issue_II.pdf
- ¹⁸ Harun ur Rashid. Proposed Diversion of Brahmaputra River by China. – http://www.sydneybashi-bangla.com/Articles/Harun_Diversion%20of%20Brahmaputra%20River%20by%20China.pdf
- ¹⁹ Chok Tsering. Changing Discourse on the Diversion of the Brahmaputra. – Institute of Peace & Conflict Studies. India – Articles, #3492, 18 November 2011: <http://www.ipcs.org/article/india/changing-discourse-on-the-diversion-of-the-brahmaputra-3492.html>
- ²⁰ Brahma Chellaney, Ashley J. Tellis. A Crisis to Come? China, India, and Water Rivalry. – Carnegie Endowment for International Peace, Washington, September 13, 2011: <http://carnegieendowment.org/2011/09/13/crisis-to-come-china-india-and-water-rivalry/54wg>
- ²¹ Hari Bansh Jha. Diversion of the Brahmaputra: Myth or Reality? – IDSA Comment. August 9, 2011: http://www.idsa.in/idsacomments/DiversionoftheBrahmaputraMythorReality_hbjha_090811
- ²² China to construct three more dams on Brahmaputra River. – Times of India, January 2013: <http://timesofindia.indiatimes.com/world/china/Ghina-to-construct-three-more-dams-on-Brahmaputra-river/articleshow/18257155.cms>
- ²³ Harun ur Rashid. Proposed Diversion of Brahmaputra River by China.
- ²⁴ Tashi Tsering. China's Plans to Divert Water on the Tibetan Plateau. – <http://www.asiapacificmemo.ca/china-plans-to-divert-water-on-the-tibetan-plateau>.

- ²⁵ Dangers from China's Three Gorges Dam may force another 100,000 people to be displaced. – Associated Press, April 18, 2012: http://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/dangers-in-chinas-3-gorges-region-may-force-another-100000-people-to-be-displaced/2012/04/18/gIQAhSrYPT_story.html
- ²⁶ См., напр., раздел «ШОС как инструмент экономической экспансии Китая в Центральной Азии». – Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. – М., 2013. – С. 86–90.

*«Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке»,
М., 2014 г., с. 530–542.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Конаровский,

кандидат исторических наук
(Центр изучения Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований
МГИМО (У) МИД России),
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Афганистане
в 2002–2004 гг.

АФГАНИСТАН НА ГРАНИ. ЧЕГО ЖДАТЬ РОССИИ ПОСЛЕ УХОДА ВОЙСК НАТО

После падения в 2001 г. режима талибов в Афганистане мировое сообщество проявляло излишний оптимизм, полагая, что афганский кризис наконец разрешен. Всё, однако, пошло по иному сценарию, хотя в принципе именно такого развития событий, какое мы наблюдаем сейчас, и можно было ожидать, исходя из исторических реалий. Более чем десятилетнее пребывание иностранных войск и массивные внешние финансовые вливания не обеспечили устойчивых военно-политических и экономических позиций новой власти в Кабуле и не подорвали влияние ее вооруженных оппонентов. Не достигнув поставленной цели, Североатлантический альянс начал с 2011 г. постепенный вывод континентов, который должен завершиться к концу текущего года.

Недавнее катастрофическое развитие событий в Ираке, где кажущаяся стабильность, построенная США за годы оккупации, осыпалась как карточный домик, стало наглядным примером того, что может случиться в Исламской Республике Афганистан (ИРА) после ухода оттуда международных сил. В более широком контексте это же свидетельствует и о степени ответственности, которую должен нести Вашингтон за инициируемые им конфликты.

По мере приближения даты вывода из ИРА основного контингента активизируется обсуждение сценариев возможного развития обстановки в этой стране и ее влияния на соседей, прежде всего Центральную Азию. Очевидно, что без национального умиротворения и вывода афганской проблемы из нынешнего тупика невозможно обеспечить стабильность и безопасность в и так взрывоопасном регионе, где взаимоотношения отягощены неразрешенностью застарелых проблем водопользования, подспудными взаимными территориальными претензиями, непростой этногеографической ситуацией и т.д. Нельзя исключать, что влияние на эту часть мира обстановки в Афганистане будет после 2014 г. большим, чем то, которое наблюдалось в период активного пребывания там иностранных войск.

Можно напомнить, что после прихода талибов к власти в середине 1990-х годов и в результате ослабления влияния таджикско-узбекских фракций на севере страны Кабул, по существу, был готов к экспансии и в Центральной Азии. В последнее время на севере Афганистана вновь оживились центральноазиатские военно-политические группировки, связанные с движением «Талибан», тем более их активность вероятна после 2014 г., и преуменьшать опасность влияния постнататовского Афганистана на положение дел в государствах Центральной Азии не стоит.

Дальнейшая дестабилизация обстановки неизбежно сказалась бы (через Центральную Азию) и на России, причем чем радикальнее режим в Кабуле, тем опаснее. Дополнительной питательной средой для давления на Россию изнутри может оказаться и перманентно возрастающее количество нелегальных эмигрантов из Центральной Азии, прежде всего из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Уже сейчас на российской территории участились случаи вербовки наемников и создания нелегальных центров распространения экстремистских идей. Тем более несостоятельны звучащие время от времени рассуждения о том, что Россия якобы умышленно раздувает страхи, чтобы обеспечить свое дополнительное влияние в регионе.

Последние наблюдения за политикой Пекина в регионе также свидетельствуют и о его стремительно растущей обеспокоенности малой предсказуемостью развития обстановки в Афганистане после 2014 г. и ее возможном деструктивном влиянии на северо-восточные мусульманские анклавы КНР. Подтверждением небеспочвенности таких опасений являются набирающие обороты антиправительственные выступления в Синьцзяне. Терроризм,

экстремизм разных мастей, а также проблема распространения наркотиков из Афганистана – всё это предмет общего беспокойства не только Москвы и Пекина, но и северных центральноазиатских соседей ИРА. В силу того что все эти страны (за исключением Туркменистана) входят в Шанхайскую организацию сотрудничества, вызовы с юга неизбежно должны предопределять повышение и ее активности в регионе, подталкивать к выработке общей согласованной линии. В этой связи многое будет зависеть от динамичности Москвы, к которой осенью этого года переходит годовичное председательство в «шестерке».

Растущую обеспокоенность деградацией обстановки в Афганистане представители государств – членов ШОС, а также стран-наблюдателей выразили в ходе политических консультаций в Москве в январе 2014 г. Отмечалась полная поддержка обеспечения стабильности и безопасности в ИРА, необходимость оказания международной помощи афганским силам безопасности после завершения миссии МССБ, выделялось значение координирующей роли ООН и широкого международного сотрудничества для достижения устойчивого мира и безопасности. Фактически впервые за последние годы (после международной конференции по Афганистану, созванной в России под эгидой ШОС в 2009 г.) вновь заявлено, что ШОС представляет собой удобную площадку для широкого диалога и согласования позиций «по всему комплексу вопросов обеспечения региональной безопасности». Это можно расценить и как готовность «шестерки» взять на себя гораздо более предметную роль в координации региональных усилий по урегулированию в Афганистане после 2014 г.

Приемлемое будущее

Дать точный прогноз развития событий в Афганистане после 2014 г. не решается никто. Наиболее оптимистичным сценарием было бы сохранение власти нынешним режимом и его способность обеспечить общую стабильность. В пользу того, что подобное возможно, эксперты приводят такой фактор, как благоприятные внешнеполитические условия, их коренное отличие от ситуации перед выводом советских войск в 1988–1989 гг. В последние годы проведены интенсивные мероприятия по укреплению центральной власти и формированию Афганских национальных сил безопасности (АНСБ) – армии, центральной и местной полиции, ВВС, а также «сил общественной защиты».

Вместе с тем тезис о том, что афганские силы безопасности заинтересованы поддерживать порядок в стране, поскольку теперь будут бороться за свое выживание, не доказан. Среди военнослужащих (особенно рядового состава) вряд ли много принципиальных сторонников нынешней власти. Успехи движения талибов в середине 1990-х годов объяснялись не столько поддержкой населения, сколько его усталостью от войны и нестабильности, разочарованием тем, что правительство моджахедов не обеспечило мир и развитие. Поэтому когда после 2014 г. официальный Кабул останется один на один со своими противниками, АНСБ как минимум столкнутся с риском резкого ослабления своего боевого потенциала. Ведь и сейчас, несмотря на меры организационно-стимулирующего характера, дезертирство является одной из наиболее серьезных проблем, что резко снижает способность сил правопорядка самостоятельно обеспечивать безопасность.

Вероятная угроза нового витка кризиса очевидна по количеству вооруженных вылазок и террористических актов талибов. О неуверенности Вашингтона и НАТО в будущем свидетельствовал отказ от планов сокращения после 2015 г. общей численности АНСБ до 228 тыс. человек и сохранения до 2017 г. их финансирования на уровне до 352 тыс. человек. Вместе с тем в дальнейшем командование МССБ приняло решение не наращивать силы безопасности, зафиксировав их на уровне 195 тыс. человек, а сконцентрироваться на повышении качества подготовки и оснащения их личного состава.

Буксует коренной процесс, связанный с национальным примирением. Враждующие стороны пребывают на крайних, запросных позициях. Талибы не заинтересованы в переговорах и рассчитывают, что после ухода США и НАТО власть на большей части территории так или иначе достанется им. Противники примирения не гнушаются террора: достаточно вспомнить громкую акцию устрашения в Кабуле в конце января 2014 г., когда в результате террористической атаки в центре города погиб 21 иностранец. То, что правительству удалось почти предотвратить террористические акты в период недавних президентских и провинциальных выборов, – хороший знак, но скорее исключение. Ведь безопасность была обеспечена за счет беспрецедентных мер, которые не могут поддерживаться долго. Как в период противостояния моджахедов с НДПА в 1980-е годы, морально-политический перевес в значительной степени на стороне повстанцев. Мощным внешним фактором поддержки движения является неослабевающий потенциал

исламского экстремизма и терроризма в мире, «арабская весна», затяжной военно-политический кризис в Сирии, рост исламизации в Пакистане и усиление влияния пакистанских талибов на соотношение политических сил в Исламабаде, а также последние события в Ираке. Более широкую и благоприятную субрегиональную среду для противников режима Хамида Карзая формирует и магистральная тенденция на постепенную «архаизацию» Центральной Азии.

Несмотря на разобщенность, маловероятно, что талибы будут стремиться к серьезным переговорам с Кабулом, тем более на условиях уходящего с политической арены президента Карзая – прекращение ими боевых действий, признание нынешней Конституции и политического строя. С другой стороны, требования талибов также неприемлемы для нынешних властей: освобождение заключенных сторонников, формирование переходного правительства и принятие новой Конституции на основе шариата. Противоборство продолжится, и здесь многое будет зависеть от новой президентской команды Кабула, которой явно придется выработать и формулу переговоров с вооруженной оппозицией.

Одним из наиболее серьезных внутривнутриполитических вызовов Афганистану будет оставаться межэтническая проблема на фоне значительного за последние десятилетия роста самосознания и политической активности национальных меньшинств (прежде всего таджиков, узбеков и хазарейцев), чему способствовало в свое время и пребывание у власти НДПА. Некоторые аналитики даже предлагают конфедеративное устройство по признаку национальных анклавов (Север, Центр и крайний Юго-Запад – национальные меньшинства, вся остальная территория – пуштуны). Реализация такого сценария, однако, крайне затруднительна из-за отсутствия в Афганистане четких границ проживания каждой конкретной народности, да и политически. Это могло бы спровоцировать новый виток гражданской войны и подтолкнуть дезинтеграционные процессы в более широком геополитическом пространстве. В этом же контексте весьма чувствительным для страны остается вопрос, кто будет следующим президентом – пуштун Ашраф Гани или панджшерский таджик Абдулла Абдулла.

Особо значимым вопросом в перспективе останутся судьба иностранной помощи Афганистану и ее источники. От ее размеров в значительной степени будет зависеть успех не только оптимистичного, но и промежуточного – наиболее вероятного сценария развития обстановки в ИРА. Кабулу, как справедливо отмечают

наблюдатели, крайне необходима позитивная повестка дня, содействие в реализации которой могло бы эффективно проявляться и через многосторонние программы. Такую миссию мог бы взять на себя Стамбульский процесс (СП). Запущенный в 2011 г. по инициативе Кабула и Анкары, он поставил задачу объединить усилия правительства Афганистана и его соседей для всестороннего сотрудничества в области безопасности и экономического развития ИРА при признании ее роли как важнейшего связующего звена в рамках всего региона. В июне 2012 г. министры иностранных дел участников СП наметили семь приоритетных направлений многосторонних мер, а на встречах старших должностных лиц в 2013 г. конкретизированы совместные действия, поддержаны планы сотрудничества региональных стран с ИРА, особо отмечено их значение в свете предстоящего вывода иностранных войск.

Однако масштабных практических действий на совместной основе пока не заметно, и процесс буксует. Такие влиятельные соседи Афганистана, как Пакистан, Индия и Иран, предпочитают развивать хозяйственные связи с Кабулом на двусторонней основе. Аналогичная ситуация наблюдается и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, включающей непосредственных соседей Афганистана – Китай, Узбекистан и Таджикистан, а также более отдаленных – Россию, Казахстан и Киргизию. Тем не менее нельзя исключать каких-либо подвижек на предстоящей в августе очередной встрече министров иностранных дел участников СП.

Что касается ведущих стран Запада, то они обязались оказывать СП всемерную поддержку, в том числе материальную, оставаясь на втором плане. Такая линия может являться еще одним подтверждением того, что ни США, ни их союзники больше не стремятся сохранять лидирующую роль в афганских делах и готовы переложить всю полноту ответственности за социально-экономическое развитие на региональные государства. Такой же вывод можно сделать из речи президента Обамы в военной академии Вест-Пойнт. Помимо декларации о сохранении в Афганистане до 2016 г. около 10 тыс. американских военнослужащих (для содействия в подготовке афганских военных и борьбы с терроризмом) в его словах читалось намерение сокращать и материальную помощь Кабулу.

Американские искания

Несмотря на резкое охлаждение отношений с Россией в связи с кризисом на Украине и приостановлением сотрудничества по линии Совета Россия – НАТО, представители администрации Соединенных Штатов говорят о заинтересованности во взаимодействии с Россией на ряде направлений. В частности, речь идет об Иране (тем более что последние события в Ираке все больше подталкивают Вашингтон к Тегерану) и Сирии. На фоне поиска в США обновленных форм сотрудничества с республиками Центральной Азии – членами ШОС и ОДКБ – отмечается и интерес к сотрудничеству на афганском поле и с Россией, а также с Китаем. Правда, если применительно к Пекину на рабочем и экспертном уровнях рассматривают совместный не только гражданский, но и даже военный аспект (к примеру, подготовка афганских военных), то в связи с Россией каких-либо новых идей помимо завершающихся проектов (поставка в ИРА российских вертолетов, «Северная распределительная сеть» снабжения и т.д.) не высказывается. Что же касается Центральной Азии, то, как и в первые годы афганской кампании, Вашингтон видит сотрудничество не только сквозь призму задач по тыловому обеспечению вывода войск НАТО, но и в интересах сохранения возможности следить за этим чувствительным для интересов России, а также Китая регионом.

С другой стороны, правящие элиты центральноазиатских государств намерены использовать ситуацию в своих интересах, в том числе в диалогах с Москвой и Пекином. Особо заметна такая линия в Ташкенте, что активно поощряется Белым домом, который хорошо осознает особое место Узбекистана в Центральной Азии, а также в структуре «Северной распределительной сети» транспортировки афганских грузов НАТО. Этому способствует и перманентное стремление Ташкента обеспечить себе привилегированные позиции на севере Афганистана за счет этнического фактора и контроля основных транспортных артерий. Объективно интересам Вашингтона отвечает и выход Узбекистана из ОДКБ в 2012 г., после чего расширились ее контакты с НАТО.

Серьезное внимание на центральноазиатском направлении США уделяют и динамично развивающемуся Казахстану, который в перспективе способен стать лидирующей силой в регионе, в том числе благодаря растущему авторитету Астаны на мировой арене. Заметный интерес к военному сотрудничеству с Соединенными

Штатами проявляют Таджикистан и Киргизия, которые из всех центральноазиатских соседей ИРА наиболее уязвимы в случае обострения обстановки. Вместе с тем некоторые западные политологи сомневаются в наличии у США серьезных стратегических или коммерческих целей в Центральной Азии, и интерес Вашингтона, по их мнению, заключается лишь в противодействии непосредственным угрозам Соединенным Штатам и Западу. Однако само понятие «угроза» может трактоваться по-разному и зависит от того, какие политические и иные интересы выдвигаются в каждый конкретный момент. В этом же контексте обращает на себя внимание расплывчатость того, как администрация Барака Обамы понимает «переходность» предстоящего периода в Афганистане и вокруг него.

Нежелательное будущее

Негативные сценарии развития событий, к сожалению, более реалистичны. К ним относятся возможность сохранения лишь частичного контроля центральных властей над территорией; де-факто географическая и политическая фрагментация страны; затяжное гражданское противостояние; полное возвращение талибов к власти. В этой связи, скорее всего, следует быть готовыми к наиболее сложным и комплексным вариантам развития событий с учетом того, что будущий режим в Кабуле будет исламским и традиционалистским. Однако в настоящее время можно лишь строить догадки о степени его консервативности и враждебности всему неисламскому. Поэтому требуется международная солидарность и сотрудничество по принципиальным вопросам, связанным с развитием обстановки в ИРА и формулированием Кабулом обновленной концепции своих взаимоотношений с внешним миром. В этой же связи сами по себе новые президентские выборы в стране не приведут к ослаблению внутренней напряженности.

Перед новыми властями после Карзая так и останутся чрезвычайно сложные и комплексные задачи, прежде всего по обеспечению хотя бы минимального уровня безопасности и стабильности для поиска национального консенсуса. Крайне важно, чтобы приход новой команды не привел к новому очагу межэтнической и иной напряженности среди элит.

Если ранее задача избежать ползучей «талибанизации» из Афганистана волновала прежде всего соседей с севера, то в последнее время проблема все больше беспокоит и Исламабад –

талибы, первоначально возвращенные для ИРА, теперь периодически угрожают стабильности самого Пакистана. Выдвигаемые в том же контексте идеи «нейтрализации» Афганистана под политические гарантии соседей и мировых держав в определенной степени перекликаются с предложением России (поддерживаемым странами ШОС) о возвращении страны к нейтральному статусу, который был зафиксирован в Конституции страны 1964 г. Представляется, что любое будущее правительство Афганистана, даже самое одиозное, на внешнеполитической арене только выиграло бы от провозглашения такого статуса.

Исходя из уроков прошлого, важно окончательно прояснить дальнейшие реальные намерения США и НАТО в Афганистане, чтобы снять обеспокоенность, которая сохраняется у России, Китая, а также некоторых других государств. Пока же маневры Вашингтона вокруг этой страны не дают окончательных ответов. Если американцы действительно намерены уйти из ИРА после 2016 г., то соседние с ним государства вправе спросить, какое наследство НАТО оставляет для будущего страны и всего региона. Ведь остальные страны не должны расплачиваться за стратегические ошибки, совершенные в Афганистане. Еще несколько месяцев назад важным проявлением солидарности международного сообщества перед лицом будущих вызовов с территории ИРА могло бы стать укрепление сотрудничества по линии Совет Россия – НАТО, а также ее контакты с ОДКБ. Сейчас об этом говорить не приходится. Однако необходимость этого не исчезла. Содержательные связи между этими организациями могли бы содействовать эффективности взаимодействия как в общем мониторинге обстановки в Афганистане, так и в реализации при необходимости совместных программ с Россией, о чем некоторые говорят в Вашингтоне. В более широком контексте это способствовало бы и снижению уровня напряженности между Западом и Москвой.

В любом случае должна активно продолжаться самостоятельная линия на дальнейшее укрепление южного фланга ОДКБ, повышение ее предметного присутствия на центральноазиатском направлении. В этом же русле России следует работать и над развитием двусторонних военных связей с Узбекистаном, хотя, конечно, неучастие этой страны в ОДКБ объективно ослабляет региональные позиции организации. 2014 год не только не поставит точку в афганском урегулировании, но станет предтечей новых вызовов как для непосредственных соседей ИРА, так и для России. Москве вне зависимости от развития обстановки в Афганистане

и вокруг него следует действовать осмотрительно и на основе консенсуса с другими заинтересованными государствами, прежде всего членами ШОС и наблюдателями при ней, всемерно избегая односторонней вовлеченности во внутриафганские дела. Это имело бы самые негативные последствия для национальных интересов России на региональной и мировой арене. На фоне же резко ухудшившихся российско-американских отношений Вашингтон может начать косвенно провоцировать именно такой сценарий.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., т. 12, № 3, май-июнь, с. 186–194.*

С. Демиденко,

кандидат исторических наук

(Институт стратегических оценок и анализа)

ИРАК: СМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

Итак, в Ираке произошла смена власти. 11 августа 2014 г. президент страны Фуад Масум поручил сформировать новый кабинет Хайдеру Аль-Абади. Так закончилось многолетнее правление премьер-министра Нури Аль-Малики, прошедшего удивительный политический путь от непримечательного функционера партии «Ад-Даава», заместителя ее главы Ибрагим аль-Джаафари, до фактически авторитарного правителя Ирака – правителя, которого многие считали «новым изданием» Саддама Хусейна.

Где-то на рубеже 2006 и 2007 гг. мне, тогда еще начинающему исследователю, довелось беседовать с опытным американским экспертом-востоковедом Теодором Карасиком (ныне – ведущий эксперт центра военного и политического анализа iNEGMA в Дубае¹). На тот момент ситуация для американских войск в Ираке была критической – росли потери в живой силе, война поглощала всё больше бюджетных средств, пацифистские настроения набирали силу, а сам Ирак с февраля 2006 г. (после подрыва суннитскими экстремистами Золотой мечети в городе Самарра) начал погружаться в пучину полномасштабной гражданской войны. Мы с г-ном Карасиком обсудили текущую ситуацию, и на мой вопрос, какой же наиболее приемлемый выход из нее он видит, г-н Карасик ответил: «Ираку нужен новый Саддам Хусейн!»

---

¹ URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/07/21_a_6127437.shtml

В каком-то смысле тогдашнюю позицию г-на Карасика разделяли и в американской администрации. Самым лучшим подтверждением данного тезиса стало то, что возвышение Аль-Малики, его превращение в авторитарного правителя, началось именно в тот период, когда все государственные структуры обновленного Ирака достаточно плотно контролировались из Вашингтона.

Так, еще в 2007 г. Аль-Малики начал формировать, в обход Министерства обороны, подчиняющуюся только ему антитеррористическую структуру – Ставку верховного командования, которая была укомплектована лояльными премьеру офицерами¹. Американцы закрыли глаза на такое, казалось бы, вопиющее нарушение демократических процедур. В апреле того же 2007 г. США передали командование войсками специального назначения иракскому правительству (читай – Аль-Малики), что еще больше укрепило позиции недавно еще полностью зависимого от шиитских радикалов главы кабинета министров (прошло не так уж много времени, и американские эксперты стали называть иракских командос «преторианцами» и «Федаинами Аль-Малики»), по аналогии с широко известными «Федаинами Саддама»². На этот раз американцы смолчали. И, наконец, в 2009 г. Аль-Малики отправил в отставку стопроцентно проамериканского главу иракской разведки Мохаммеда Аль-Сахвани, который был заменен на очередного «человека Аль-Малики» Шервана Аль-Ваели³. Со стороны Вашингтона снова тишина.

Набор приведенных выше фактов как нельзя лучше свидетельствует в пользу того, что если не при прямой поддержке США, то уж, во всяком случае, при их молчаливом попустительстве Аль-Малики начал превращаться в авторитарного правителя, контролирующего основные силовые ведомства страны. По всей видимости, Иран также оказывал поддержку Аль-Малики, как политику более или менее знакомому, выходцу из созданной при его непосредственном участии партии «Ад-Дава».

Вообще на первых порах кандидатура Аль-Малики, предложенная на высший государственный пост его на тот момент патроном и временным главой Ирака И. Аль-Джаафари, выглядела как паллиативная. В начале 2006 г. в иракском парламенте боро-

---

¹ URL: <http://www.opendemocracy.net/toby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki>

² Там же.

³ Там же.

лись несколько крупных фракций – шиитские радикалы – сторонники Муктады Садра (в высший законодательный орган прошли по спискам Объединенного иракского альянса), с одной стороны, и сунниты, которых поддерживали относительно умеренные шиитские фракции (в первую очередь представители Высшего исламского совета Ирака, на тот момент носил название Высший совет исламской революции в Ираке, во главе организации стоит род Аль-Хакимов), – с другой¹. Радикалы продвигали Джаафари, который и был избран с перевесом в один голос, а их оппоненты высказывались в пользу Адила Абд Аль-Махди. Несмотря на формальную победу Джаафари, оппозиция не признала его премьером. В этой связи был достигнут компромисс – противоборствующие стороны отозвали своих кандидатов. И на их месте появилась слабая и зависимая на тот момент фигура нового премьера².

Однако возвышение Аль-Малики началось достаточно быстро. Весьма неприятный момент он пережил в 2008 г., когда началось восстание шиитских радикалов во главе с Муктадой Садром. Видимо, радикальный лидер понял, что контроль над правительством и парламентом, который, казалось, был у него в руках, ускользает, а тот, кого он считал марионеткой, начинает самостоятельную политическую игру. Восставшие захватили несколько городов и уже угрожали расправой самому Аль-Малики, но в дело, как обычно, вмешались американцы (и, по всей видимости, иранцы), и Ас-Садр вынужден был отступить.

Помимо, безусловно, выдающихся личных качеств, возвышением своим нынешний иракский премьер обязан в значительной степени стечению исторических обстоятельств. В качестве сильного лидера он был востребован и американцами, и иранцами, которым Аль-Малики был приятен в том числе в силу своей профессиональной принадлежности.

Иракский премьер всегда подчеркивал, что главной его целью является борьба с сепаратизмом. Однако жесткость его усилий на данном поприще изливалась в первую очередь на суннитов, которые рассматривали проблему нарушения спецслужбами и полицией прав человека через призму захвата шиитами ключевых постов в государстве. пытки, смертные казни, незаконные задержания, преследования по политическим мотивам, убийства демонст-

---

¹ Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации. – М., 2007. – С. 494.

² Там же.

рантов стали обыденностью для Ирака периода правления нового премьера¹. Несмотря на это американцы продолжали верить в то, что «железная рука» приведет страну к спокойствию. Они даже после вывода своих войск в 2011 г. снабжали иракские силы специального назначения и армию вооружениями и обучали их².

Параллельно активнейшим нападкам со стороны Аль-Малики подвергались суннитские политические деятели. Так, всем специалистам памятна история вице-президента Ирака Тарика Аль-Хашими, суннита по вероисповеданию, который вынужден был бежать из страны, поскольку являлся оппонентом действующего премьера-шиита. Главной претензией официального Багдада к Аль-Хашими была якобы поддержка вице-президентом терроризма. Сам же Аль-Хашими говорил, что только лишь защищал своих единоверцев от нападков Ирана и проиранских сил в Ираке³. Не так давно в отставку подал еще один видный суннит – министр финансов Рафия аль-Исави. При этом вынудили его пойти на этот шаг после того, как нескольким членам его окружения также были предъявлены обвинения в пособничестве террористам⁴. А незадолго до этого под домашний арест угодил помощник главы правительства Салех Аль-Мутлаг⁵.

Межконфессиональная рознь в Ираке тесно переплетена с политической борьбой. Оппозиционеры-сунниты блокируются вокруг крупного парламентского объединения «Аль-Иракия», возглавляемого шиитом по вероисповеданию, но при этом проводником прозападного курса в Ираке – Айядом Алауи. Блок «Аль-Иракия» является главным оппонентом созданной Аль-Малики партии «Государство закона». Таким образом, вытесняя с политического поля суннитских политиков, премьер не только боролся с сепаратизмом центральных областей, но и ослаблял главного своего оппонента. Про Айяда Алауи надо сказать особо. Он, так же, как и Аль-Малики, был выходцем из рядов антисаддамовских

---

¹ См., например: URL: <http://www.opendemocracy.net/toby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki> ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 6 февраля 2014 г. 13:22. ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 23 апреля 2014 г. 14:17. ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 25 апреля 2014 г., 19:12.

² URL: <http://www.opendemocracy.net/toby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki>

³ URL: <http://www.ru.euronews.com/2012/04/25/tariq-al-hashimi-iraqi-vice-president-iran-is-behind-sectarian-strife/>

⁴ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 1 марта 2013 г. 17:49.

⁵ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 30 октября 2013 г., 20:38. ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 26 декабря 2013 г. 19:18.

сил, но в отличие от премьера, который с самого начала своей карьеры оппозиционера был ориентирован на Иран, выражал интересы западных стран¹. Алауи в 2004 г. был временным премьер-министром, однако потом был заменен на проиранского Джаафари. Есть мнение, что именно Алауи планировался американцами на должность «нового Саддама», однако из-за необходимости в тот момент плотно работать по иракской проблематике с Тегераном в Вашингтоне согласились на «паллиативного» Аль-Малики². С тех самых пор Алауи – главный противник действующего премьера.

Контроль над спецслужбами и войсками специального назначения, жесткие репрессии в отношении суннитов, которых Аль-Малики считал главной угрозой территориальной целостности Ирака, а также поддержка (тайная и явная), оказываемая премьеру со стороны США и Ирана, привели к росту влияния в центральных областях Ирака радикальных исламистов. Тенденция, которая, казалось бы, была побеждена еще в конце первой декады 2000-х годов, начала возрождаться. Центральные районы вновь стали пристанищем для большого количества различного рода экстремистских группировок, которые позиционировали себя как защитники суннитского населения от произвола «безбожных» шиитов.

Нельзя не сказать, что повышение популярности суннитских экстремистов напрямую связано с событиями, происходящими в Сирии. Именно там родились и возмужали те организации, которые ныне потрясают хрупкие устои иракской государственности, – «Джабхат Ан-Нусра» и «Исламское государство Ирака и Леванта».

Заявляя о себе как о политике всеиракского масштаба, как о лидере, готовом подавлять сепаратизм самым жестким образом, Аль-Малики перегнул палку, забыв, видимо, что Ирак 1960–1970-х годов и Ирак нынешний – две, как говорят в Одессе, большие разницы. Сегодняшний Ирак, это страна, где серьезным образом подточены устои национальной государственности, где каждая крупная политическая группа имеет свои вооруженные формирования, где фактически нет национальной армии (а именно такое впечатление складывается после победного шествия на Тикрит и Мосул отрядов исламистов) и где основные этнорелигиозные общины

---

¹ URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2005/01/24/a-man-of-the-shadows>

² URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/06/22/Moscow-seeks-to-play-negotiator-Riyadh-holds-the-keys.html>

настроены на «нецивилизованный развод». В этих условиях чрезмерная жесткость Аль-Малики натолкнулась на противодействие со стороны суннитов, которые к этому моменту уже имели недюжинный военный опыт и политическую поддержку со стороны Саудовской Аравии и Катара (в 2013 г. иракское правительство запретило вещание на территории страны «Аль-Джазиры»¹, а также пыталось закрыть посольство Катара, вследствие поддержки, которую эмират оказывает суннитским боевикам²).

Иракский премьер попросту переоценил свои силы. Борьба с сепаратизмом в Ираке носила весьма однобокий характер, поскольку подавлять сепаратизм курдов, создавших фактически к настоящему моменту свое самостоятельное государство, было весьма сложно, бороться с шиитскими радикалами, имеющими поддержку Ирана и местных религиозных лидеров, – и того сложнее (здесь Аль-Малики мог натолкнуться не только на противодействие мощных вооруженных группировок, но и на фронду виднейших аятолл). Арабы-сунниты (подавляющее большинство иракских курдов также являются, пусть и формально, но суннитами), с их раздробленностью по племенному и политическому признакам и патологическим неприятием шиитов, как нельзя лучше подходили на роль главных иракских сепаратистов. Фактически Аль-Малики стал заложником политических обстоятельств, когда, с одной стороны, должность от него требовала активных усилий по сохранению территориальной целостности страны (этого же ждали и поддерживающие его американцы), а с другой – особенного простора для маневра в этом вопросе у Аль-Малики не было. И именно это стало главной ошибкой «нового Саддама». Своими крайне недальновидными действиями в отношении суннитов и их политических лидеров Аль-Малики добился того, что фактически уже побежденные в Центральном Ираке исламисты вновь подняли голову. Мало того, к ним стали присоединяться бывшие баасисты, которые на протяжении долгого времени были одними из главных врагов религиозных радикалов (в начале июля 2014 г. поступило сообщение о гибели в боях за Тикрит с иракскими коммандос сына бывшего ближайшего помощника Саддама Хусейна Иззата Ибрагима Аль-Дури³).

---

¹ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 29 апреля 2013 года. 14:55.

² ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 12 марта 2013 года. 13:06.

³ URL: <http://www.iraqinews.com/iraq-war/dori-s-son-killed-m-tikrit/>

Получив поддержку значительной части населения, исламисты, теснимые в Сирии войсками Башара Асада, перешли границу и вступили в бой с иракской армией. Армией, которая оказалась во много раз более слабой и дезорганизованной, нежели военные части САР. В общем-то парадокс политической активности исламистов заключается в том, что исповедуемая ими идеология является идеологией перманентной борьбы. Поэтому для них не имеет значения, где строить халифат. Не получается в Сирии – нет проблем! Начнем строить его в Ираке. Не выйдет там, пойдём ещё куда-нибудь. Для исламистов важен сам процесс – бороться во имя божье с бедами (нововведениями), ересями, очищать ислам от скверны. Ежедневно и ежеминутно доказывать свою верность высшим заветам и исполнять возложенную свыше миссию. В этих условиях радикалы всегда становились властителями дум притесняемых иноверцами или «отступниками» мусульман. В случае с Ираком, где сунниты уже не один год подвергались репрессиям со стороны премьер-шиита, исламистский ренессанс не кажется таким уж удивительным.

Сегодня почти треть Ирака находится под контролем суннитских боевиков. В их власти Тикрит, Рамади, печально известная Эль-Фаллуджа, Мосул, Кербела. Эти территории составляют так называемое Исламское государство Ирак (так теперь величает свою организацию глава «Исламского государства Ирака и Леванта» Абу Бакр Аль-Багдади, в миру – Ибрагим Аль-Бадри¹). Армия и спецслужбы пасуют перед активностью радикалов, парализована работа парламента (сессия, в ходе которой должны были состояться выборы спикера, перенесена на август²). Эффективное сопротивление исламистам оказывают лишь курды, которые под шумок прибрали к рукам желанный Киркук и тут же заговорили о возможном отделении от Ирака³ (против этого выступают Турция и Египет. Новый президент АРЕ Ас-Сиси даже назвал перспективу появления на карте региона курдского государства «катастрофической»⁴).

---

¹ URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27801676>

² URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/07/Iraqi-parliament-postpones-key-session-to-Aug-12.html>

³ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2506256>

⁴ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/06/Egypt-s-Sisi-says-independence-for-Iraq-s-Kurds-would-be-catastrophic-.html>

Итог правления Аль-Малики таков: Ирак разваливается, и без того нестабильный регион еще больше лихорадит.

Так кем же он был, премьер-министр Аль-Малики? Новым изощренным диктатором-интриганом, тонко чувствующим этноконфессиональную конъюнктуру, или же неплохим, но всё-таки заурядным политиком, ставшим заложником изменившихся политических обстоятельств? Думается, что именно второе. Аль-Малики при поддержке американцев и с молчаливого согласия Ирана сосредоточил в своих руках огромную власть, однако распорядиться ею грамотно и правильно так и не сумел. Все усилия премьера по «собираению» Ирака и созданию эффективных национальных армии и полиции рассыпались в прах при первой же серьезной опасности. В этой связи и американцы, и иранцы без сожаления расстались с Аль-Малики.

Иранцы, которые крайне опасаются разрастания влияния суннитских радикалов около своих границ, уже давно давали на официальном уровне понять, что готовы работать не только с Аль-Малики, но и с любым другим политиком, которого выберет иракский парламент¹. Со стороны США обида двойная – Аль-Малики не только не стал для Белого дома «своим человеком», постоянно заигрывая с Ираном и не препятствуя тому, что иракские шииты воевали на стороне Башара Асада в Сирии², но и провалил все усилия по стабилизации ситуации в стране и созданию эффективных национальных сил безопасности.

И вновь перед Ираком встает вопрос – так кто же выведет его из кровавого тупика? Будет ли это новый премьер-министр Аль-Абади или же на политическом небосклоне страны взойдет новая звезда? Думается, что Аль-Абади фигура временная. Сейчас и для США, и для Ирана очень важно, чтобы перед лицом разрастающейся опасности суннитского радикализма в стране поддерживался бы нынешний этноконфессиональный статус-кво, основанный на союзе курдов и шиитов (Аль-Абади – представитель партии «Ад-Даава», Масум – Патриотического союза Курдистана, как и прежний глава страны Д. Талабани). Однако вряд ли этот союз будет иметь долгосрочный характер. Как только ситуация более или менее стабилизируется, американцы, пользуясь всемер-

---

¹URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/06/Iran-backs-Maliki-as-Iraq-PM-but-prepared-for-change-.html>

² См., например, официальное заявление главы МИД Ирака по этому поводу: ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 28 июня 2013 года. 16:06.

ным ослаблением региональных позиций Ирана, наверняка попытаются поставить у руля в Ираке «своего» политика. Этим «своим» с большой долей вероятности может оказаться Айяд Алауи. Он, как оппозиционер, представитель этнического большинства, а также абсолютно лояльный Западу политик (имеющий, как говорят, и связи в Эр-Рияде¹), вполне подходит для этой роли. Однако Ирак страна непредсказуемая (в силу очень высокой зависимости от внешнего влияния). Изменение направления политических ветров может привести к власти в Багдаде совершенно новую политическую фигуру, на которую вдруг сделают ставку в Тегеране и Вашингтоне.

Не будем забывать, что и Нури Аль-Малики в 2006 г. никто не воспринимал всерьез.

«Вестник аналитики», М., 2014 г., № 3, с. 116–123.

Н. Кисовская,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
**МУСУЛЬМАНЕ НА АПЕННИНАХ:
ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ИНТЕГРАЦИИ**

За последние 30 лет в Италии стремительно росла численность мигрантов, составившая с учетом нелегалов к концу 2010 г. 5,3 млн². Но мусульман здесь меньше, чем в ведущих странах Запада, – около 1,5 млн³, включая 200–300 тыс. нелегалов. Как и повсюду в Старом Свете, присутствие мигрантов-мусульман стало заметным фактором общественного развития. Но их влияние неоднозначно. Иноцивилизационный характер общины привел к радикальным социокультурным⁴ и политическим изменениям, вызвав обострение межэтнических и межрелигиозных проблем. Исламизм и терроризм создали угрозу безопасности и социально-

---

¹ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/06/22/Moscow-seeks-to-play-negotiator-Riyadh-holds-the-keys.html>

² Животовская И.Г. Италия: Опыт борьбы с нелегальной иммиграцией. Доступ: <http://www.perspektivy.info/srez/val/italija-opyt-borby-s-nelegalnoj-immigracijej-2011-01-13.htm>

³ Pacini A. I musulmani in Italia: una presenza plurale // Chiesa e Islam in Italia. Esperienze e prospettive di dialogo. A cura di Andrea Pacini. – Milano: Paoline, 2008, p. 17 (далее: Chiesa e Islam in Italia).

⁴ Италия утратила этнорелигиозную гомогенность – сегодня в ней проживает свыше 150 этносов.

политической стабильности страны, что способствовало усилению правонационалистических сил. Но мусульманские мигранты играют и позитивную роль в сохранении демографического баланса и вносят, как правило, больший вклад в экономику, чем расходы на их прием. Кроме того, в мусульманской общине идет борьба между радикалами и их противниками. Хотя ее исход зависит от многих факторов, в том числе международных, в наибольшей мере на него влияет качество миграционной и интеграционной политики.

Мусульманский вопрос расколол партию и гражданское общество Италии. Разногласия между чередующимися у власти право- и левоцентристскими блоками сопровождались резкой сменой подходов к концепции интеграции мусульман. Левоцентристы из солидарности с мигрантами последовательно проводили принцип равенства их прав с гражданами Италии и предоставления широких социальных возможностей иностранцам, получившим разрешение на проживание. Но предложенные ими механизмы и инструментарий были малоэффективны. Приход в начале века правоцентристов, рассматривавших – по примеру ФРГ – мигрантов как временных гостей (гастарбайтеров), ознаменовал победу минималистского понимания интеграции. Закон 2009 г. предлагает мигрантам, впервые получающим вид на жительство, подписать «Договор об интеграции» и за два года набрать определенное количество баллов, которыми оцениваются знание итальянского языка, истории, правовых норм, а также владение рядом навыков.

Противоречивость подходов не способствовала формированию правовой базы и в сфере политико-культурной интеграции. На Апеннинах серьезно затруднено получение гражданства мигрантами. Кроме того, Италия не ратифицировала положение Европейской конвенции 1994 г. об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне, предусматривающее их право после пяти лет легального проживания в стране избирать и быть избранным в местные органы власти. Практически единственной формой участия мигрантов в политике стали выборные консультативные советы при муниципалитетах. Число депутатов – мусульман всех уровней в Италии гораздо ниже, чем в других странах. Лишь с конца прошлого десятилетия ведущие партии стали включать в списки кандидатов в депутаты по крайней мере одного мусульманина, а в правительство, возглавляемое левоцентристом Э. Леттой, в 2013 г. вошла С. Куэнж, чернокожая уроженка из Демократической Республики Конго.

При разработке концепции культурной интеграции мигрантов Италия отвергла как ассимиляцию, так и мультикультурализм (последнее, правда, позволило ей избежать появления инокультурных гетто), предложив строить отношения на основе «культурного плюрализма» и «межкультурного взаимодействия» при условии признания приезжими ценностей и норм итальянского общества. Но из богатого арсенала механизмов, накопленного в Европе, используется практически только обучение итальянскому языку.

Ислам на Апеннинах долгое время был второй религией по численности последователей, а в настоящее время делит второе-третье место с православием¹, однако здесь отсутствует договор между мусульманской общиной и государством, который бы определил официальный статус ислама. Его положение регулируется устаревшим Законом о культах 1929 г., хотя помимо католицизма договоры с государством имеют иудаизм и даже буддизм. Отсутствие официального признания ислама ограничивает права мусульманской общины на его исповедание: она не получает долю религиозного налога; сталкивается с сопротивлением при строительстве мечетей, большинство которых располагаются в сараях и гаражах и лишены купола и минарета²; в отличие от Западной Европы, где накоплен опыт преподавания ислама в школе, в Италии знакомство с ним мусульманских детей ограничено еженедельным «часом религии». На усмотрение местных властей отдано решение таких важных для мусульман вопросов, как отведение мест на кладбищах; возможность ритуального забоя скота; изменения в меню системы общественного питания, особенно в образовательных учреждениях, больницах, тюрьмах и др., что открывает простор для произвола. Учитывая особую роль ислама, который, по оценке специалистов, больше, чем религия, поскольку определяет все аспекты жизни – государственное, хозяйственное и судебное устройство, морально-нравственное поведение и быт верующих, отсутствие у него легального статуса создает предпосылки дискриминации по религиозному признаку.

Но не только противоречивая политика властей мешает созданию адекватных правовых и институциональных предпосылок социально-экономической, политической и культурной интегра-

---

¹ Cesnur: in Italia 836 religioni, e più immigrati cristiani che musulmani. Доступ: <http://www.ilquintuplo.it/cesnur-in-italia-836-religioni-e-piu-immigrati-cristiani-che-musulmani/>

² Мусульмане в Италии. Доступ: http://www.vatanym.ru/?an=vs311_mp1

ции мигрантов-мусульман. Если в Западной Европе лидеры находящихся у власти партий высказывались по мусульманскому вопросу в духе политкорректности, в Италии правоцентристские правительства С. Берлускони, используя контроль над СМИ, с 2001 г. легитимировали и культивировали исламофобию, создав негативный образ мусульман и ислама в целом. Дело не в том, что эти партии сумели ограничить приток мусульман, стимулировав въезд румын, молдаван, украинцев. Дело в том, что мигрантофобию и исламофобию они возвели в ранг государственной политики. Правоцентристы ввели уголовное наказание для мигрантов за нелегальное пребывание на Апеннинах; добились повышения срока натурализации; отклонили предложение предоставлять гражданство детям мигрантов, родившимся в Италии; были инициаторами моратория и законодательного запрета на строительство новых мечетей; одобрили создание добровольных дружин по примеру «Лиги Севера», которая вот уже более десяти лет организует патрули, использующие неонацистскую символику. Некоторые их начинания были отмечены особым цинизмом. «Закон о безопасности» 2009 г. предлагал наказывать врачей, оказывающих помощь нелегалам, и обязать мигрантов при устройстве детей в школу предъявлять документы, подтверждающие законность пребывания в стране. Лишь протесты интеллектуалов, напомнивших о законах Муссолини, запрещавших евреям работать и получать образование, помешали их одобрению. Жесткую политику проводят и возглавляемые правоцентристами муниципалитеты: запрещают носить хиджаб, возводят бетонные стены вокруг здания, где мусульмане учат итальянский язык; вводят специальные автобусы для мигрантов; школьные власти запрещают мусульманским детям отказываться от свинины и т.д. Такая деятельность существенно затрудняет интеграцию.

Негативные аспекты этой политики в определенной мере компенсируют левоцентристские партии и часть гражданского общества. В 2012 г. президент Дж. Наполитано, посетив центральную мечеть Рима, предложил давать гражданство детям мигрантов, родившимся в Италии. Муниципалитеты, возглавляемые левыми, идут навстречу мусульманам, разрешая строительство молелен, выделяя места на кладбищах и др. Большая работа ведется на уровне регионов – например, в Тоскане действует проект «Объединимся против расизма».

Важную роль в адаптации мигрантов играют профсоюзы, в деятельности которых принимают участие выходцы из Магриба,

занятые на сезонной работе, в рыболовном промысле и промышленности. Демократические партии и профсоюзы поддержали первую забастовку против расизма, организованную в 2010 г. работающими мигрантами. Ведущие профцентры выступают против их использования в теневом секторе, за устранение дискриминации и легализацию нелегалов, за право мигрантов голосовать на местных выборах. В 2010 г. ведущие профцентры отметили Первомай под знаком солидарности с мигрантами. Поводом стали спровоцированные мафией столкновения между мигрантами и местным населением в одном из местечек Калабрии, в ходе которых полиция ранила более 60 африканцев.

Активную работу с мигрантами ведут религиозные организации. Ватикан, еще в начале 1960-х годов ставший инициатором христианско-исламского диалога, неизменно выступает в защиту прав мигрантов в Италии, хотя в среде клира и иерархов нет консенсуса в отношении мусульманской проблемы. Ватикан высказался против закона, приравнивающего нелегальное пребывание к уголовному преступлению, и против организации добровольных дружин. Он поддержал право мусульман молиться в мечетях и одобрил идею преподавания мусульманским детям ислама в школах¹. В работу с мигрантами вовлечены тысячи католических священников и волонтеров. Они «встречают» их, организуя столовые, жилье, языковые курсы, медицинскую и юридическую помощь. С 2002 г. праздники под названием «День диалога между христианством и исламом», проводимые по случаю окончания мусульманского поста, сопровождаются организацией совместных трапез, встреч, круглых столов². Общими усилиями миссионерских центров, крупнейшего благотворительного центра «Каритас» и объединений мигрантов организуются «Праздники народов», этнические и культурные дни. Клирики нередко выступают посредниками между имамами и местной властью, организуют изучение арабского языка и т.д. В целом, именно деятельность левоцентристских сил и организаций гражданского общества смягчает исламофобию, способствуя развитию процессов интеграции.

---

¹ Ватикан поддержал предложение о введении в итальянских школах уроков Корана для учеников-мусульман. Доступ: <http://www.radonezh.ru/main/get-print/3492.html>

² В Италии христиане и мусульмане вместе отпразднуют окончание Рамадана. Доступ: http://www.trud.ru/article/26-10-2005/165515_vjtalii_xristiane_i_musulmane_vmeste_otprazdnjut/print

Итальянские мусульмане: Взаимодействие с секулярным обществом

В самой мусульманской общине идут разнонаправленные процессы. Под влиянием глобализации и секуляризации, с одной стороны, событий в мусульманском мире – с другой, часть мусульман Италии (и Запада в целом) пережила процесс реисламизации. Для них ислам стал основой существования, хотя он и не вытеснил полностью этническую самоидентификацию. Верующие ревностно соблюдают религиозные предписания и акцентируют свою религиозную принадлежность. Среди этой части мусульман, особенно молодежи, распространились неотрадиционализм и неофундаментализм, оспаривающие западные ценности. Неофундаментализм стал основой политического ислама, или исламизма, выступающего за «чистый», освобожденный от вековых наслоений и этнонациональных коннотаций ислам и за создание мусульманского государства на основах шариата.

Однако среди другой части мусульман встреча с секулярной реальностью изменила характер их религиозности. Их восприятие и исповедание ислама переживают процесс индивидуализации (субъективизации)¹, сопровождающийся «приватизацией» религиозного поведения, когда мусульманин, выстраивая свои отношения с религией, исходит из личного опыта. Для кого-то ислам превращается прежде всего в фактор культурной идентификации: оставаясь источником ценностей и смыслов, он воспринимается как частное дело, в приватном порядке исполняются некоторые предписания ислама, при этом манифестировать себя как его последователей в общественной жизни люди избегают. Этот процесс привел к появлению в Италии движения либерально настроенных мусульман, впрочем, немногочисленного.

Но и среди остальной части мусульман уменьшилась доля строго соблюдающих религиозные предписания – они реже молятся, от случая к случаю исполняют другие обязанности. В Италии ежемесячно посещают мечети приблизительно 5–7% верующих. Все это привело к заметным переменам в стиле их жизни, облегчающим включение в окружающее общество.

---

¹ По мнению специалистов, этот процесс затронул все без исключения религии, в том числе ислам в мусульманских странах, хотя и в меньшей мере, и приобрел необратимый характер. См.: Saint-Blancat Ch. *Imam e responsabili musulmani in relazione con la societa locale // Chiesa e Islam in Italia*. P. 79.

Особо стоит отметить, что изменилось поведение мусульманских женщин и отношение к ним в общине. В Пьемонте 86% мусульман согласны, чтобы женщина имела работу вне дома¹. Многие семьи здесь имеют лишь двух детей, инвестируют средства в образование детей, в том числе девочек, и девушек-мусульманок в вузах больше, чем юношей². Даже в крупнейшей организации умеренных фундаменталистов на высокий руководящий пост была избрана женщина. Эти культурные сдвиги, сопровождающиеся отказом от некоторых традиционных представлений и норм поведения, важно иметь в виду: некоторые социологи считают, что ислам может адаптироваться к западному контексту именно благодаря новой роли женщин³.

Изменения ментальности усилило тенденции к интеграции, в частности, во втором поколении мусульман. Постепенно занимающее руководящие позиции в общинах, оно выросло и получило образование уже в Италии, хорошо знает ее язык и не знает языка родителей. После терактов 2001 г. часть молодежи отвергла присущую поколению своих отцов политику «невидимого ислама» и начала осуществлять «стратегию присутствия» (*di visibilita*)⁴. Ее цель – помочь мусульманам включиться в итальянское общество, а последнему – преодолеть стереотипные представления о последователях ислама как исключительно фанатиках и террористах. Они ведут рутинную работу, завоевывая доверие и уважение сначала среди ближайшего окружения, потом налаживают связи на более высоких уровнях. Они конструктивно работают со СМИ, церквями, волонтерами, чиновниками и руководителями на всех этажах местного управления. Молодые имамы проводят политику транспарентности под лозунгом «Нам нечего скрывать, приходите в мечеть и фотографируйте». Для мусульман новые руководители создают журналы, радио, телеканал на итальянском языке, ориентированный на молодежь, проводят семинары и спортивные мероприятия, а для итальянцев – выставки, реалити-шоу и т.д. В целом, «стратегия присутствия» – это попытка осуществить

---

¹ Scaranari Introvigne S. I musulmani a Torino e in Piemonte. // Chiesa e Islam in Italia. – P. 97.

² Ibid. – P. 85, 99.

³ Ibid. – P. 99.

⁴ По мнению ряда исследователей, молодые мусульмане осуществляют «стратегию присутствия» и в Европе в целом: Saint-Blancat Ch. // Chiesa e Islam in Italia. – P. 73.

интеграцию снизу. Молодые руководители интуитивно нащупали направление работы, без которого верхушечные соглашения между мусульманскими организациями и властями грозят остаться пустым звуком.

Но стоит подчеркнуть, что стремление к интеграции не сопряжено с отказом от ислама: доля тех, кто объявляет себя незаинтересованным в религии или атеистами, крайне мала. Верующими остаются и мусульмане-либералы, не говоря уже о молодом поколении, которое пытается соединить верность религии с лояльностью итальянскому (или французскому) обществу и его культуре¹. Молодежь, в среде которой идет «процесс формирования современной мусульманской идентичности», спокойно и дружелюбно утверждает свое отличие². Исламская молодежь выбирает халяльные фастфуды, Мекка-колу, исламский рэп, исламскую моду и т.д., придавая религиозный вид секулярному в сущности поведению. Как отмечает исследователь С. Феррари, этой молодежи зачастую удается осуществить синтез мусульманской и европейской культуры, подтверждая, что «встреча возможна», но дорога к ней еще длинна³. Религия, таким образом, не мешает включению части мусульман в новую жизнь, опровергая представления ряда специалистов об исламе как непреодолимом препятствии на пути интеграции.

Умеренные мусульмане на пути к обретению политической субъектности

Процесс консолидации мусульманской общины затрудняет ее крайняя раздробленность по этническому, языковому, религиозному, культурному и политическому признакам. В Италии находятся мигранты из более чем 30 государств Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, а с начала 1990-х годов – и из Европы. Среди них преобладают сунниты со свойственным им отсутствием иерархической религиозной организации. Большинство объединений создавались по этническому признаку, хотя есть профессиональные, гендерные, спортивные союзы. В 1990-х годах появились организации политического ислама, прежде всего

---

¹ Pacini A. Chiesa e Islam in Italia. P. 25.

² Saint-Blancat Ch. Op. cit. – P. 74.

³ Ferrari S. Le comunita musulmane e i rapporti con lo stato // Chiesa e Islam in Italia. 45.

его экстремистского крыла – сторонников «Аль-Каиды», джихадистов, салафитов и др., весьма активных в тот период. В новом веке они действуют в подполье. К счастью, Италия избежала терактов. Тем не менее радикалы остаются влиятельной силой в ряде мечетей и культурных центров.

В настоящее время среди сторонников политического ислама преобладают умеренные фундаменталисты в лице транснациональной организации «Братья-мусульмане». Она отвергла насильственные методы борьбы и выдвинула идею исламизации снизу, а также использования в Европе некоторых элементов шариата. «Братья-мусульмане» в последние годы не выступают против интеграции, но более ревностно выполняют религиозные предписания. Они контролируют самый представительный до недавнего времени Союз общин и исламских организаций Италии (УСОИ), который в начале века поддерживали 130 мечетей и исламских центров¹. В 2007 г. из него выделился Союз итальянских мусульман, объединивший около полусотни организаций и акцентирующий фундаменталистские ценности. Он постоянно провоцирует напряженность, выступая с эпатажными требованиями – убрать распятия из школ, исключить изучение «Божественной комедии», разрушить фрески XV в. Активность фундаменталистов способствует сохранению высокого градуса исламофобии и вредит умеренным мусульманам.

Молчаливое мусульманское большинство, занимающее умеренные позиции, долгое время не имело авторитетной организации. Ее отсутствие обрекало на неудачу попытку начать диалог с государством, с 1990-х годов предпринимавшиеся рядом союзов. Это побудило Министерство внутренних дел Италии создать в 2005 г. Исламский консультативный совет, куда министр назначил 16 представителей основных объединений. Однако неконструктивная позиция УСОИ парализовала его деятельность. В 2010 г. министр внутренних дел Р. Марони сформировал экспертный орган – Комитет итальянского ислама с участием умеренных мусульман, а также специалистов по правовым и религиозным вопросам разных вероисповеданий.

Эти инициативы не привели к налаживанию постоянного диалога с мусульманами, но усилили позиции умеренных кругов, играющих все более заметную общественную роль. Они выступи-

---

¹ См.: Мусульмане в Италии. Доступ: http://www.vatanym.ru/?an=vs311_mpl

ли в 2004 г. с «Манифестом против терроризма», в котором осудили фанатиков-исламистов, использующих искаженную интерпретацию ислама¹, расценили смерть Бен Ладена как победу над терроризмом. В 2007 г. ряд ассоциаций подписал подготовленную властями Хартию о ценностях, гражданстве и иммиграции в знак приверженности принципам демократии и прав человека. Лидеры умеренных мусульман публично выступали против полигамии, в защиту закона о запрете паранджи и никаба, как ущемляющих права женщин, участвовали в освобождении итальянских заложниц.

Консолидация умеренных мусульман в Италии произошла позднее, чем в ряде стран Запада. В 2009 г. было создано Движение умеренных мусульман Италии, которое объединило либеральные круги и декларировало приверженность Конституции Италии, идее «полной и конструктивной интеграции». Поддержав государство в борьбе с исламизмом, оно предложило вести проповедь на итальянском языке и установить контроль над финансированием мечетей. Однако их призыв к «просвещенной реформе» ислама и ряд других вряд ли повысят привлекательность новой организации для мусульман, которые не полностью разделяют идеи европейского либерализма.

Нужна была менее идеологизированная организация, которая, наконец, была создана после длительной подготовки в марте 2012 г. К Конфедерации мусульман Италии присоединилось 250 мечетей по всей стране. Она декларирует отказ от насилия, приверженность принципам умеренности и терпимости, а также намерение возобновить диалог с государством. Своими приоритетами Конфедерация назвала обеспечение религиозной свободы, защиту прав женщин-мусульманок и подготовку имамов. Власти, закрепив за ней право на публичную проповедь, повысили привлекательность Конфедерации для организаций, оставшихся до поры за ее пределами². Будущее покажет, сможет ли она стать авторитетной силой, выражающей чаяния большинства мусульман, чтобы начать диалог с государством и приступить к решению многих неурегулированных вопросов. Это могло бы повысить доверие мусульман к властям страны и дать стимул их интеграции.

---

¹ Представители мусульман Италии призвали изолировать исламских фанатиков. Доступ: <http://rusk.ru/st.php?idar=710607c>

² В Италии создана Исламская конфедерация. Доступ: http://www.info-islam.ru/publ/novosti/mir/v_italii_sozdana_islamskaja_konfederacija/3-1-0-13924.

Мусульманская миграция, превратившаяся в болезненную проблему современной Европы, повсеместно бросила серьезный вызов западным элитам. В Италии интеграция развивается скорее не благодаря, а вопреки действиям властей, не сумевших своевременно разработать качественную правовую базу интеграции и обеспечить благоприятные социально-экономические и политико-культурные условия ее реализации. Это привело, в частности, к тому, что ведущие позиции в мусульманской общине долгое время занимали умеренные фундаменталисты. Однако традиции левой субкультуры на Апеннинях стимулировали интеграционные процессы среди умеренных мусульман, их консолидацию и превращение в активную общественно-политическую силу, присутствующую в профсоюзном, правозащитном и демократическом движениях. Умеренные мусульмане – важный ресурс в борьбе с радикалами.

Вместе с тем Италия, да и Старый Свет в целом подтверждают, что интеграционный процесс не является легким и быстрым, а сама интеграция – неизбежной и предопределенной. Готовность к ней проявляют мусульмане, имеющие легальный статус и более высокий уровень жизни. Массам нелегальных мигрантов и занятых в теневом секторе, испытывающим дискриминацию и маргинализацию, свойственно глубокое недоверие к лозунгам интеграции. Назрела потребность в новых подходах ко всей этой проблематике. В развернувшейся после терактов в Западной Европе дискуссии об эффективных направлениях интеграционной политики одни отстаивали приоритет социального включения, другие – культурного. Но, как представляется, лишь последовательное продвижение на обоих этих направлениях и наличие политической воли может дать стимул интеграции всё более широких слоев мигрантов. Однако кризис 2008 г. и последовавшая рецессия вкупе с разложением социального государства тормозят разработку и осуществление новых идей. Все это усугубляет проблемы мусульман-мигрантов, что может усилить симпатии к радикализму и исламу в их среде и надолго сохранит остроту мусульманской проблемы в Италии и Западной Европе в целом.

*«Глобальный мир: К новым моделям национального и регионального развития»,
М., 2014 г., т. 2, с. 198–205.*

С. Ланцов,
доктор политических наук (СПбГУ)
**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ**

В 2011 г. едва ли не самым заметным явлением мировой политики стали политические потрясения в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Эти события разворачивались столь стремительно, что попытки их анализа, как правило, запаздывали, а сделанные выводы и прогнозы не находили своего подтверждения на практике. Хотя говорить о стабилизации внутривосточной ситуации в арабских странах еще преждевременно, некоторые итоги революционных изменений, получивших название «арабская весна», подводить уже можно.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, в какой степени в событиях «арабской весны» проявились социально-политические механизмы, присущие революционным процессам прошлого и проанализированные в теоретических концепциях революции, получивших известность в рамках социологии и политической науки XX в., и какие новые тенденции обнаружились в них сегодня. Участники дискуссий по поводу событий на Большом Ближнем Востоке, отраженных в российской периодике, либо обходили эти вопросы стороной, либо опирались на теоретические модели революционных процессов, взятые из марксистского багажа, либо констатировали, что эти концепции, как и теории социальных движений, для нашего читателя мало известны (События..., 2011, с. 19). Действительно, у многих отечественных обществоведов представления о революционных процессах и общественных движениях основаны преимущественно на марксистском наследии. Отмечая большие теоретические заслуги марксизма, сегодня можно утверждать, что марксистская методология анализа социально-политических процессов вряд ли применима для реалий XXI в.

Изменение оценок событий на Ближнем Востоке в российской научной литературе и общественно-политической периодике обнаружило следующую тенденцию: в начале года преобладали нейтральные и даже позитивные оценки, к середине года появилось и далее увеличилось количество негативных оценок. Несомненно, это объясняется тем, что перемены, происходящие в Тунисе и Египте, не затрагивали существенным образом геополитическую ситуацию в регионе.

литические интересы России, но ход событий в Ливии создавал им реальную угрозу.

Как к масштабному и сложному социальному феномену, к революциям отношение было всегда неоднозначным. Пример этому – оценка революций с точки зрения основных политических идеологий. Консерватизм видел в революциях крайне негативное социальное явление, обусловленное вырвавшимися наружу глубинными инстинктами человека. К. Маркс называл революцию «праздником угнетенных» и «локомотивом истории». Современный научный политологический подход требует иного взгляда на революционные процессы. В свое время Питирим Сорокин подчеркивал: «Отношение к революции чрезвычайно субъективно. Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это недостижимо, но в меру сил должно быть выполнено» (Сорокин, 2005, с. 33).

События 2011 г. в арабском мире схожи с событиями, имевшими место в прошлом в других регионах мира. Например, в 1848 г. революционные процессы охватили значительную часть стран Западной и Центральной Европы, в 1968 г. массовые студенческие волнения прошли по многим государствам Европы, Азии и Америки. Здесь обнаружилось действие «принципа домино»: политические потрясения в одной стране подталкивают аналогичные события в соседних странах, таким образом, этот процесс становится самовоспроизводящимся. Именно этот феномен лег в основу широко известной в прошлом идеи «перманентной революции».

Однако, как отмечали российские и зарубежные наблюдатели, причины потрясений в каждой отдельно взятой стране были свои, общим, пожалуй, было то, что волнения коснулись авторитарных режимов, многие из которых существовали на протяжении десятилетий и, следовательно, накопили огромный потенциал недовольства по отношению к ним разных социальных слоев. Это недовольство было вызвано коррупцией, репрессивной практикой властей, а также большим количеством назревших социально-экономических проблем.

В отечественной политической публицистике с середины 2011 г. явно выразилось стремление представить события на Ближнем Востоке как результат сознательного и целенаправленного вмешательства извне. Перемены в арабских странах стали отождествлять с так называемыми «цветными революциями», имея в виду использование политических технологий, изобретен-

ных на Западе и реализованных в целом ряде стран в предшествующие годы. Однако «цветные революции» развивались совсем по другому сценарию и действительно во многом носили искусственный характер. Конечно, внешний фактор присутствует в политических потрясениях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, но не следует видеть в нем только «руку Вашингтона», как раньше усматривали «руку Москвы» в любых не выгодных Западу процессах и изменениях в мире.

Когда-то сам термин «революция» был весьма распространен и популярен в арабских странах. Революциями называли перевороты, организованные и осуществленные узкими группами, чаще всего армейских офицеров. Как правило, основная масса населения арабских стран оставалась пассивной и реального влияния на политические события не оказывала. В противоположность этому в 2011 г. мы наблюдали массовое политическое участие, характерное для классических революционных процессов. Результатами этих процессов пытались и пытаются воспользоваться не только внутренние, но и внешние акторы. Однако это не свидетельствует о том, что они с самого начала эти процессы организовывали, контролировали и направляли.

При всей специфике событий «арабской весны» они могут быть проанализированы с использованием теоретических концепций, объясняющих механизмы революционных процессов. В частности, вполне можно опираться на теорию «относительной депривации» Д. Дэвиса и Т. Гарра. Под относительной депривацией понимается разрыв между ценностными ожиданиями (материальными и иными условиями жизни, признаваемыми людьми справедливыми для себя) и ценностными возможностями (объемом жизненных благ, которые люди могут реально получить). Можно найти, указывал Д. Дэвис, большое количество исторических периодов, когда люди жили в бедности или подвергались чрезвычайно сильному гнету, но открыто не протестовали против этого. Постоянная бедность или лишения не делают людей революционерами; лишь, когда люди начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть, и тем, что должно бы быть, тогда и возникает синдром относительной депривации (Davies, 1962, p. 5–19).

Д. Дэвис и Т. Гарр выделяли три основных пути исторического развития, которые приводят к возникновению подобного синдрома и революционной ситуации. Первый путь таков: в результате появления и распространения новых идей, религиозных

доктрин, систем ценностей возникает ожидание более высоких жизненных стандартов, осознающихся людьми как справедливые, однако отсутствие реальных условий для реализации таких стандартов ведет к массовому недовольству. Такая ситуация может вызвать «революцию пробудившихся надежд» (Гарр, 2005, с. 88–90). Второй путь является во многом прямо противоположным. Ожидания остаются прежними, но происходит существенное ухудшение возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей в результате экономического или финансового кризиса или, если речь идет, прежде всего, не о материальных факторах, в случае неспособности государства обеспечить приемлемый уровень общественной безопасности, или из-за прихода к власти авторитарного, диктаторского режима. Такую ситуацию можно назвать «революцией отобранных выгод» (там же, с. 83–88). Третий путь представляет собой сочетание первых двух. Надежды на улучшение и возможности реального удовлетворения потребностей растут одновременно. Это происходит в период прогрессивного экономического роста, жизненные стандарты начинают возрастать, также поднимается уровень ожиданий. Но если на фоне такого процветания по каким-либо причинам (войны, экономический спад, стихийные бедствия и т.д.) резко падают возможности удовлетворения ставших привычными потребностей, это приводит к тому, что получает название «революции крушения прогресса». Ожидания по инерции продолжают расти, и разрыв между ними и реальностью становится еще более нестерпимым (там же, с. 90–94).

На наш взгляд, ситуация на Арабском Востоке была близка к третьему сценарию, предусмотренному Д. Дэвисом и Т. Гарром. Наиболее отчетливо это просматривается в Египте и Тунисе. Для обеих стран в предшествующие годы был характерен «демографический взрыв», в результате которого численность населения возросла, а в возрастной структуре значительно увеличились когорты молодежи. Например, сегодня в Египте молодые люди до 25 лет составляют более половины населения. И в Тунисе, и в Египте образовательный уровень молодежи по ближневосточным меркам довольно высок. Молодые люди весьма активно пользуются новыми информационными технологиями и хорошо знакомы с реалиями современного мира. Северная Африка географически расположена недалеко от Европы, и большой поток европейских туристов ориентирован именно на эти страны. С большой долей уверенности можно говорить о том, что жизненные притязания

молодежи Туниса и Египта существенно выросли. А вот возможности удовлетворить возраставшие запросы, скорее, снижались.

После начала мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. поток туристов сократился, что не могло не отразиться негативно на положении населения Туниса и Египта, экономика которых во многом зависит от зарубежного туризма. К тому же в Египте обострилась продовольственная ситуация, прежде всего для беднейших слоев. Из-за засухи, которая случилась летом 2010 г., были сокращены поставки относительно дешевого зерна из России.

Безусловно, наиболее активными участниками массовых выступлений, результатом которых стало падение режима Х. Мубарака, были представители не самых обездоленных слоев египетского населения. На улицы и площади Каира, так же как и в городах Туниса, выходили преимущественно образованные, но не видящие для себя перспективы молодые люди, недовольный авторитарными порядками городской средний класс. Общая же негативная экономическая ситуация в стране усугубляла развернувшийся политический кризис. Как и в других странах Ближнего Востока и Северной Африки, в Египте этот кризис не был вызван процессами делегитимации существовавших там авторитарных режимов.

Режимы, которые сохранили некоторый запас легитимности, сумели устоять, потерявшие легитимность режимы пали под напором своих внутривластных оппонентов, а в ряде случаев это произошло в результате внешнего давления.

Делегитимация существовавших политических систем и отождествлявшихся с ними политических лидеров подтверждает, что среди причин, вызвавших массовое недовольство и протесты в арабских странах, была коррупция. Известный французский социолог и политолог М. Доган именно коррупцию называл важнейшим признаком делегитимации любого политического режима (Доган, 1994). Правда, в Египте и Тунисе высокий по мировым меркам уровень коррупции не был самым большим среди стран «третьего мира». Но большое значение имеют, как и в случае с уровнем жизни, не объективные показатели, а их субъективное восприятие в массовом сознании. Недовольство коррупцией и в Египте, и в Тунисе оказалось сильнее, чем в других арабских странах, где ее уровень был не ниже, а даже выше египетского и тунисского (Системный..., 2012, с. 291).

Интересно отметить, что хотя недовольство существующим положением вещей имело место во многих странах арабского мира, сумели устоять и справиться с ситуацией, прежде всего, монархические режимы. Например, Иордания и Марокко, в отличие от нефтяных монархий Персидского залива, не обладают большими финансовыми ресурсами, которые можно использовать для сохранения лояльности своих подданных. Тем не менее и им удалось сбить волну народного протеста, не прибегая к широкомасштабным репрессиям. Видимо, на Арабском Востоке традиционный тип легитимности монархических режимов по-прежнему обладает вполне прочной базой в массовом народном сознании. В условиях монархии недовольство можно направить в сторону отдельных чиновников или институтов, но сам монарх выводится из-под удара. Достаточно главе государства принять меры, пусть лишь отчасти созвучные настроениям широких слоев населения, как градус народного недовольства падает.

Республиканские же по форме режимы в Тунисе, Египте и Ливии, как показала практика, таким запасом прочности не обладали. Конечно, их делегитимация произошла не в один день. Этот процесс продолжался на протяжении многих лет и даже десятилетий.

Бывший президент Египта Х. Мубарак в начале пребывания на посту главы государства пользовался широкой популярностью. Он скорректировал те аспекты внутривластного и внешнеполитического курса своего предшественника А. Садата, которые вызывали недовольство в большинстве слоев египетского общества. В отличие от откровенно диктаторских режимов, в Египте использовали такие формально демократические механизмы и процедуры легитимации политической власти, как регулярно проходившие президентские и парламентские выборы. Все это не меняло авторитарной сущности тогдашнего политического режима, но все же способствовало его стабилизации и сохранению. Однако против Х. Мубарака и созданной им системы власти играл фактор времени. Чем дальше, тем больше его фигура вызывала недовольство и отторжение. Процессу делегитимации существовавшего режима способствовало то, что он не мог справиться с многочисленными проблемами, появившимися в египетском обществе в первом десятилетии XXI в.

Фактор времени играл и против режима М. Каддафи в Ливии. В молодости М. Каддафи, несомненно, обладал всеми чертами харизматичного политического лидера. На первых порах его

личная харизма была едва ли не основным фактором легитимации режима, возникшего после военного переворота 1 сентября 1969 г. Как бы ни оценивать предложенную М. Каддафи «третью мировую теорию», она также была использована для легитимации власти ее автора. На основе этой «теории» была сконструирована вся политическая система Джамахирии и ее отдельные институты. Способствовало стабилизации и сохранению на протяжении десятилетий режима М. Каддафи и то, что Ливия является одним из наиболее богатых запасами нефти государств Ближнего Востока. Доходы от экспорта нефти позволяли до введения санкций против Ливии поддерживать здесь высокий уровень жизни. Введение санкций и последовавшее за этим падение уровня жизни в стране положили начало процессу делегитимации политического режима. Отмена санкций не остановила этот процесс, а ускорила его, поскольку породила ожидания, которые власти не смогли полностью удовлетворить.

У процесса делегитимации власти М. Каддафи, наряду с внутренними, были и внешние импульсы. М. Каддафи – типичный арабский политический лидер 60–70-х годов XX в. В тот период в арабском мире приобрели популярность идеи национализма, панарабизма и арабского социализма. Эти идеи тесным образом переплетались с антизападными, «антиимпериалистическими», как тогда было принято говорить, настроениями. Режим М. Каддафи стал одним из многих режимов «социалистической ориентации» того времени. За прошедшие десятилетия мир в целом и Ближний Восток в частности радикально изменились. На фоне этих изменений существовавшая в Ливии политическая система выглядела рудиментом прошлого. И хотя после снятия санкций ливийского лидера принимали на высшем уровне во многих странах мира, он так и остался «чужим» и для западных лидеров, и для глав большинства из арабских стран.

Пока ситуация в Ливии оставалась внешне спокойной, легитимность власти М. Каддафи открыто не ставилась под сомнение и во внешнем мире. Но как только, вслед за революционными потрясениями в соседних Тунисе и Египте, обстановка в Ливии также дестабилизировалась, выявилось большое количество недоброжелателей М. Каддафи как на Западе, так и на Арабском Востоке. Неадекватная реакция самого ливийского лидера, его резкие высказывания в адрес зарубежных государств и международных организаций способствовали усилению изоляции ливийского режима.

При оценке событий в Ливии в отечественной литературе также преобладает точка зрения о решающей роли в падении режима М. Каддафи внешнего фактора. Но не следует забывать, что до начала открытого вмешательства внешних сил во внутривосточный конфликт он уже принял форму прямого вооруженного столкновения противоборствующих сторон.

Несомненно, детонатором для политических потрясений в Ливии стало падение авторитарных режимов в соседних с ней Египте и Тунисе. Для сравнения политических процессов в этих трех странах можно использовать концепцию Ч. Тилли.

Ч. Тилли сосредоточил внимание на механизмах мобилизации различных групп населения для достижения революционных целей. В работе «От мобилизации к революции» он рассматривает революцию как особую форму коллективного действия, включающую четыре основных элемента: организацию, мобилизацию, общие интересы и возможность. Движения протеста только тогда смогут стать началом революционного коллективного действия, полагает Ч. Тилли, когда они будут оформлены в революционные группы с жесткой дисциплиной. Чтобы коллективное действие могло состояться, такой группе необходимо осуществить мобилизацию ресурсов (материальных, политических, моральных и т.д.). Мобилизация происходит на основе наличия у тех, кто вовлечен в коллективное действие, общих интересов. Социальные движения как средства мобилизации групповых ресурсов возникают тогда, когда люди лишены институализированных средств для выражения своих интересов, а также тогда, когда государственная власть оказывается не способной выполнить требования населения или когда она усиливает свои требования к нему. Неспособность оппозиционных групп обеспечить себе активное и действенное представительство в прежней политической системе обуславливает их выбор насильственных средств для достижения своих целей.

Характер конфликта между правящей элитой и оппозицией обуславливает степень передачи власти. Если конфликт приобретает форму простой взаимоисключающей альтернативы, то происходит полная передача власти, без последующих контактов между представителями ушедшего политического режима и постреволюционным правительством. Если коалиции включают различные политические силы, это облегчает сам процесс передачи власти, но в итоге новая революционная власть будет опираться на широкую политическую базу, в том числе и на отдельных представителей прежнего режима.

Ч. Тилли большое внимание уделял вопросу о том, как могут вести себя силовые структуры в условиях возникновения и развития протестного движения, а также проблеме наличия или отсутствия внешнего вмешательства. Он выделил семь стадий, которые может проходить революционный процесс. На первой стадии происходит оформление притязаний оппозиции на власть. На второй стадии оппозиционеры проводят мобилизацию своих сторонников. На третьей стадии правительство пытается провести насильственную репрессивную демобилизацию, т.е. подавить оппозиционное движение, опираясь на армию и другие силовые структуры. Если это не удастся, то революционный процесс движется дальше и вступает в четвертую стадию. На этой стадии противники прежнего режима устанавливают свой контроль над отдельными регионами или властными структурами. На пятой стадии они борются за расширение такого контроля. На шестой стадии окончательно решается вопрос о переходе власти. Возможны разные варианты: полная победа восставших, поражение восставших, компромисс между революционерами и некоторыми представителями прежнего режима. Но на седьмой стадии восстанавливается контроль либо новой, либо старой власти над всей территорией страны (Tilly, 1998, p. 216–217).

Новым в событиях «арабской весны» было отсутствие хорошо структурированных организаций и ярко выраженных лидеров в протестном движении. Но нельзя сказать, что протестные движения разворачивались только стихийно. В отличие от революций прошлого, в «первых революциях XXI века» (см.: Подцероб, 2011) мобилизация участников происходила при помощи современных информационных средств – Интернета, мобильной связи. Большую роль сыграли социальные сети, прежде всего «фейсбук», а также катарская телекомпания «Аль-Джазира». Но в целом революции в североафриканских странах проходили те же стадии, которые выделял Ч. Тилли. Также власти пытались осуществить «демобилизацию» протестующих силовым путем. В Тунисе и Египте такие попытки не увенчались успехом. Как и считал Ч. Тилли, важную роль в развитии ситуации играла позиция, которую заняла армия. И в Тунисе, и в Египте вооруженные силы отказали в поддержке бывшим диктаторам.

Заметным была и роль внешнего фактора, в частности стран Запада. И Бен Али, и Хосни Мубарак считались прозападными политическими деятелями, и их режимы рассматривались в качестве союзников Запада в противостоянии радикальным исламистам.

Поэтому в начале волнений в Тунисе и Египте ведущие страны Западной Европы и США продолжали сохранять лояльность по отношению к проверенным временем партнерам. Но как только устои режимов пошатнулись, страны Запада стали оказывать давление на эти режимы, что способствовало в конечном счете их падению.

Роль Запада в событиях «арабской весны» выглядит неоднозначно. Судя по первоначальной реакции, эти события стали неожиданностью для политических лидеров и элит Запада. С одной стороны, на официальном уровне они оказывали поддержку существовавшим в Северной Африке авторитарным режимам. С другой стороны, на протяжении длительного предшествующего периода США, в рамках политики «демократизации Большого Ближнего Востока», и государства ЕС, в рамках своей стратегии развития отношений со странами региона, оказывали поддержку различным общественным организациям, движениям и средствам массовой информации, выступавшим за демократические реформы.

Вероятно, опираясь на известный принцип «не складывать все яйца в одну корзину», руководство ведущих западных стран допускало возможность и готовилось к смене власти в ближневосточных государствах. И как только подобная перспектива стала реальной, оно быстро переключилось на поддержку оппозиционных сил, чтобы обеспечить сохранение своего влияния в регионе в будущем.

В отличие от Египта и Туниса, в Ливии революционный процесс прошел через большее количество стадий, соответствующих концепции Ч. Тилли. Роль внешнего фактора здесь была иной, чем в соседних государствах. В Ливии попытка силового подавления массовых выступлений вылилась в открытый внутренний вооруженный конфликт. Под контроль противников режима довольно быстро перешла часть территории страны. И, как и предусматривал в своей теоретической модели развития революционного процесса Ч. Тилли, восставшие против режима М. Каддафи силы стремились расширить зону своего контроля. То, что эти силы практически сразу же получили поддержку из-за рубежа, объясняется рядом причин. События в Ливии последовали за похожими событиями в Тунисе и Египте. Опыт уже победивших тунисской и египетской революций подсказывал, что аналогичные события возможны в Ливии и дни режима М. Каддафи сочтены. Сам же М. Каддафи не был «своим» ни для стран Запада, ни для арабских нефтяных монархий. К тому же Ливия, обладающая

большими нефтяными запасами, является куда более значимым государством для Запада, чем ее соседи. Поэтому, не дожидаясь завершения внутривосточного противостояния, некоторые страны Запада, и прежде всего Франция, поспешили установить прямые контакты с повстанцами. Оказалось, что выводы о близком конце режима М. Каддафи были сделаны преждевременно. Однако лидерам западных и арабских стран отступить было уже поздно и не оставалось ничего иного, как и далее оказывать поддержку переходному национальному совету в его борьбе против верных М. Каддафи вооруженных сил.

Легальной основой такой поддержки стала принятая по предложению Лиги арабских государств резолюция № 1973 Совета Безопасности ООН, установившая запрет на использование М. Каддафи авиации для ударов по противникам. На практике эта резолюция, принятая благодаря тому, что Россия и Китай при голосовании в Совете Безопасности ООН воздержались, стала легальной основой для вмешательства стран Запада во внутренний ливийский вооруженный конфликт. Известный российский политолог-арабист Г.И. Мирский справедливо заметил по поводу истинного смысла и содержания резолюции № 1973: «Строго говоря, введение режима запрета на полеты на территории какого-либо государства основывается на презумпции опасности, которую представляет это государство для своего народа. Эта презумпция не может относиться только к авиации, являющейся лишь частью военной машины той власти, от которой данная опасность исходит, но по логике вещей распространяется и на всю военную машину: ведь человеку, в которого летит снаряд из танка, не легче, чем тому, на которого с неба падает бомба. Если Каддафи использовал свою превосходящую военную мощь для истребления не только повстанцев, но и гражданского населения (а именно из этого предположения исходили авторы резолюции № 1973), то одно лишь очищение ливийского неба от его самолетов не решало проблемы. Требовалось бить с воздуха и по его наземным войскам, двигавшимся к Бенгази. Все это легко можно было просчитать заранее, и лукавством, если не лицемерием, выглядели последующие разговоры о том, что мы, мол, намеревались лишь изгнать с неба авиацию диктатора» (Мирский, 2011, с. 103).

Действия авиации стран НАТО спасли повстанцев от разгрома, но вовсе не обеспечили их победы. Силы сторон в какой-то мере оказались уравновешены. Ни М. Каддафи не мог восстановить контроль над Бенгази и другими территориями, захваченными

повстанцами, ни повстанцы не могли овладеть столицей страны Триполи и другими опорными пунктами прежнего режима. Таким образом, конфликт приобретал затяжной характер. Поскольку такой сценарий не устраивал внешние силы ни на Западе, ни на Арабском Востоке, они решились на вмешательство уже без всякой реальной с точки зрения международного права основы. Иностранцы спецназовцы помогли повстанцам овладеть Триполи, а затем установить контроль над всей территорией страны. Таким образом, ливийская революция достигла, в соответствии с концепцией Ч. Тилли, шестой и седьмой, заключительной, стадий. При помощи извне Переходному национальному совету удалось установить контроль над территорией всей Ливии, хотя эффективность этого контроля изначально вызывала определенные сомнения.

Усиление роли внешнего фактора на заключительном этапе развития ливийской революции вовсе не означает, что эта роль была определяющей на ранних этапах не только в революционном процессе в самой Ливии, но и в других арабских странах. Говоря о соотношении внутренних и внешних факторов развития революционных процессов, российский исследователь Л. Фитуни отмечает: «Конечно, в каждой стране особенности вызревания социального взрыва уникальны. Происходящее всегда определяется комплексом обстоятельств, причин и факторов, их конкретными взаимовлияниями и взаимодействием. При полном отсутствии внутренних предпосылок социального взрыва никакой внешний импульс не мог бы вызвать революционный подъем и массовые демонстрации. С другой стороны, без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне ни тунисская, ни египетская, ни тем более ливийская революции не имели бы реальной перспективы. Власти этих стран с большими или меньшими затратами могли бы, как это уже не раз имело место в арабской истории, подавить недовольство (в том числе и при помощи вооружений и финансовых средств дружественных им западных держав)» (Фитуни, 2012, с. 11–12). Однако, продолжает Л. Фитуни, «на этот раз выступления оппозиционных сил с требованиями демократизации получили внешнюю поддержку. Западные демократии предоставили протестующим необходимые технические возможности для организации и консолидации сил, а в Ливии просто воевали на стороне оппозиции. При этом на арабские правительства постоянно оказывалось давление с целью не допустить принятия решительных мер, которые привели

бы к свертыванию протестов и пресечению беспорядков» (Фитуни, 2012, с. 32).

Правда, следует заметить, что иностранное вмешательство в события «арабской весны» было не только на стороне протестующих. В Бахрейне действия спецназа, направленного властями Саудовской Аравии, привели к подавлению массовых протестов шиитского большинства населения этой страны против суннитского меньшинства. Действия спецназа опирались на одобрение консервативных арабских монархий и молчаливое сочувствие ведущих стран Запада. Таким образом, отношение к политическим потрясениям в разных странах Большого Ближнего Востока было различным и зависело от внешнеполитических интересов тех или иных государств. Для монархических режимов Персидского залива устранение М. Каддафи представлялось выгодным, а свержение монархии в Бахрейне недопустимым по многим причинам, и прежде всего из-за опасения, что это приведет к усилению позиций Ирана в регионе. Видимо, по этой же причине на Западе предпочли забыть о проблеме защиты прав человека в Бахрейне.

Стремясь воспользоваться результатами событий «арабской весны» в собственных интересах, лидеры западных государств готовы были забыть и о других публично провозглашенных ими принципах. Так, они постарались закрыть глаза на то, что среди вооруженных противников режима М. Каддафи было немало боевиков, напрямую связанных с «Аль-Каидой». Когда обнаружилось, что на выборах в Тунисе, а затем и в Египте верх одерживают не приверженцы либерально-демократических взглядов, а исламисты, в США и других странах Запада стали делать ставку на последних. Правда, в их рядах видели прежде всего умеренных исламистов, к которым сегодня причисляются даже «Братья-мусульмане», традиционно считавшиеся фундаменталистской и экстремистской организацией.

Появившиеся после событий «арабской весны» в государствах Северной Африки новые политические режимы неизбежно столкнулись и будут сталкиваться со многими серьезными проблемами. Наиболее фундаментальная из них – проблема легитимации новых политических систем и составляющих их политических институтов.

В Египте и Тунисе были задействованы классические демократические процедуры легитимации власти в виде принятия новых конституций и проведения выборов. Однако результаты выборов разочаровали сторонников западных либерально-демо-

кратических ценностей. Большинство египетских и тунисских избирателей отдали свои голоса представителям исламских политических партий и движений. Это неудивительно, поскольку итоги выборов отражают реальные настроения основных слоев населения этих стран. Можно предположить, что религиозный, исламский фактор будет оказывать сильное влияние на формирование новых политических институтов в постреволюционных Египте и Тунисе, а также на процесс легитимации власти в целом.

Новым властям придется в ближайшем будущем столкнуться со сложными социально-экономическими проблемами. От степени эффективности решения этих проблем будет зависеть процесс легитимации новых политических режимов. Политические потрясения не устранили накопившиеся проблемы, а скорее, обострили их, особенно в Египте. Легких и быстрых путей решения этих проблем не существует, следовательно, легитимность новой постреволюционной власти будет ставиться под сомнение, а политическая нестабильность будет сохраняться. Еще в большей степени это относится к Ливии. Хотя эта страна обладает большими запасами нефти, ее экономика и инфраструктура разрушены гражданской войной и их восстановление потребует значительных средств и времени. Многолетний эксперимент по строительству Джамахирии разрушил многие государственные и общественные структуры, что является дополнительным препятствием на пути формирования новой политической системы и ее легитимации.

Геополитические изменения, происшедшие в результате «арабской весны», пока еще сложно оценить в полном масштабе. Во всяком случае, вряд ли можно утверждать, что «демократизация Большого Ближнего Востока» существенно продвинулась. Пали авторитарные режимы, практика которых мало соответствовала западным стандартам демократии. Но им на смену пришли режимы, которые, возможно, будут соответствовать этим стандартам еще меньше. В прошлом страны Запада, и прежде всего США, умели находить общий язык с радикальными исламистами (Политическое..., 2011, с. 96–105). Сегодня, после усиления, с одной стороны, позиций исламистов в странах Северной Африки, с другой стороны, в результате физического уничтожения «врага № 1» – Усамы бен Ладена, наметилось новое сближение западных лидеров и элит со сторонниками радикального ислама на Ближнем Востоке.

Поскольку страны Запада напрямую поддержали противников режима М. Каддафи, новые ливийские власти заявили, что

приоритеты в реализации выгодных контрактов будут предоставлены нефтяным компаниям этих стран.

После свержения М. Каддафи интересы стран Запада, консервативных арабских режимов и радикальных исламистов вновь совпали в расшатывании ситуации в Сирии. «Арабская весна» коснулась и этого государства. В Сирии уже давно тлеет внутренний конфликт между правящим режимом партии БААС и разномастной оппозицией, среди которой особой активностью отличались исламисты, близкие к организации «Братья-мусульмане». В предшествующий период на протяжении довольно длительного времени сирийские власти использовали силовые методы подавления оппозиционных настроений. Такая практика была продолжена и после того, как события в других арабских странах спровоцировали осложнение обстановки в Сирии.

Изначально ведущие страны Запада вели курс на свержение режима Б. Асада. Причина, конечно, заключалась не в репрессивной практике сирийских властей, а в том, что Сирия являлась в последние годы союзником Ирана в регионе. А Иран рассматривался как геополитический противник не только Соединенными Штатами и их западными союзниками, но и властями Саудовской Аравии и другими монархиями Персидского залива. Не питают к шиитскому Ирану симпатий и «Аль-Каида», «Братья-мусульмане» и другие исламистские организации суннитского толка.

Мотивы, по которым Турция склонилась к поддержке сирийской оппозиции, несколько иные. В последние годы Турция радикально перестраивала свою внешнюю политику. Эта перестройка имела множество векторов, и один из них – усиление турецкого влияния на территориях, входивших когда-то в состав Османской империи, т.е. почти по всему арабскому миру. Нынешняя правящая элита Турции, позиционируя себя как сторонницу модели «умеренного ислама», рассчитывала поднять роль своей страны в регионе Большого Ближнего Востока. Сирия – соседка Турции, и эта страна когда-то была одной из ее провинций. Поэтому включение Сирии в орбиту турецкого влияния вполне соответствует концепции неоосманизма.

Одновременно с улучшением отношений между Турцией и арабскими и исламскими государствами происходило ухудшение турецко-израильских отношений. Следовательно, происходящие на Ближнем Востоке события еще более усложняют и запутывают ситуацию вокруг урегулирования палестино-израильского конфликта. Таким образом, если в краткосрочной перспективе

странам Запада удалось извлечь из изменений на Ближнем Востоке определенные выгоды, то в среднесрочной и длительной перспективе об этом говорить пока не приходится. Геополитическая ситуация на Ближнем Востоке в дальнейшем будет становиться все более сложной и запутанной.

Безусловно, необходимо представлять геополитические последствия событий на Большом Ближнем Востоке и для Российской Федерации. На наш взгляд, можно говорить о завершении целого периода развития отношений России со странами Ближневосточного региона и о начале нового периода. Последние 20 лет Российская Федерация искала для себя новое место в региональной подсистеме международных отношений на Ближнем Востоке, отличное от того места, которое принадлежало Советскому Союзу. С этой целью развивались двухсторонние отношения с Израилем, предпринимались усилия по выстраиванию диалога с теми арабскими государствами, которые находились вне круга близких партнеров СССР. При этом в начале 1990-х годов ослабли отношения с прежними союзниками Советского Союза в регионе. Во многом это произошло по не зависящим от России причинам. Например, Ливия и Ирак подвергались международным санкциям, что отражалось на характере их международных связей.

Поскольку особых успехов в деле расширения круга ближневосточных партнеров российская дипломатия не добилась, то с начала XXI в. ее усилия были направлены на реанимацию связей, оставшихся с советских времен. К концу десятилетия старые связи, прежде всего в сферах военно-технического и энергетического сотрудничества, были восстановлены. Основными партнерами России на Ближнем Востоке, как и в советские времена, стали Алжир, Ливия, Сирия. Правда, из этого списка выпал Ирак, где после свержения в результате внешнего вмешательства режима С. Хусейна многие совместные российско-иракские проекты были либо заморожены, либо отменены.

События «арабской весны» первоначально не затрагивали напрямую интересов России в регионе. С Тунисом тесных отношений никогда не было, а в Египте еще со времен Советского Союза позиции отечественной внешней политики были сильно ослаблены. Наличие же серьезных геополитических и геоэкономических интересов в Ливии обусловило противоречивое отношение российского руководства к политическим потрясениям в этой североафриканской стране. Одна сторона политических событий – официальная на тот момент ливийская власть, другая сторона –

оппозиция, с которой, возможно, придется устанавливать контакты в будущем. Россия, в отличие от западных стран, не оказывала прямой помощи противникам режима М. Каддафи, поэтому после победы оппозиции большинство российских проектов в Ливии оказалось под вопросом.

Пример Ирака, а затем и Ливии, несомненно, оказал влияние на отношение руководства России к событиям в Сирии. В этой стране, бывшей долгие годы партнером СССР, а затем и РФ на Ближнем Востоке, российская дипломатия однозначно поддержала существующую власть, одновременно предпринимая попытки стать посредником в урегулировании внутривосточного конфликта. Однако независимо от того, как завершится внутривосточное противостояние в Сирии, трансформация существующего там режима неизбежна.

Политический ландшафт Ближнего Востока за один год радикально изменился. Когда-то Советский Союз сумел закрепиться в Ближневосточном регионе благодаря появлению там радикальных антизападных режимов «социалистической ориентации». Сегодня последние из этих режимов сходят с политической сцены. Независимо от того, как будут развиваться внутривосточные процессы в арабских странах, международная ситуация на Ближнем Востоке будет иной, чем в недавнем прошлом. Следовательно, внешняя политика России в данном регионе будет формироваться в качественно иных условиях.

Литература

1. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Изд-во «Питер», 2005. (Gurt T.R. Why Men Rebel. SPb., 2005.)
2. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. – 1994. – № 6. (Dogan M. Legitimacy of Regimes and Crisis of Trust // Sociological Studies. 1994. N 6.)
3. Мирский Г. Арабский мир: Надоело, не верим, не боимся // Международные процессы. – 2011. – Январь–апрель. – Т. 9. – № 1 (25). (Mirskiy G. The Arab World: No More Fear, No More Lies // International Trends. Vol. 9. N 1 (25). January–April 2011.)
4. Подцероб А. Восстания арабов в XXI веке: Что дальше? // Международная жизнь. – 2011. – № 10. (Podtserob A. The XXI Century Arab Uprisings: What Comes Next? // International Affairs. 2011. N 10.)
5. Политическое цунами. Анализ событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. – М., 2011. (Political Tsunami. Analysis of Events in the Northern Africa and the Middle East. – M., 2011.)

6. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. «Арабская весна» 2011 года / Отв. ред. А.В. Коротаев, Ю.В. Зенькова, А.С. Холунов. – М., Изд-во ЛКИ, 2012. (Systemic Monitoring of Global and Regional Risks. «Arab Spring» of 2011 / Ed. by A.V. Korotaev, Y.V. Zenkova, A.S. Kholunov. – M., LKI, 2012.)
7. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: Причины и следствия // «Мировая экономика и международные отношения». – 2011. – № 7. (Events in Northern Africa and Middle East: Causes and Consequences // World Economics and International Relations. 2011. N 7.)
8. Сорокин П.А. Социология революции. – М., 2005. (Sorokin P. The Sociology of Revolution. – M., 2005.)
9. Фитуни Л. «Арабская весна»: Трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // «Мировая экономика и международные отношения». – 2012. – № 1. (Fituni L. «Arab Spring»: Transformation of Political Paradigm in Context of International Relations // World Economics and International Relations. – 2012. N 1.)
10. Davies J.C. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. – 1962. – Vol. 10.
11. Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading. MA Addison-Wesley, 1998.

*«Политэкс»,
СПб., 2013 г., т. 9, № 1, с. 144–159.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. Брилёв,

доктор философских наук
(НПУ им. М.П. Драгоманова, г. Киев)

ИСЛАМ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ. МОДЕРНИСТСКИЕ ГРУППЫ УКРАИНЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Обращаясь к деятельности модернистских (исламистских) групп в Украине, их вписанности в международный контекст, следует отметить, что в рамках нашего исследования мы рассматриваем деятельность не всех подобных групп, действующих в Украине, а лишь наиболее влиятельных, которые можно отнести к так называемым «центрам силы» в украинской умме. Подобным «модернистским» центром силы, оказывающим заметное влияние на функционирование мусульманского сообщества в Украине, является Всеукраинская ассоциация общественных организаций (ВАОО) «Альраид» (основана в 1997 г.), на конец 2011 г. объединявшая 20 общественных организаций [Открытый отчет ВАОО «Альраид» за 2008–2011 гг., с. 4] и аффилированное с ней Духовное управление мусульман Украины «Умма» (зарегистрирована в 2008 г.), включающее в себя религиозные общины, тяготеющие к «Альраиду» [Брилёв, 2011, с. 204–205].

Эти организации представляют в Украине модернистский вектор в современном исламе и являются идеологически близкими к движению «Братья-мусульмане», которое является образцом, по которому организовано большинство современных модернистских движений. Некоторые украинские исследователи прямо идентифицируют «Альраид» с «Братьями-мусульманами». Например, по словам директора Центра ближневосточных исследований Игоря Семиволоса, «Альраид» – это фактически те же самые «Братья-мусульмане» [Новоросс.info, 2011].

В идеологическом плане связь между украинскими модернистами и их ближневосточными коллегами прослеживается также вполне отчетливо. Так, безусловным авторитетом для ВАОО «Альраид» и ДУМУ «Умма» является ведущий идеолог движения «Братья-мусульмане» Юсуф Кардави¹. При этом, если говорить об идеологической составляющей, то одним из главных отличий ВАОО «Альраид» и ДУМУ «Умма» от остальных исламских организаций Украины является модернистский подход к вопросу таклида и иджтихада. Вслед за своим идеологом Юсуфом Кардави, который достаточно критично относится к таклиду и следованию правилам одного мазхаба, украинские модернисты также не связывают ислам с религиозной традицией какого-либо мусульманского народа. Как заметил муфтий ДУМУ «Умма» Сергей (Саид) Исмагилов, мусульмане этой структуры не делают акцент на привязке к какому-либо мазхабу. По словам С. Исмагилова, «религиозные взгляды и практики, не соответствующие строгим рамкам ортодоксального суннизма <...>, становятся частным делом отдельных верующих» [Атаев, 2011].

Пропагандируя идеи Ю. Кардави, «Альраид» активно выпускает его труды, в частности «Исламское возрождение в свете дозволенного расхождения и осуждаемого раскола», содержащий весьма неоднозначные высказывания и идеи относительно следования мазхабам. Например, в указанной работе можно встретить в том числе и призыв к убийству фанатичных последователей какого-либо мазхаба: «Тот, кто совершает это (фанатично следует кому-либо, кроме Посланника Аллаха, подобно фанатикам Малика, Аш-Шафии, Ахмада или Абу Ханифы, считающим, что мнение определенного лица есть истина, которой необходимо придерживаться, отвергая мнение его противников. – *Прим. авт.*), не только является заблудшим невеждой, но и, вполне возможно, безбожником. Когда он считает, что люди должны, как и он, придерживаться мнения какого-либо из этих имамов, отвергая все остальные, ему необходимо покаяться. Если же он не согласится, его необходимо *убить* (курсив мой. – *Авт.*)» [Аль-Кардави, 2011, с. 121].

Еще одним важным компонентом идеологии ВАОО «Альраид» и ДУМУ «Умма» является «палестинский вопрос», занимающий одно из центральных мест в идеологии «Братьев-мусульман»

---

¹ Как отмечается на сайте «Альраида»: «Шейх Юсуф Кардави – один из авторитетнейших современных исламских ученых, с мнением которого считают-ся мусульмане всего мира» [Шейх Юсуф Кардави, 2003].

во всем мире. Как отмечает М. Ражбадинов, палестинский вопрос занимал центральное место в теории и практике «Братьев-мусульман» с самого начала зарождения движения. Как говорил еще его основатель Хасан аль-Банна, проблема Палестины важна для каждого мусульманина потому, что эта земля – колыбель пророков, место святыни ислама – мечети Аль-Акса, там же находится первая кибла всех мусульман. Также некоторые положения этой позиции были аргументированы в официальном заявлении верховного наставника Мухаммеда Хамида Абу ан-Насра в мае 1991 г. [Ражбадинов, 2003, с. 341]. На сайтах организации, в газете «Арраид» регулярно освещаются события в Палестине, борьба палестинцев за право на самоопределение, в отношении Израиля нередко используются эвфемизмы «сионистское образование», «образование “Израиль”» и т.п. Долгое время в газете «Арраид» даже присутствовала отдельная рубрика – «Палестинская панорама». При этом стоит отметить, что практически во всех материалах отчетливо прослеживаются симпатии редакции к движению ХАМАС и негативное отношение к ФАТХу.

В организационном отношении у ВАОО «Альраид» также преобладают связи с организациями, ассоциирующимися с движением «Братья-мусульмане». Так, в годовом отчете «Альраида» указывается, что Ассоциация сотрудничает с рядом неправительственных организаций и является членом Федерации исламских организаций Европы (FIOE), Форума европейских мусульманских молодежных и студенческих организаций (FEMYSO), Международного исламского форума студенческих организаций (IIFSO) [Открытый отчет., с. 4], которые рядом западных исследователей рассматриваются как структуры, близкие к «Братьям-мусульманам» [Massignon, 2007, p. 130].

Беглый анализ спонсоров данной организации также подтверждает преобладание финансовых связей с организациями, объединенными идеологией «Братьев-мусульман». Так, среди основных спонсоров «Альраида» в разное время можно назвать британскую организацию «Исламская помощь» (Islamic Relief, IRW)¹, кувейтскую организацию «Общество социальных реформ» (Social reform society), саудовскую организацию «Всемирная ассамблея

---

¹ «Исламская помощь» (Islamic Relief Worldwide, ERW) – основана в Великобритании (г. Бирмингем) в 1984 г. одним из лидеров египетских «Братьев-мусульман», советником экс-президента Египта Мухаммеда Мурси по внешней политике Эссамом ал-Хаддадом [Tracer et al., 2012].

мусульманской молодежи» (World Assembly of Muslim Youth, WAMY), Федерацию исламских организаций Европы (FIOE) и ряд других организаций. Кроме того, в этом списке присутствуют не только общественные организации, но и правительственные учреждения – например, кувейтский Дом закята или Министерство по делам Ислама и вакфов. Также следует отметить, что, по словам бывшего председателя ВАОО «Альраид» Исмаила Кади, помимо финансовых вопросов с упомянутым министерством согласовываются все стратегические вопросы развития Ассоциации [Кади, 2010].

Вследствие своего модернистского характера, ВАОО «Альраид» и ДУМУ «Умма» демонстрируют выраженный политический активизм, стремление инкорпорироваться во властные структуры, создать политическое лобби. Так, Исмаил Кади в своем интервью с сожалением констатировал: «...пока что мы еще не дошли до этого уровня (представительства в правительстве. – *Авт.*), несмотря на наше сотрудничество с другими партиями» [там же].

Свое стремление ориентироваться на организации, идеологически (в первую очередь – признающие авторитет Юсуфа Кардави) и организационно близкие к Ассоциации «Братья-мусульмане», главным образом – в странах Европы и Ближнего Востока, – представители украинских модернистов поясняют отсутствием со стороны данных организаций стремления контролировать деятельность украинских единоверцев. Например, как отмечает в своей программной статье муфтий ДУМУ «Умма» С. Исмагилов, «среди всех возможных векторов развития наиболее перспективным выглядит сближение и сотрудничество с мусульманами Европы... Европейские организации, такие, как Союз имамов Европы, Федерация исламских организаций Европы, Европейский Совет фетв и исследований и т.п. не навязывают нам своих правил, не стремятся взять под контроль, а приглашают к взаимовыгодному сотрудничеству» [Исмагилов, 2012, с. 52–53].

При этом интересно отметить, что, по мнению ряда украинских исследователей, активное продвижение украинскими модернистами авторитета Кардави (а также связанного с ним движения) как авторитетнейшего ученого современности связано с тем, что реальное влияние Кардави и связанных с ним организаций (в том числе перечисленных муфтием ДУМУ «Умма») на общественное мнение западноевропейских мусульман на самом деле достаточно мало, значительно меньшее, чем влияние национальных мусуль-

манских ассоциаций, особенно турецких. Большой процент европейских мусульман вообще остается за пределами влияния как одних, так и других. На этом фоне популяризация идей и авторитета Кардави (и связанного с ним движения) в Украине и России, и, как следствие, перспектива распространения его духовного влияния на аудиторию украинских мусульман, насчитывающую не менее полмиллиона человек, оправдывает любые усилия [Богомолов и др., 2006, с. 47].

При этом усилия и успехи украинских коллег всегда высоко оценивались европейскими модернистами. К примеру, опыт «Аль-раида» получил высокую оценку на портале IslamOnline, который до недавнего времени возглавлял Юсуф Кардави. При этом был особо подчеркнут высокий уровень развития институциональных возможностей, хорошо налаженные связи «Аль-раида» с политическим руководством страны [там же, с. 47–48].

Во время своего визита в Украину президент Федерации исламских организаций Европы Шакиб Бенмахлюф также не преминул в своей беседе с представителями ДУМУ «Умма» позитивно оценить высокий уровень общественной деятельности последних и активность исламского религиозного возрождения в Украине [Мусульмане Украины..., 2009].

Важное место в международной деятельности украинских представителей модернистского движения занимает взаимодействие с идеологически близкими структурами в европейской части постсоветского пространства. Так, за последние два года было заключено три договора о дружбе и сотрудничестве между ДУМУ «Умма» и рядом исламских организаций Беларуси, Молдовы и Литвы. Так, 30 ноября 2011 г. был подписан договор между ДУМУ «Умма» и ДУМ Беларуси, а 27 сентября 2012 г. – договор о дружбе и сотрудничестве с идеологически близкой к ДУМУ «Умма» Лигой мусульман Молдовы (Liga Islamica din Republika Moldova) [Угода про співпрацю..., 2012].

19 сентября 2013 г. в Донецке состоялось торжественное подписание договора о дружбе и сотрудничестве между Духовным управлением мусульман Украины «Умма» и Духовным центром мусульман-суннитов Литвы. Договор предусматривает развитие двухсторонних духовных контактов, взаимопомощь, обмен опытом, литературой, а также совместное участие в религиозных, культурных и научных мероприятиях. Как подчеркнул муфтий ДУМУ «Умма» С. Исмагилов, «мусульмане Украины и Литвы имеют очень много общего. Мы не только близки в религиозных

канонических аспектах, так как принадлежим к ортодоксальной суннитской исламской традиции, но и близки культурно, ментально» [Заклучен договор..., 2013].

При этом муфтий обосновал общность мусульман Украины и Литвы тем, что литовские мусульмане являются потомками крымских татар, которые представляют собой основную массу мусульман Украины. Однако происхождение польско-литовских татар, населяющих Польшу, Литву и Беларусь, имеет несколько более сложный характер, чем вариант, предложенный муфтием, и включает как минимум три волны расселения мусульман на данной территории, причем крымские татары составляют лишь последнюю и не самую многочисленную [Tuhan-Baranowski and Kruman, 1896].

Причина подобной «коррекции» исторической действительности лежит в политической, возможно даже геополитической плоскости. Фактически, С. Исмагилов подтверждает подобное предположение следующим высказыванием: «Такая религиозная, культурная, ментальная близость может стать основой для дальнейшей, более близкой консолидации и более тесному сотрудничеству мусульман Центральной Европы из Украины, Беларуси, Молдовы, Прибалтики, Польши и Румынии» [Заклучен договор..., 2013].

То есть, по сути, речь идет о возможной попытке восстановления проекта времен имперской России, когда мусульмане Украины (Таврическая губерния), Литвы, Польши и Беларуси (Западные губернии) подчинялись Таврическому магометанскому духовному правлению. Таким образом, можно говорить об определенной эволюции (или, возможно, инволюции) организационных форм украинских представителей модернистской идеологии – от неправительственных общественных организаций к духовным управлениям и в последующем – возможном укрупнении до межгосударственного объединения, сопровождающемся инкорпорацией во властные структуры. По крайней мере, подобный сценарий вполне соответствует политическим амбициям сторонников политического активизма «Братьев-мусульман» (в том числе – украинских).

Возвращаясь к международной деятельности рассматриваемых организаций, следует отметить, что в последнее время ДУМУ «Умма» и «Альраид» активно продвигают запущенный в 2006 г. религиозно-политический проект «Васатыйя» (по версии модернистов, название происходит от араб. – «срединность»), направлен-

ный в первую очередь на мусульманское меньшинство в странах Запада и призванный усилить влияние Кувейта на политическом и геополитическом уровнях. Как отметил идеолог этого проекта, заместитель министра по делам Ислама и вакфов Кувейта, руководитель Международного центра «Аль-Васатыйя» Адель аль-Фалях, «...зачем нам открывать филиал центра “Аль-Васатыйя” в Украине, когда тут так эффективно работает “Альраид”?» [Аль-Фалях, 2012]. При этом следует отметить, что, по некоторым данным, Адель аль-Фалях, будучи главой благотворительной организации «Комитет мусульман Азии», в 1997 г. принимал активное участие в создании ассоциации «Альраид». Однако в связи с недавними событиями в Кувейте, когда власти этой страны начали кампанию по искоренению влияния «Братьев-мусульман» в государственных структурах, возникает вопрос о дальнейшей судьбе этого проекта.

В этой связи следует упомянуть, что в последнее время руководство «Альраида» старается дистанцироваться от ассоциаций с движением «Братья-мусульмане» [Маррей, 2012]. Причиной этого, на наш взгляд, стали репутационные потери «Братьев-мусульман», когда получила распространение информация о преследованиях представителями этого исламистского движения своих оппонентов, склонности к nepoтизму, фальсификации на выборах, участии в вооруженном противостоянии в Сирии, и ряд других фактов, негативно отражающихся на имидже движения. Еще больше имидж движения пострадал в результате массовых протестов египтян против власти «Братьев-мусульман», закончившихся военным переворотом. Но дистанцироваться не всегда удается (выше мы уже приводили слова Игоря Семиволоса), причем «Альраид» и ДУМУ «Умма» рассматриваются как представители идеологии «Братьев-мусульман» не только своими критиками, но и сторонниками. К примеру, как отмечается на сайте белорусских мусульман, при подписании упомянутого договора о сотрудничестве между двумя организациями «от украинской стороны на встрече присутствовали известные украинские представители идеологии созданного в Египте в начале прошлого столетия модернистского движения “Ихвануль-муслимун” (“Братья-мусульмане”. – *Авт.*): председатель правления ДУМУ “Умма” Игорь Карпишен, муфтий Саид Исмагилов, глава ВАОО “Альраид” Исмаил Кади» [Главы ДУМ Беларуси..., 2011].

Аналогичным образом освещается и договор между ДУМУ «Умма» и Лигой мусульман Молдовы: «Сегодня именно едино-

верцы из Украины являются главными партнерами исламской общины Молдовы. Аналогичный договор с ДУМУ “Умма”, подписанный в прошлом году, имеет ДУМ Беларуси. Все организации относятся, в определенном смысле, к реформистскому толку, отличаясь от традиционных духовных управлений» [Лига мусульман Молдовы... 2012].

Подводя итог нашей работы, следует отметить, что украинские представители модернистского направления в современном исламе глубоко инкорпорированы в международные сетевые структуры как на организационном, так и финансовом уровнях, нередко являясь проводниками определенных политических или геополитических проектов. В то же время обращает на себя внимание специфика организационных форм модернистов на постсоветском пространстве, их стремление выступать в том числе и в виде «традиционных» духовных управлений, тем самым легитимируя себя в глазах представителей власти.

Библиография

1. Адель аль-Фалях: «Зачем нам открывать филиал центра «Аль-Васатыйя» в Украине, если здесь так эффективно работает «Альраид»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.araaid.org/ru/node/2104> (Дата обращения 23.12.2013.)
2. Аль-Кардави Ю. Исламское возрождение в свете дозволенного расхождения и осуждаемого раскола. – К.: «Ансар Фаундейшн», 2011. – 160 с.
3. Атаев Т. О некоторых аспектах развития Ислама в Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamsng.comy'ukr/report/1580> (Дата обращения 23.12.2013.)
4. Богомолов А.В., Данилов С.И., Семиволос И.Н., Яворская Г.М. Исламская идентичность в Украине. – К.: ИД «Стилос», 2006. – 198 с.
5. Брилёв Д.В. Центры силы в украинской умме // Ислам в России и за ее пределами: История, общество, культура: Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Баталхаджи Белхароева. – СПб.: Магас, 2011. – 674 с.
6. Главы ДУМ Бел закрепили отношения с украинской исламской организацией модернистского толка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muslimby.imfo/?p=1318> (Дата обращения 23.12.2013.)
7. Заключен договор о сотрудничестве между мусульманами Украины и Литвы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umma.ru.ua/?p=866> (Дата обращения 23.12.2013.)
8. Исмагілов С.В. Програма стаття Духовного управління мусульман України «Умма» / Матеріали ІІ Міжнародної науково-практичної конференції «Іслам та ісламознавство в Україні». – Донецьк: ЦРДМДС, 2012. – 132 с.

9. Кади Исмаил: Аль-Хукумат валь Хай'ат аль-Исламийа аль-Халиджийа Ту-каддиму Ляна Мал'юн Дулар Санавиййан (на араб. яз.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-seyusah.com/AtricleView/tabid/59/smld/438/ArticleID/95238/Default.aspx> (Дата обращения 12.10.2012.)
10. Лига мусульман Молдовы подписала договор с единоверцами из Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamsng.com/mda/news/5491> (Дата обращения 23.12.2013.)
11. Маррей Б. «Умеренность во всем дает свои плоды» // Арраид. – № 1 (149). – 2012. – С. 6–7.
12. Мусульмане Украины – активная часть европейской уммы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://islam.in.ua/3/rus/vg_forum_addsubjectform/2224/visibletype/1/index.html (Дата обращения 23.12.2013.)
13. Открытый отчет ВАОО «Альартд» за 2008–2011 гг. – б.д.
14. Ражбадинов М.З. Египетское движение «Братьев-мусульман». – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – 432 с.
15. Религиовед из Киева считает, что хабашиты создали в Крыму свой Духовный центр мусульман специально для борьбы с исламской партией «Братья-мусульмане» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novoross.info/people/8804-religioved-iz-kieva-schitaet-cto-habashity-sozdali-v-krymu-svoyu-duhovnyu-centr-musulman-specialno-dlya-borby-s-islamskoj-partiej-bratya-musulmane.html> (Дата обращения 23.12.2013.)
16. Угода про співпрацю між мусульманами України та Молдови [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://umma.in.ua/?p=476> (Дата обращения 23.12.2013.)
17. Шейх Юсуф Карадави [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://islamua.net/islam_ua-/fatwa/?aut=9 (Дата обращения 23.11.2013.)
18. Massignon, B. (2007), «Islam in the European Commission's system of regulation of religion», in A. Al-Azmeh & E. Fokas (Ed.), Islam, in Europe: Diversity, Identity and Influence, Cambridge University Press, New York.
19. Trager E., Kiraly K., Klose C. & Calhoun E. Who's Who in Egypt's Muslim Brotherhood [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/whos-who-in-the-muslim-brotherhood> (Дата обращения 23.12.2013.)
20. Tuhān-Baranowski M., Kruman A. O muślimach litewskich. – Warszawa: Gebethner & Wolff, 1896.

*«Ислам в мультикультурном мире:
Мусульманские движения и механизмы
воспроизводства идеологии ислама
в современном информационном пространстве»,
Казань, 2014 г., с. 55–66.*

Т. Каландаров,
кандидат исторических наук
(Институт этнологии и антропологии РАН)
**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ИСМАИЛИТОВ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
И ПЕРЕМНЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЕ»***

Сборник статей сотрудников Института исследований исмаилизма¹ (Лондон) и приглашенных авторов из разных стран вышел в серии «Наследие исмаилитов». Серия издается на английском языке под эгидой отдела академических исследований и публикаций данного института. В России академические издания традиционно сфокусированы на освещении «классического» ислама, в то время как разнообразные мазхабы и школы шиитского ислама зачастую остаются в стороне от внимания ученых. Что же касается такого значимого шиитского сообщества, как исмаилитское, то в трудах исследователей о нем практически не рассказывается, хотя среди шиитов исмаилиты являются вторым по значимости сообществом – после двенадцатников (иснашаритов). Исмаилизм восходит корнями к 765 г., когда после кончины имама² Джафара ас-Садика сторонники его старшего сына Исмаила отошли от сторонников его другого сына. По имени старшего сына эту отколовшуюся группу начали именовать исмаилитами. Сегодня численность исмаилитов составляет несколько миллионов человек, проживающих в более чем 25 странах мира. Большая часть сообщества исмаилитов считает своим духовным лидером Его Высочество принца Карима Ага Хана IV (род. 1936).

Рассматриваемая нами книга состоит из четырех частей, введения, глоссария, библиографии, списка сокращенных названий международных организаций и указателя. Каждая часть включает в себя несколько статей.

Во введении редактор книги, содиректор Института исследований исмаилизма доктор Фархад Дафтари, отмечает, что авторами статей сборника являются ученые-исмаилиты, как молодые, так и маститые, «которые хорошо знакомы с местными языками, а также с устной и литературной традицией своих сооб-

---

* Новейшая история исмаилитов. Преемственность и перемены в мусульманской общине / Отв. ред. д-р Фархад Дафтари. – М.: Наталис, 2013. – 480 с. (A Modern History of the Ismailis: Continuity and Change in a Muslim Community. – L: IB Taurus. 2011.)

ществ» (с. 12). Сборник, по словам того же Дафтари, представляет «первую скромную попытку связать в единое целое доступные нам знания по истории исмаилитов двух последних веков» (с. 37). Первая часть книги – «Новейшая история исмаилитов-низаритов Сирии, Центральной Азии и Китая» – посвящена истории исмаилитских сообществ данного региона в XIX–XX вв. На достаточно обширной территории проживают исмаилиты с различными этническими и культурными особенностями. Об исмаилитах Сирии пишет Дик Доувес. То, что автором статьи выступает немусульманский автор и не носитель культуры исмаилитов Сирии, имеет сильные и слабые стороны. Сильной стороной статьи Доувеса, на мой взгляд, является объективный анализ внутрисмаилитских разногласий в Сирии в период новейшей истории. Однако автор совершенно не анализирует религиозную практику исмаилитов, к примеру, практически ничего не говорит о религиозной поэзии (анашид). Хотя, по моему мнению, эта поэзия сыграла большую роль в сохранении исмаилитской идентичности сирийских исмаилитов.

Вторая статья посвящена исмаилитам Центральной Азии в Новое время. Она принадлежит перу выходцев из Центральной Азии, точнее, из Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, ныне сотрудников Института исследований исмаилизма Хакима Эльназарова и Султонбека Аксаколова. География охвата очень широкая: от провинции Синьцзян Китая до северных районов Пакистана. При этом главный акцент делается на исмаилитах Таджикистана и Афганистана. Этот большой регион распространения исмаилизма в основном включает горные районы «Крыши мира», как иногда называют Памир. Авторы рассматривают историю исмаилитов региона параллельно с религиозными обрядами, что, несомненно, является сильной стороной исследования. В то же время не уделено должного внимания некоторым важным нововведениям религиозной практики, которые внедрялись по указанию Ага Хана IV уже на современном этапе, например, обряды никах и проводы души умершего даъвати фана («призыв к вечности»). Исмаилитам провинции Синьцзян отведен всего один абзац, отсылающий читателя к следующей статье – об исмаилитах Китая.

Этой теме – исмаилитам Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район) в Новое время – посвящена статья Амира Саидулы. В отличие от авторов двух предыдущих статей Саидула делает основной акцент на религиозных верованиях и практике китайских

исмаилитов. Описания святых мест и паломничества к ним, целебных средств и предохранительной магии, обрядов жизненного цикла и др. делают статью особенно ценной для этнографов. Однако детально описывая обряды религиозной жизни китайских исмаилитов, автор недостаточно полно освещает историю возникновения и развития исмаилитской общины этой части Китая. Справедливости ради стоит отметить, что многие документы религиозного характера во время «культурной революции» (1966–1976) были уничтожены. Но, в любом случае, историческая связь китайских и таджикских исмаилитов является бесспорным фактом, которому, к сожалению, автор не уделил должного внимания.

Али Асани в своей статье рассказывает об исмаилитах-ходжах Южной Азии (ходжа – вероятно, перс. «господин»), их истории, эволюции их идентичности – от индуистских воззрений до собственно исмаилитских.

Зульфикар Хирджи пишет об исмаилитах Восточной Африки XIX – середины XX в. Сильной стороной статьи можно считать обилие цитат из документов, касающихся внутриобщинных споров и разбирательств, когда многие юридические вопросы и проблемы ритуальной практики решались в судах. Автор детально анализирует создание общинного исмаилитского управления в Восточной Африке.

Статья Ширазы Тобани рассказывает о модернизации образования в Южной Азии и роли, которую сыграл в этом процессе сэр Султан Мухаммед Шах Ага Хан III. Несомненно, вклад Ага Хана III очень велик, и автор справедливо широко цитирует его высказывания. Видимо, объем статьи не позволил представить полный анализ конкретных мер, предпринятых правительством с целью совершенствования образования в Индии.

Третья часть книги посвящена новейшей истории исмаилитов, их современным институтам и перспективам. В этой части представлены статьи о Сети Ага Хана по развитию (Aga Khan Development Network – AKDN), антропогенной среде, о гендерной политике Ага Хана III и Ага Хана IV и об интеграции исмаилитов в современное общество Канады. Эта часть, на мой взгляд, тематически обособлена и остается несколько в стороне от внимания читателя. Мализ Рутвен, которая пишет о Сети Ага Хана по развитию, в основном описывает входящие в AKDN институты и их роль в развитии стран «третьего мира». Хотя об этом в мировой научной литературе написано достаточно, в том числе непосредственно на сайте Сети³, однако для русскоязычного читателя статья

имеет, безусловно, большое значение. К сожалению, автор не анализирует сложности и проблемы, с которыми сталкиваются учреждения, входящие в структуру АКДН в разных странах, например в Афганистане и Пакистане. Архитектор и дизайнер Стефано Бьянка пишет о роли одной из организаций Сети, а именно Траста Ага Хана по культуре, в сохранении и возрождении как архитектурно и исторически значимых объектов исламского мира, так и всего мирового культурного наследия. Забота об антропогенной среде со стороны АКДН приводит автора к философскому размышлению о том, что «забота об антропогенной среде, материально организованной человеком, практически превращает фрагментарный мир человека в символ всеобщего вневременного порядка и помогает ему обнаружить, что его внутренняя и его внешняя вселенные едины» [с. 300].

Зайн Р. Кассам в своей статье анализирует гендерную политику двух последних имамов исмаилитов – Ага Хана III и Ага Хана IV. Она приводит обильные цитаты из выступлений Ага Хана III по «женскому вопросу». По ее словам, «Ага Хан III может считаться провидцем, человеком, который революционизировал взгляд на женщин и отношение к ним» [с. 317], а Ага Хана IV автор считает основателем Сети по развитию – организации, программа которой «реализовала гендерное равноправие» [с. 318].

Статья Карим Х. Карим посвящена интеграции исмаилитов в современное общество Канады. Исмаилитская община Канады насчитывает около 80 тыс. человек. Первая волна миграции исмаилитов была в 1972 г. из Уганды, когда правительство этой страны депортировало всех азиатов – выходцев из Индии. Хотя большинство из них являлись гражданами Уганды, это им не помогло. Следующие волны были связаны с революцией в Иране, непрекращающейся войной в Афганистане. Сегодня исмаилитская община Канады является одной из самых успешных и динамично развивающихся. Отмечая положительные стороны миграции исмаилитов в Канаду, Карим Х. Карим упускает такие проблемы заокеанской общины, как маргинализация молодежи, столкновение традиционализма и неолиберализма, к примеру трансформация моделей сексуального поведения – от нежелания жениться на исмаилитке до принадлежности к гей-сообществу, а также сложности религиозной идентичности молодежи и т.д.

В четвертой части сборника, озаглавленной «Исмаилиты-мусталиты (тайибиты)», авторы Сайфийа Кутбуддин и Тахир Кутбуддин максимально детально анализируют историю, идеологию

и культуру тайибитов⁴. Если статьи и диссертации о низаритских исмаилитах в академических кругах России иногда встретить можно, то об исмаилитах-тайибитах не публикуется практически ничего.

Подводя итоги, хочу сказать, что выход такой книги, несмотря на некоторые замечания, о которых я говорил выше, является бесспорным вкладом в развитие международной научной мысли в области исмаилизма. Рецензируемый сборник будет крайне полезен для всех специалистов по истории и историографии исмаилизма, этнографов, религиоведов. Следует также отметить профессиональный перевод данного сборника на русский язык, который выполнила Лейла Рахимовна Додихудоева.

Примечания

¹ Институт основан в 1977 г. с целью содействия изучению мусульманских культур и сообществ для лучшего понимания их взаимоотношений с другими сообществами и религиями. Тематика исследовательских программ Института охватывает культуру народов территорий, где исповедуется ислам, начиная от Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии и Африки вплоть до стран Западной Европы и Северной Америки. Особое внимание уделяется современному периоду в свете новых глобальных вызовов, в первую очередь вызовов мусульманским сообществам и всему человечеству. Издания Института отличает плюрализм взглядов; при этом, естественно, не упускается главный критерий научных публикаций – высокий академический статус.

² Здесь и далее слово «имам» употребляется в значении «духовный лидер».

³ См.: www.akdn.org.

⁴ Тайибиты произошли от сына фатимидского халифа ал-Амира (ум. 1130 г.) ат-Тайиба. Сегодня они считаются исмаилитским меньшинством. Живут в основном в Йемене и Индии. Подробнее см.: Дафтари Ф. Исмаилиты: их история и доктрины. – М.: Наталис, 2011. – С. 313–324.

*«Этнографическое обозрение»,
М., 2014 г., № 4, с. 179–181.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2015 – 1 (272)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/І-2015 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,75 Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 300 экз. Заказ № 198

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

